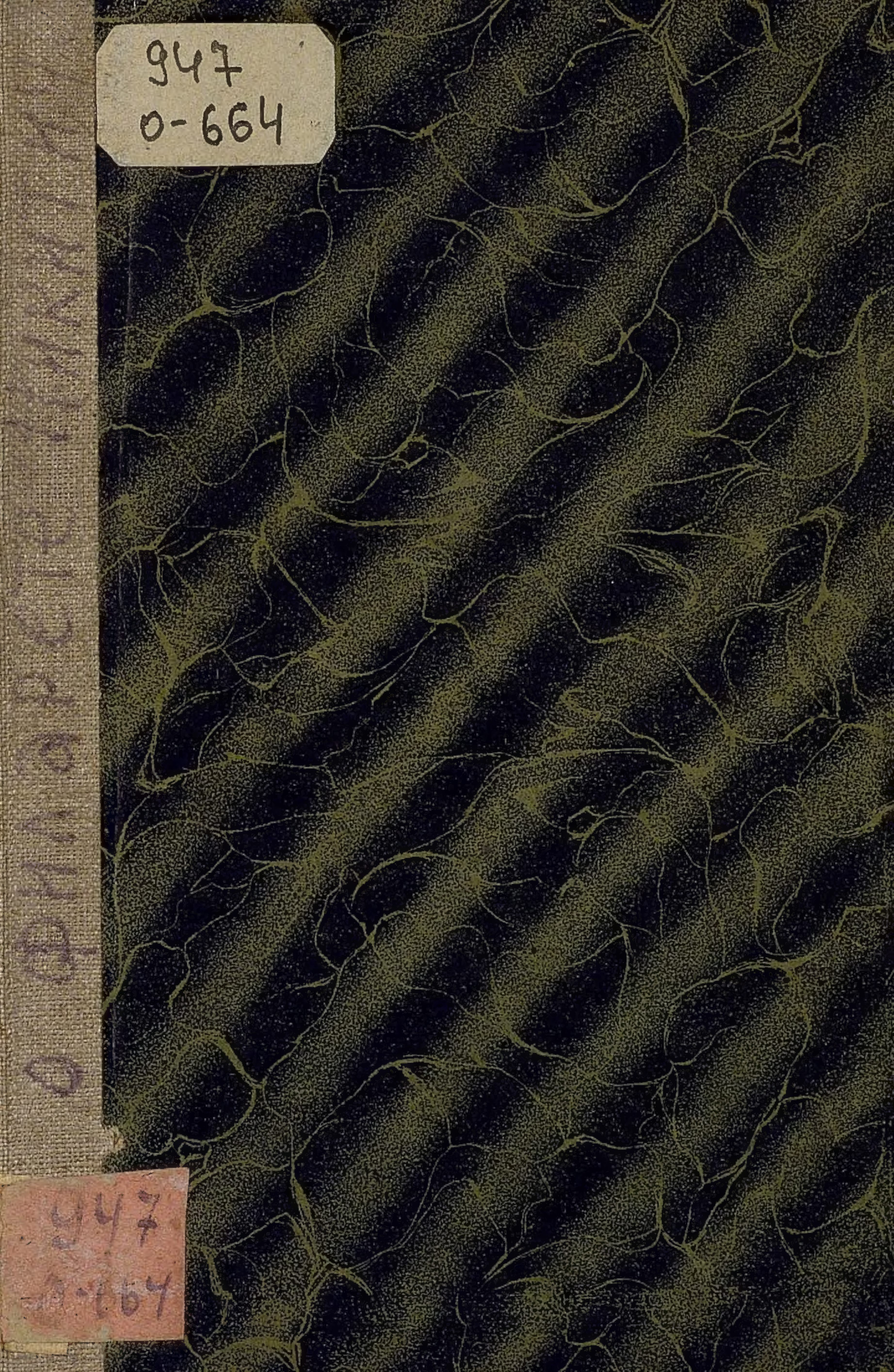
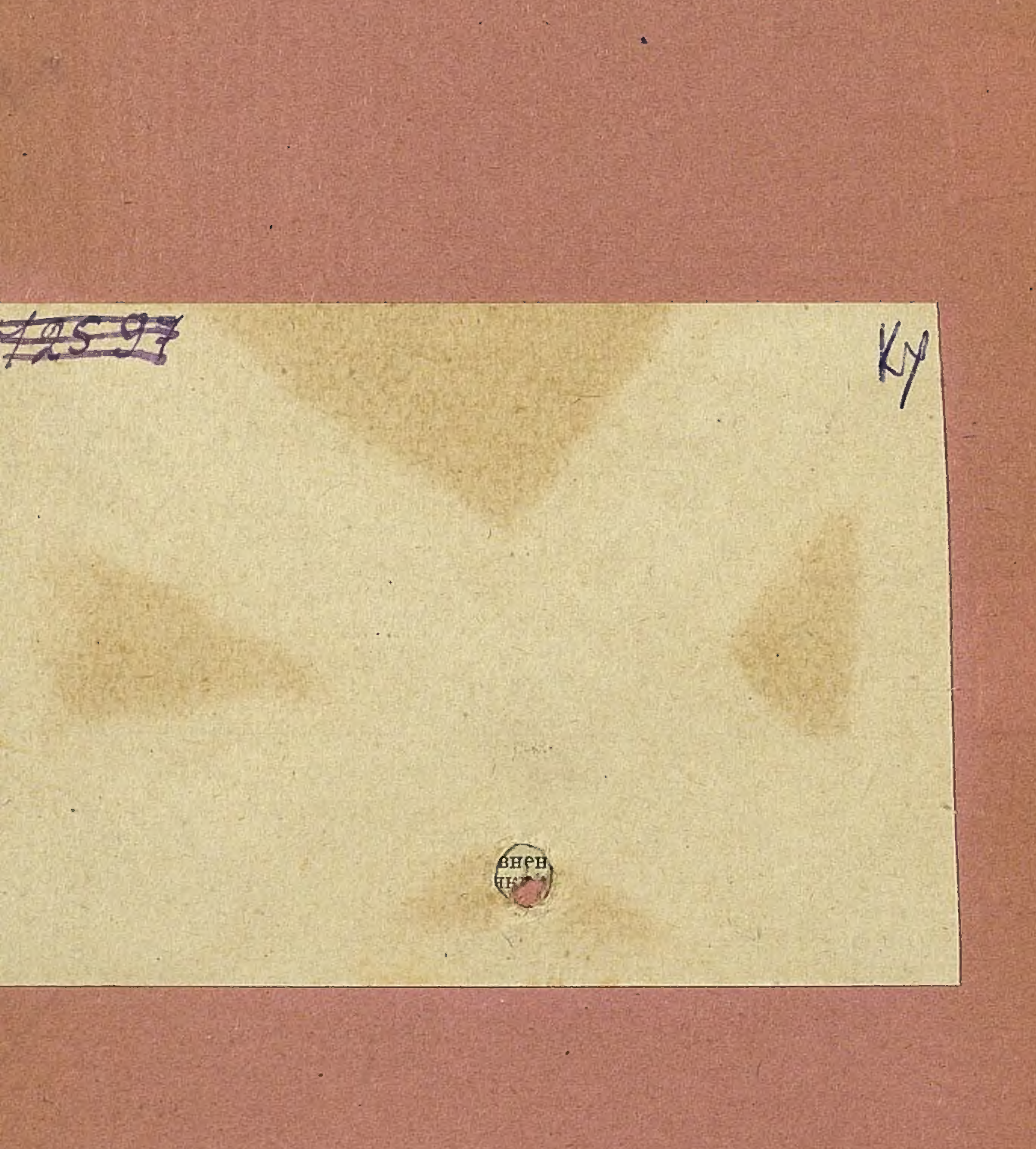

947
О-664
947
О-664


125 97
Ky

Ф. ОРЛОВЪ.

ЛЕГЕНДА

о

ФИЛАРЕТѢ НИКИТИЧѢ



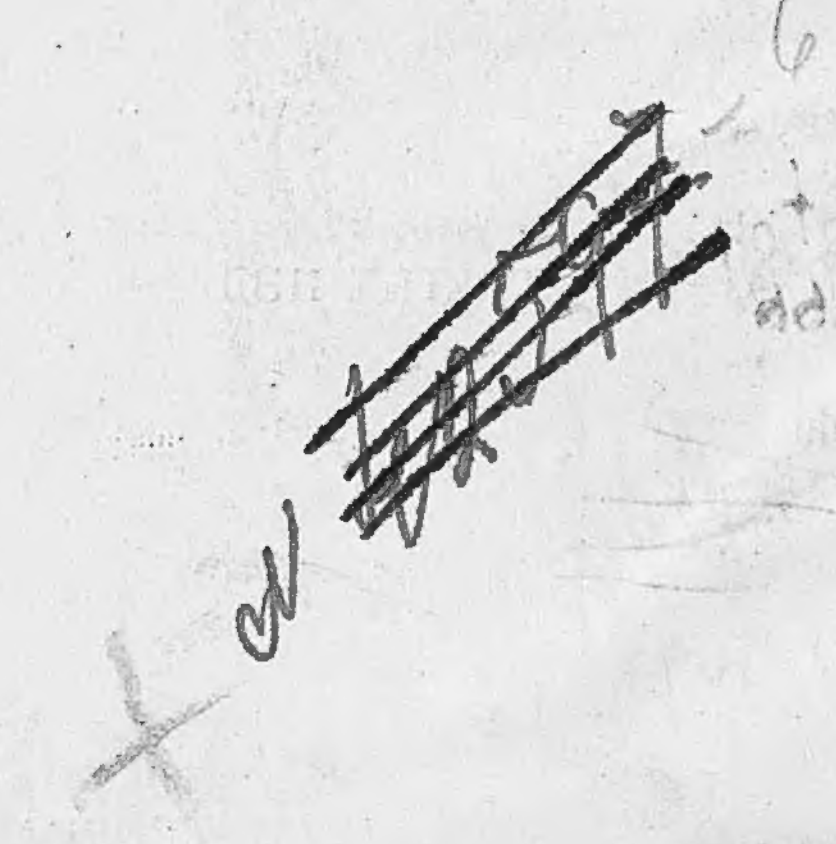
1614—1615

По поводу брошюры М. П. Устимовича: «Митрополитъ Филаретъ и царь Василій Шуйскій въ польскомъ плѣну».

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ, ДОПОЛНЕННОЕ




ПЕТРОГРАДЪ
1915



 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13 

Легенда о митрополитѣ Филаретѣ въ Варшавѣ.

По поводу послѣдней брошюры М. П. Устимовича.

Съ кого они портреты пишутъ?..
Гдѣ разговоры эти слышатъ?..

I.

Недавно въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ» отмѣченъ былъ голосъ русскаго человѣка, г. М. Иванова, считающаго посейчасъ «неумѣстнымъ» сооруженіе въ центрѣ Варшавы православнаго собора, несмотря на то, что храмъ этотъ освященъ два года тому назадъ, а строился онъ передъ тѣмъ ровно восемнадцать лѣтъ. Теперь передъ нами—брошюра г. М. Устимовича, полагающаго вотъ «болѣе чѣмъ неумѣстнымъ» и сооруженіе православной часовни,—памятника патріарху Филарету въ той же Варшавѣ [1]). Вопросъ объ этой часовнѣ поднятъ былъ еще тридцать

---

[1]) М. П. Устимовичъ. «Митрополитъ Филаретъ и царь Василій Шуйскій въ польскомъ плѣну». Изданіе варшавскаго православнаго св.-Троицкаго братства. Варшава. 1913 г.

лѣтъ назадъ: тогда указывалось и мѣсто для нея, вблизи Филаретовой башни; на постройку собрано было пожертвованій сорокъ тысячъ рублей, но часовня до сихъ поръ не построена.

М. М. Ивановъ—музыкальный критикъ столичной газеты,—онъ же авторъ оперы, по тексту Грибоѣдова, «Горе отъ ума»,—подпавшій въ Варшавѣ подъ вліяніе чужого «народнаго чувства». М. П. Устимовичъ—староста стараго св.-Троицкаго собора въ Варшавѣ, товарищъ предсѣдателя мѣстнаго православнаго братства, варшавскій старожилъ, теперь, какъ видно, не признающій въ себѣ ни своего, ни какого-либо иного народнаго чувства; онъ пишетъ независимо... съ высоты собственнаго своего «я»... «Я предоставляю предержащимъ властямъ и русскому обществу разрѣшить вопросъ о постройкѣ часовни»... «Я позволяю себѣ освѣтить разнорѣчивыя сказанія и разсѣять преданіе о пребываніи нашего іерарха въ Варшавѣ»,—гордо возвѣщаетъ онъ читателямъ... «J'accuse»—и, дѣйствительно, въ концѣ концовъ, онъ обвиняетъ и обвиняетъ, что называется, съ больной головы на здоровую.

Казалось бы, г. Устимовичу, чуть ли не въ продолженіе полустолѣтія вѣдающему кружечными церковными сборами, ближе всего тутъ поинтересоваться, куда дѣвались собранныя въ 1885 году на часовню въ Варшавѣ деньги, о чемъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни въ русской, ни въ польской «построчной» печати, какъ называются имъ періодическія изданія. Но это обстоятельство г. Устимовичъ скромно обходитъ. Онъ устремляется въ болѣе родственную ему область... ниспровергаетъ преданіе о пребываніи Филарета Никитича въ башнѣ костела бернардиновъ въ Варшавѣ.

Обвиненія сыплются на автора брошюры «Исконно-русское достояніе въ Варшавѣ», посвященной сооруженію часовни-памятника Филарету, изданной два года назадъ въ Петроградѣ, ко дню юбилея Дома Романовыхъ. Въ брошюрѣ этой, между прочимъ, напечатано было:

«Память патріарха Филарета чтитъ вся Русь православная, помнитъ его многотрудную жизнь, поминаетъ и польское заточеніе. Не утратилась она и въ Варшавѣ, а преданіе указываетъ и мѣсто, гдѣ онъ здѣсь временно жилъ въ заключеніи; разсказы о томъ дошли до нашихъ дней и вызвали мысль объ увѣковѣченіи его памяти и на будущее время». Въ брошюрѣ указывались и другія мѣста, и внѣ Варшавы, гдѣ находился Филаретъ на жительствѣ въ продолженіе своего девятилѣтняго плѣна; перечислялись всѣ причины, вызывавшія необходимость постройки въ Варшавѣ православной часовни; красною нитью проведенъ былъ вопросъ о сорока тысячахъ, неизвѣстно куда поступившихъ... Но нигдѣ здѣсь не утверждалось, что преданіе о пребываніи Филарета Никитича въ башнѣ костела—историческій фактъ.

Умышленно или нѣтъ, г. Устимовичъ, не обращая вниманія на такую постановку вопроса, увлекается задачей порѣшить, наконецъ, навсегда съ этой легендой. Со словъ своихъ бывшихъ и настоящихъ сослуживцевъ, чиновниковъ и отцовъ іереевъ, онъ называетъ легенду басней, сказкой, выдумкой-приманкой, возникшей еще при кн. Паскевичѣ, когда выбиралось въ Варшавѣ мѣсто для соборнаго храма. Идя этимъ путемъ, г. Устимовичъ стучится у незапертой двери, всѣ разнорѣчія сводятся только къ подбору словъ, синонимовъ... Затѣмъ, на нѣсколькихъ страницахъ, описывается замокъ въ Маріенбургѣ (польскій Мальборгъ, съ 1655 г. въ Пруссіи). Въ одномъ изъ этажей его, «по всей вѣроятности, и былъ въ заточеніи митрополитъ Филаретъ со своими высокородными соузниками»,—какъ бы открывая Америку, повѣствуетъ г. Устимовичъ. Пребываніе митрополита въ Варшавѣ для него не важно, лишено всякаго значенія для его темы; по изложенію г. Устимовича, Филаретъ, въ 1614 году, здѣсь уже находился какъ будто и не въ плѣну, не въ заключеніи, а на свободѣ,—онъ «прибылъ» въ Варшаву со своимъ приставомъ всего на нѣсколько дней, жилъ во дворцѣ Сапѣги безвыѣздно,

на другомъ концѣ города, въ сторонѣ отъ костельной башни. Какого рода свободою пользовался Филаретъ во время краткаго пребыванія въ Варшавѣ,—разсказываетъ подробно историкъ С. М. Соловьевъ: митрополиту не позволяли отвѣчать на письмо сына; вся корреспонденція его просматривалась. Но г. Устимовича это не касается—для него важно разъяснить, что «въ заключеніи» Филаретъ былъ только въ Литвѣ, а не въ Варшавѣ, какъ увѣряютъ какіе-то выдумщики.

Утвержденіе мѣстнаго историка А. Даревскаго (1897), что митрополитъ Филаретъ отбывалъ свой плѣнъ, во время нахожденія въ Варшавѣ, на колокольнѣ бернардинскаго костела—тоже выдумка: «выпадъ» этотъ опровергается-де другимъ такимъ же историкомъ, А. Краусгаромъ (1903), и магистромъ Григоріемъ Воробьевымъ, членомъ краковской академіи—тѣмъ самымъ, который въ русскомъ переводѣ «Записокъ» Килинскаго доказывалъ, что «проховня» въ Варшавѣ это—пороховые заводы (чуть не подъ самымъ королевскимъ замкомъ) [1]. М. П. Устимовичъ весьма сожалѣетъ, что г. Воробьевъ, опровергая Даревскаго, «не приводитъ неотразимыхъ аргументовъ», которые легко было раздобыть: стоило развернуть... Карамзина, въ XII томѣ своей исторіи разсказывающаго о посылкѣ нашихъ пословъ изъ-подъ Смоленска въ Литву, а не въ Варшаву. Забываетъ, однако, г. Устимовичъ, что разсказъ Карамзина относится къ 1611 году, а Филаретъ въ Варшаву отправленъ былъ изъ Маріенбурга въ 1614 году, по вступленіи его сына на царство; исторія же Карамзина, за его смертью, прервана на «Междуцарствіи». Въ ссылкахъ на другого нашего историка, Соловьева, г. Устимовичъ, повидимому,

[1] «Проховня» (prochównia)—пороховая башня, караулка на городской стѣнѣ, потомъ городская тюрьма, развалины которой уцѣлѣли до сихъ поръ, уже съ XVIII столѣтія, имя нарицательное—это названіе тюрьмы вообще. Пороховыхъ заводовъ въ этой части города никогда не было.

держится не русскаго текста, а переводнаго—посолъ Желябужскій у него всюду именуется Желябускимъ, какъ у Краусгара—дворецъ Сапѣги въ Варшавѣ показывается «на Сапежинской улицѣ, гдѣ нынѣ казармы», тогда какъ, въ дѣйствительности, Сапѣжинская улица (Сапожинка), какъ и Сѣраковская, прорѣзаны всего нѣсколько лѣтъ назадъ (между Францисканской и Бонифратерской улицами и Мурановомъ), а казармы находятся на Закрочимской улицѣ,—отсюда когда-то шла и дорога въ Закрочимъ,—здѣсь же былъ раньше и дворецъ канцлера Сапѣги, съ Сапѣжинской улицей не соприкасающійся ни съ какой стороны.

Таковы «разъясненія» г. Устимовича́, не только историческія, но еще и топографическія.—«Стыдно,—говоритъ онъ,—въ серьезномъ историческомъ трудѣ упоминать о нелѣпой легендѣ», забывая, опять-таки, что въ исторію всѣхъ народовъ входятъ и легенды, и миѳы, что легенда о старцѣ Кузьмичѣ, совершенно расходящаяся съ историческимъ фактомъ, отмѣчается и цитируется историками съ именами извѣстными. Самъ г. Устимовичъ въ своемъ трудѣ не стѣсняется вотъ повторять такія преданія и легенды, какъ «слухи», ходившіе триста лѣтъ назадъ по Москвѣ, со словъ прислуги Шуйскихъ, прибывшей изъ Польши, повторяетъ, какъ будто онъ ихъ самъ слышалъ.

Преклоняясь передъ «высокимъ авторитетомъ» Соловьева, разсказывавшаго о свиданіи въ Варшавѣ митрополита Филарета съ Желябужскимъ, г. Устимовичъ не считаетъ пребываніе митрополита здѣсь плѣномъ, ибо въ Варшаву Филаретъ пріѣзжалъ всего «одинъ разъ для совѣщаній» съ Желябужскимъ, по окончаніи которыхъ, замѣтьте опять—«выѣхалъ» съ Сапѣгою въ Маріенбургъ обратно,—таково объясненіе г. Устимовича. Собственно, всѣ этапы пути митрополита Филарета въ Литвѣ и Польшѣ, отъ Смоленска (1610) до Поляновки и Песочной пустоши (1619),—всѣ мѣста, гдѣ только была его стопа, должны быть признаны мѣстами его

плѣна (Орша, Слонимъ, Гродна, Вильна). Но г. Устимовичъ въ числѣ ихъ не считаетъ, неизвѣстно почему, Варшаву, куда, въ 1614 г., митрополитъ былъ вызванъ на срокъ, точно въ Варшавѣ онъ былъ негласно, ѣздилъ туда инкогнито, подъ шапкой-невидимкой.

Если бы въ наше время, обильное также плѣнными и заложниками,—въ эту безпримѣрную для двадцатаго вѣка войну,—кто изъ находящихся въ Россіи германскихъ или австрійскихъ военноплѣнныхъ, высланныхъ, положимъ, въ Пермь, былъ вызванъ въ Петроградъ свидѣтелемъ въ судъ или по другому какому-либо поводу, никому и въ голову не придетъ утверждать, что въ Петроградѣ онъ былъ не въ плѣну или что въ плѣну здѣсь онъ не былъ. А г. Устимовичъ, пожалуй, вѣдь, будетъ увѣрять, что въ столицѣ нашей такой военноплѣнный былъ «за судомъ»—въ плѣну же, въ вѣдѣніи военнаго начальства, онъ былъ только въ Перми, нужды нѣтъ, что въ Перми онъ пользовался, быть можетъ, большею относительно свободою, жилъ на своей квартирѣ, являясь еженедѣльно или въ другіе положенные сроки, какъ-то было въ первое полугодіе войны, къ воинскому начальнику, тогда какъ въ Петроградѣ, состоя «за судомъ», ему даже и показанія приходилось давать въ присутствіи конвойныхъ, отлучаться же куда съ пересыльнаго пункта и совсѣмъ не разрѣшалось. Какимъ-то крючкотворствомъ добраго стараго времени сквозятъ подобныя разъясненія, а таковы они всѣ у г. Устимовича. Онъ удивляется, что никто изъ нашихъ авторовъ и корреспондентовъ газетъ, вспоминавшихъ, во время празднованія юбилея Дома Романовыхъ о митрополитѣ Филаретѣ, не указывалъ, да гдѣ же именно «содержался» митрополитъ въ Маріенбургѣ. Удивляться приходится и читателю: чего ради понадобилось г. Устимовичу это указаніе на Маріенбургъ, когда вспоминали о пребываніи митрополита въ Варшавѣ. Никто не отрицалъ его маріенбургскаго плѣна, а г. Устимовичу, отрицающему варшавскій плѣнъ Филарета, къ чему

клонятся всѣ его разъясненія, отрицаніе чудится всюду; выраженіе «одно время» у него значитъ то же, что и «все время», а «содержаніе» въ плѣну постоянно въ конфликтѣ съ «заключеніемъ» или съ «заточеніемъ»...

Чтобы покончить съ таковыми разъясненіями, приводимъ выдержку изъ «Исконно-русскаго достоянія въ Варшавѣ» (стр. 69) о пребываніи митрополита Филарета въ этомъ городѣ:

«Гдѣ бы ни жилъ здѣсь въ плѣну Филаретъ Никитичъ и сколько бы онъ ни жилъ,—все это можетъ быть установлено въ точности; помимо польскихъ историковъ, здѣсь есть свои русскіе—подписи ихъ имѣются въ русскихъ изданіяхъ. Повторяемъ: можетъ быть, башня, гдѣ жилъ, по преданію, Филаретъ, не та именно, гдѣ онъ жилъ, можетъ быть, ея и вовсе нѣтъ и не существовало, какъ не существуетъ, возможно, и дома Сапѣги, гдѣ происходило свиданіе плѣнника съ московскими послами—единственное, разрѣшенное ему польскимъ правительствомъ за все время пребыванія въ плѣну,—но въ Варшавѣ, все-таки, Филаретъ, сколько бы ни было, находился—и находился плѣнникомъ. Здѣсь именно въ то время, когда Рѣчь Посполитая еще не признавала Михаила Өеодоровича царемъ московскимъ, когда канцлеръ Сапѣга, въ разговорѣ съ Филаретомъ о сынѣ, называлъ послѣдняго «недошлымъ» (не настоящимъ) государемъ, въ народѣ польскомъ признаніе его государемъ былъ фактъ совершившійся, а сеймъ не давалъ и денегъ на новую войну съ Москвою, считая ее уже ненужною. Къ Филарету въ Варшавѣ приходила жена полковника Струся, бывшаго въ плѣну въ Москвѣ, и просила его написать *царю* Михаилу Өеодоровичу, чтобы онъ мужа ея жаловалъ. Филаретъ обѣщался написать, а присутствовавшій тутъ же посолъ изъ Москвы Желябужскій сказалъ: —«Великій государь нашъ милосердъ и праведенъ: не только твоего мужа жалуетъ—твой мужъ человѣкъ именной,—но и которые хуже твоего мужа, и тѣхъ всѣхъ жалуетъ»... И здѣсь же, представляя митрополиту Филарету грамоту отъ сына, Желябужскій, когда митрополитъ сказалъ ему, что бояре «не гораздо сдѣлали», послали его посломъ, а сына потомъ безъ него выбрали,—произнесъ знаменательныя слова:—«Царственное дѣло ни за чѣмъ

не останавливается. Хотя бы и ты былъ, то перемѣнить того нельзя было,—сдѣлалось то волею Божіею...». Слова эти, сдѣлавшіяся основою всей московской политики, стоятъ того, чтобы быть вырѣзанными на камнѣ. А эта политика впослѣдствіи сдѣлала то, что королевичъ Владиславъ, которому присягала Москва, когда вступилъ на польскій престолъ, самъ уже сталъ называть царя московскаго своимъ братомъ любезнымъ. Эта же политика-судьба безостановочно—хотя и тернистымъ путемъ—привела насъ въ Варшаву. Черезъ три года будетъ ровно сто лѣтъ, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ эта «дѣльница» Польши поступила подъ власть Россіи. На той площади, откуда выходили, въ послѣдній разъ, польскія войска въ редуты Праги и Воли, теперь высится величественный православный храмъ. Въ Варшавѣ же, удобнѣе всего и лучше, поставить и часовню-памятникъ Филарету, первому изъ первыхъ московскихъ узниковъ и страдальцевъ въ Польшѣ за Россію»...

Все это напечатано было два года назадъ, въ той же брошюрѣ. Очевидно, этой страницы г. Устимовичъ не читалъ, удовольствовавшись вступительною главою. И въ этой главѣ брошюры, на которую онъ обращаетъ свое вниманіе, онъ пропускаетъ факты, свидѣтельствующіе, какъ четверть вѣка назадъ русское общество въ Варшавѣ сочувственно отнеслось къ мысли о сооруженіи здѣсь православной часовни,—какъ писали о томъ «Варшавскій Дневникъ», «Московскія Вѣдомости» и другія газеты, высокочтимый всѣми о. Вакхъ Гурьевъ,—какъ реагировали мѣстныя духовныя и иныя власти, избравшія для часовни мѣсто,—разумѣется, не у стѣны костела бернардиновъ... А г. Устимовичъ, невзирая на все это, рѣшительнымъ тономъ изрекаетъ:

«Главная руководящая мысль брошюры... сводится къ тому, что и русское правительство, и русское общество холодно относятся къ памятникамъ русской старины въ Варшавѣ,—что поэтому слѣдуетъ воспрянуть отъ спячки (?!) и прежде всего... соорудить Филаретовскую часовню вблизи бернардинской колокольни,

на Краковскомъ Предмѣстьи»... «Колокольню при костелѣ авторъ брошюры называетъ уже башней митрополита Филарета»... И далѣе: «Слѣдовало бы перестать нашимъ русскимъ авторамъ поддерживать нелѣпое преданіе-выдумку, а тѣмъ болѣе проектировать постройку часовни»... «Подобныя сообщенія смущаютъ русскихъ людей, живущихъ въ Варшавѣ и довѣряющихъ печатному слову».

Какъ легко можетъ замѣтить читатель, и политическое «освѣщеніе» не далеко ушло отъ историческаго «разъясненія»... Но, г. Устимовичъ, прежде всего вамъ самому «слѣдовало бы» быть вполнѣ точнымъ въ выдержкахъ и выраженіяхъ, разъ вы ведете рѣчь о «руководящей», «главной» мысли критикуемаго автора. Нигдѣ, въ инкриминируемой вами брошюрѣ, Ф. Орловъ, ея авторъ, не говоритъ о «русскомъ правительствѣ»,—упоминается о городскомъ магистратѣ, о мѣстной власти и чинахъ различныхъ вѣдомствъ,—говорится, напримѣръ, что не магистратъ далъ въ Варшавѣ кадетскому корпусу имя Суворова, вспомнилъ о немъ въ день столѣтія его смерти;—что учебное начальство, а не магистратъ, позаботилось о памятникѣ царю Василію Шуйскому, на мѣстѣ или вблизи его временнаго погребенія, гдѣ была когда-то «московская каплица», и проч. Нигдѣ авторъ брошюры не называетъ также, какъ вы пишете, бернардинскую колокольню башней митрополита Филарета,—говорится о «Филаретовой башнѣ»:—это такое же ходячее выраженіе въ Варшавѣ, какъ и названіе «московской каплицы», которое вы считаете «вульгарнымъ»,—какъ и «проховня», которую членъ краковской академіи съ русской фамиліей называлъ пороховыми заводами.

Какъ поставлена была, въ свое время, въ Варшавѣ православная церковь въ память Василія Шуйскаго, около мѣста его временнаго погребенія, а не въ Гостынинѣ, гдѣ плѣнный царь содержался подъ стражею и умеръ, такъ, можетъ быть—понятно для всѣхъ—поста-

влена и часовня, тоже православная, въ память патріарха Филарета, не въ Литвѣ, гдѣ онъ провелъ большую часть своего плѣна, а въ этой же Варшавѣ, хотя бы здѣсь плѣнникъ пробылъ всего нѣсколько дней. И что бы ни разъяснялъ г. Устимовичъ, стоять такой часовнѣ болѣе умѣстно здѣсь же, въ центрѣ города, хотя бы и «въ виду той башни», гдѣ жилъ Филаретъ по преданію, не имѣющему за собой пока достовѣрности, чѣмъ красоваться на краю города, около, напримѣръ, бывшаго дворца Сапѣги, гдѣ Филаретъ, дѣйствительно, находился во время свиданія съ послами своего сына, прибывшими изъ Москвы, что подтверждено уже исторически. Смущаютъ православныхъ людей не проекты этой часовни, не авторы, о нихъ пишущіе, а вотъ тѣ, что, по своему высокомѣрію или неизвѣстно почему, тормозятъ это дѣло, какъ они же когда-то тормозили и постройку здѣсь новаго православнаго собора.

Очень рискованно, въ такихъ случаяхъ, принимать или выдавать вожделѣнія гг. Устимовичей за отраженіе взглядовъ какого-либо правительства, тѣмъ болѣе, русскаго—это также должно быть для всѣхъ несомнѣнно. Если лица, высказывающія подобные взгляды, блюдущія свою особую «политику», многое число лѣтъ состояли или состоятъ на государственной службѣ, это значенія не имѣетъ: и въ судахъ, и въ любомъ правительственномъ учрежденіи, какъ вѣдомо, мнѣнія и голоса постоянно раздѣляются, при «особомъ мнѣніи» нѣкоторые остаются и при значительномъ числѣ голосовъ, «противъ», что случается сплошь и рядомъ.

Разное бываетъ всюду.

Въ XVII вѣкѣ, поляки и русскіе, яростные противники въ сѣчахъ и битвахъ, въ личныхъ сношеніяхъ, какъ и въ отношеніяхъ къ военноплѣннымъ, еще не чувствовали того озлобленія и нетерпимости, которыя наблюдаются иногда у враждующихъ между собою націй, а въ войну теперь съ нѣмцами, со стороны ихъ, они и дошли уже до забвенія всего человѣческаго. Король

Сигизмундъ III, не соглашавшійся на размѣнъ плѣнныхъ, заточившій Шуйскихъ въ Гостынскій замокъ, правда, избѣгалъ всякаго сообщенія съ нашими плѣнными послами, послѣ задержанія ихъ, чувствуя, можетъ быть, свой грѣхъ передъ ними. Но, назначивъ къ задержаннымъ «противъ правъ» плѣнникамъ приставомъ своего канцлера, въ отношенія его къ нимъ не вмѣшивался. Король, окруженный постоянно ксендзами и іезуитами, гордо держалъ себя и съ польскою шляхтою, польская корона ему, наслѣднику, потомъ королю шведскому, была чужая, и только узы католицизма служили ему прочною связью съ Рѣчью Посполитой, и они же обезпечивали избраніе на престолъ и его сыну. Король Владиславъ былъ популярнѣе отца, онъ заключилъ болѣе прочный миръ съ Москвою, онъ же и будучи королевичемъ заботился о нашихъ плѣнныхъ.

О заботахъ лицъ королевскаго дома и самого короля свидѣтельствовалъ въ Вильнѣ протоіерей, о. Карповичъ, хоронившій здѣсь князя Голицына, умершаго въ Гроднѣ подъ конецъ плѣна, въ январѣ 1619 г., почти наканунѣ освобожденія. Злоты и дукаты, присланные для московскихъ узниковъ королевою и нѣкоторыми лицами, близкими ко двору, записаны въ описи, составленной по смерти Шуйскихъ приставомъ Бобровницкимъ; вмѣстѣ съ монетами, въ описи перечислены и вещи, полученныя въ даръ отъ разныхъ лицъ заключенными, о чемъ, конечно, извѣстно было и Сигизмунду, суровому и недоступному, и Владиславу, болѣе мягкому и покладистому по характеру. Съ легкимъ сердцемъ Владиславъ относился къ запродажѣ отцомъ, постоянно нуждавшимся въ деньгахъ, маркграфу Бранденбургскому Пруссіи, за двѣсти тысячъ гульденовъ, потомъ и самъ принималъ подарки отъ его наслѣдниковъ, не предвидя еще, что въ будущемъ Пруссія сдѣлается очагомъ, враждебнымъ не одной Польшѣ, но и всему славянству. Національное сознаніе у правящихъ классовъ того времени вообще представлялось не ясно. Но племенное

родство славянъ чувствовалось и жило въ народѣ на Вислѣ и тогда уже, во всѣхъ слояхъ, сказывалось оно и на отношеніяхъ къ военноплѣннымъ при случаѣ, и только религіозная рознь обостряла отношенія къ сосѣду, родственному по расѣ, и она же была причиною, что война затягивалась на долгіе годы.

Въ Смоленскѣ, гдѣ наши послы были задержаны Сигизмундомъ, у нихъ разграблено было имущество—до иконъ и наперсныхъ крестовъ включительно,—избиты слуги, сами они подверглись грубому насилію. Коронный гетманъ Жолкевскій, котораго послы на засѣданіяхъ особенно укоряли, напоминая крестное цѣлованіе въ Москвѣ и договорную запись, возмущался насиліями надъ послами, но помѣшать не могъ, и послѣ того, какъ послы были посажены на суда, уѣхалъ изъ Смоленска. Но когда послы были перевезены въ Литву, обращеніе съ ними было смягчено; вдали отъ побоищъ, всѣ кругомъ стали «добрѣе», и эти отношенія, въ общемъ, не нарушались уже до конца плѣна. Тюремный режимъ подъ стражею былъ только въ Гостынинѣ, куда были отправлены Шуйскіе послѣ пожара дома Бурбаха въ Мокотовѣ подъ Варшавою, нанятомъ для нихъ, по постановленію варшавскаго сейма. Всѣ остальные плѣнные, не исключая пословъ, должны были жить въ опредѣленныхъ для нихъ мѣстахъ, подъ надзоромъ особо назначенныхъ приставовъ,—подъ ключомъ, въ заключеніи, буквально, никто не содержался и въ Маріенбургскомъ замкѣ:—«заключеніе» понималось и совмѣщалось, что ли, въ предѣлахъ извѣстнаго города, замка, мѣстечка, воеводства или староства, а надзоръ, въ общемъ, куда былъ легче, опять-таки, современнаго режима военноплѣнныхъ, установленнаго культурной Германіей. Плѣнные «пользовались свободою, за ними только наблюдали, чтобы не бѣжали»—такъ пишетъ и г. Устимовичъ. Сынъ боярина Шеина, молодой юноша, а потомъ и младшій изъ князей Шуйскихъ были еще подъ покровительствомъ короля, можетъ быть, не безъ нѣ-

котораго разсчета, предоставившаго имъ облегченіе плѣна. Самъ доблестный защитникъ Смоленска, взятый въ плѣнъ, по разрушеніи городской стѣны, сначала въ кандалахъ былъ отправленъ въ Минскъ, но потомъ оковы были сняты, къ нему назначенъ былъ приставомъ «мальтійскій кавалеръ», получившій свою рану въ сраженіи подъ Москвою, но гостепріимно встрѣчавшій Шеина у себя въ домѣ...

И въ Москвѣ у насъ, въ это же время, на плѣнныхъ, взятыхъ въ бою или застигнутыхъ гдѣ врасплохъ, смотрѣли по-человѣчески, какъ на нехотя потерпѣвшихъ или какъ на заблудшихъ случайно странниковъ—призрѣніе ихъ и уходъ за плѣнными были всегда обязательны и выполнялись всѣми охотно. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ одинаково жаловалъ плѣнныхъ польскаго войска, какъ болѣе знатныхъ, такъ и тѣхъ, «которые хуже». Очень знатныхъ плѣнниковъ въ Москвѣ и не было, самый старшій былъ гетманъ-полковникъ. Пословъ литовскихъ у насъ, вѣдь, не задерживали, а такихъ, какъ сандомирскаго воеводу, отца Марины Мнишекъ, и бывшихъ съ нимъ, имѣли неосторожность, отправили въ Польшу, причемъ въ провожатые имъ данъ былъ князь,—потомство его и весь родъ и теперь служатъ Россіи на болѣе видныхъ постахъ. Очевидно, установленные по времени обычаи и тогда уже соблюдались обоюдно воюющими сторонами—къ болѣе виднымъ плѣнникамъ назначались и пристава болѣе знатные, а въ Москвѣ не было такихъ плѣнниковъ, и пристава были худородные. Военноплѣнные въ Москвѣ, по словамъ Соловьева, часто ссорились между собою, пристава не знали, какъ съ ними поступать, приказы были полны жалобами и кляузами, но на плохое содержаніе никто не жаловался.

Военноплѣнные въ Литвѣ и Польшѣ—приходилось, что и терпѣли—никуда не жаловались, никому не досаждали просьбами, вѣроятно, полагая, что все «образуется» со временемъ. Здѣсь ихъ, посвоему, тоже считали

гостями, можетъ быть, незванными и нежеланными, но обычай требовалъ оказывать имъ вниманіе и помощь. Рядомъ съ грубыми насильниками, въ Польшѣ этого вѣка, не мало было людей просвѣщенныхъ, между католиками—не одни изувѣры, были и христіане милосердные. Почти всѣ военноплѣнные въ эту войну Польши съ Москвой выдержали долголѣтнее пребываніе на чужбинѣ, можетъ быть, благодаря еще и тому, что съ той и другой стороны, всѣ были немного сродни, были близки по крови и по языку, отчасти и по обычаю,—разговаривать приходилось, вѣдь, безъ помощи переводчиковъ, за столъ садясь, всѣ крестились, хоть и каждый по своему. Однако, сношенія съ соотечественниками, переписка съ Москвою нашимъ плѣннымъ были совершенно запрещены и не допускались и при посредствѣ иностранныхъ посольствъ. Плѣнники, не исключая пословъ изъ подъ Смоленска, были отрѣзаны отъ отечества въ продолженіе девяти лѣтъ. Извѣстна исторія съ шубой, высланной изъ Москвы въ Маріенбургъ инокиней Мароой митрополиту Филарету. Самъ митрополитъ не могъ написать и отвѣтнаго письма сыну, такъ какъ принуждаемъ былъ приставомъ писать не по должному адресу, чуть ли не подъ диктовку самого Сапѣги. Наконецъ, плѣнники, что попали въ Варшаву, лишены были здѣсь религіознаго утѣшенія,—здѣсь не было православныхъ храмовъ, а священники-греки, если и пріѣзжали сюда, богослуженія отправлять не могли.

Въ такихъ условіяхъ плѣнъ, несмотря на сравнительно благопріятную обстановку въ другихъ отношеніяхъ—и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ,—былъ тѣмъ же «заключеніемъ», совсѣмъ почти нетерпимымъ, особенно, для «высокородныхъ» плѣнныхъ, какими и по развитію, и по происхожденію были наши послы. Неприглядно было это «житіе», полное глубокаго горя и трагизма,—знали то и видѣли немногіе окружающіе, оно было, въ сущности, неволею, одинаково тяжелою

и въ Маріенбургѣ, и въ Варшавѣ—неволя эта была, пожалуй, тяжелѣе различныхъ Шандау и Кюстрина нашего времени. Подумайте только: Ѳ. Г. Желябужскій, чуть ли не черезъ два года по избраніи царемъ Михаила Ѳеодоровича, былъ допущенъ въ Варшаву къ митрополиту Филарету, томившемуся такъ въ плѣну уже четыре года, а съ отъѣздомъ московскаго посла никто, до конца плѣна, еще цѣлыхъ пять лѣтъ къ митрополиту изъ Москвы уже и совсѣмъ не допускался. Филаретъ Никитичъ былъ, во все время своего плѣна, разлученъ съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, своимъ ближайшимъ помощникомъ по посольству въ Смоленскъ и вѣрнымъ сподвижникомъ. Обоихъ ихъ, потому только, что они были знатнаго рода, считались когда-то кандидатами на московскій престолъ, не дававшій покоя Сигизмунду, польскіе дипломаты-пристава стерегли особенно усердно, и тогда, когда королевичу Владиславу былъ посланъ «отказъ» отъ Москвы навсегда, и потомъ, когда на Москвѣ воцарился сынъ Филарета Никитича: Сигизмундъ не отказывался отъ своихъ плановъ до самой своей смерти.

М. П. Устимовичъ, называющій плѣнъ митрополита Филарета на Литвѣ, то заточеніемъ, то заключеніемъ, пребываніе митрополита въ Варшавѣ не считаетъ и плѣномъ. А признавая выдумкой разсказъ о заключеніи митрополита у бернардиновъ и отрицая его плѣнъ въ той же Варшавѣ, онъ уже, такимъ образомъ, признаетъ ни во что и самое пребываніе Филарета въ Варшавѣ. И это вопреки факту—свиданія митрополита съ Желябужскимъ, или, какъ онъ называетъ, «совѣщаніямъ», происходившимъ между ними. И, опираясь на тотъ же фактъ, онъ хочетъ еще отвергнуть и самое преданіе... Никакого противорѣчія, въ своихъ разсужденіяхъ по этому поводу, онъ, какъ будто, и не замѣчаетъ... Если же это дѣлается сознательно, съ разсчетомъ на простодушіе читателя, то какъ назвать подобный маневръ—рѣшать уже сами читатели.

II.

Давнымъ давно проф. Д. В. Цвѣтаевъ, въ своемъ двухтомномъ трудѣ о Василіи Шуйскомъ (1901), доказалъ, что бесѣдка надъ погребомъ (altanka) въ гимназическомъ саду, которую директоръ первой гимназіи г. Стефановичъ, а за нимъ и художникъ-академикъ Праховъ, считали за развалины «московской каплицы»—позднѣйшаго происхожденія. Каплица исчезла безслѣдно, разрушена она была монахами-обсервантами въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ Варшавѣ «дѣйствовала русская власть», какъ сказано о томъ въ «Исконно-русскомъ достояніи».

М. П. Устимовичу слова, поставленныя въ ковычкахъ, кажутся «рѣзкими»: они для кого-то «оскорбительны и, главное, незаслуженны» (?). Самъ онъ, видите ли, считаетъ, что слѣды «московской каплицы» сохранились до нашихъ дней «на черномъ дворѣ первой варшавской мужской гимназіи» (сада теперь здѣсь нѣтъ),— они-де нарочно оставлены «въ забвеніи»...

Доказательства проф. Цвѣтаева для него значенія не имѣютъ. Г. Устимовичъ разсуждаетъ такъ: хотя здѣсь были когда-то погребены кости царя Василія Шуйскаго, молитвеннымъ памятникомъ чего служитъ церковь при первой гимназіи, но здѣсь же была католическая часовня, здѣсь былъ мавзолей, воздвигнутый королемъ Сигизмундомъ III не въ память Шуйскаго, сколько въ память себѣ самому,—возстановлять этотъ памятникъ нельзя. Судя же по существовавшей здѣсь раньше надписи, сдѣланной отъ имени Сигизмунда, «мавзолей» этотъ—памятникъ славы, свидѣтельствовавшій о Сигизмундовыхъ побѣдахъ надъ Москвою,—«трофей», обидный для Россіи. Объ упраздненіи и забвеніи такихъ памятниковъ заботились всѣ московскіе государи, «отъ царя Михаила до Великаго Петра и Екатерины»... «Забудемъ и мы о нихъ»,—приглашаетъ и г. Устимовичъ...

Да, это правда: московскіе цари хлопотали о перенесеніи праха Шуйскаго изъ каплицы въ Варшавѣ въ царскую усыпальницу въ Москвѣ, вернули они потомъ и «мармуровый камень съ надписаніемъ», каковой былъ поставленъ при Сигизмундѣ III на могилѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ, король Августъ II подарилъ Петру I и картину художника Долабеллы, изображавшую «позоръ Василія», какъ писалъ о томъ Карамзинъ,—царь Петръ приказалъ помѣстить ее въ своемъ дворцѣ. Но, вѣдь, когда все это происходило, Варшава была столицей сосѣдняго государства, постоянно враждовавшаго; теперь же она въ русскихъ предѣлахъ... Теперь картина, изображающая взятіе Эривани Паскевичемъ, находится въ Бельведерскомъ дворцѣ въ Варшавѣ, около бывшей каплицы Сигизмунда, въ память того же Василія Шуйскаго, высится православный храмъ—онъ былъ бы, конечно, поставленъ и на самомъ мѣстѣ этой каплицы, если бы имѣлись слѣды ея. Зачѣмъ же г. Устимовичъ, признавая, что слѣды каплицы существуютъ, приглашаетъ о нихъ забыть, когда самъ же онъ переводитъ и надпись съ уничтоженнаго памятника, сохранившуюся въ историческихъ документахъ?..

Теперь, когда въ подвалѣ Чудова монастыря, въ самой Москвѣ, гдѣ былъ заточенъ врагами и скончался патріархъ Гермогенъ, причисленный къ лику святыхъ, устроена церковь,—какъ-то странно читать у г. Устимовича объ этомъ пренебреженіи къ могилѣ Василія Шуйскаго, и въ несчастіи, по словамъ историковъ, «являвшаго твердость и разумъ», сдѣлавшагося «честью Россіи» по лишеніи царскаго вѣнца. Ксендзы, составлявшіе латинскую надпись надъ московской каплицей, вельможи, не совѣтовавшіе отпускать прахъ Василія въ Москву, король Казиміръ, порицавшій своего предшественника, короля Владислава IV, отпустившаго и «кости», и «мармуровый камень», могли еще такъ разсуждать и поступать. Но, въ pendant имъ, проповѣдовать тоже г. Устимовичу, помышляющему, якобы, о созданіи

«лучшаго будущаго» и игнорирующему не только Цвѣтаева, но и Пушкина, разсуждавшаго о Наполеонѣ нѣсколько иначе, чѣмъ говоритъ теперь о Сигизмундѣ г. Устимовичъ,—казалось бы, въ двадцатомъ вѣкѣ, нѣсколько зазорно...

Приглашая не думать о нашемъ лихолѣтьи, перестать говорить о Филаретовской часовнѣ и забыть про мѣсто, гдѣ погребены были останки Шуйскихъ, памятникомъ чего служитъ «прекрасный храмъ при первой гимназіи», г. Устимовичъ, однако, прибавляетъ:—къ нему «никогда не заростетъ народная тропа...» Не замѣчая опять противорѣчія въ своихъ же словахъ, онъ не видитъ еще и того, что этотъ храмъ-памятникъ—домовая церковь, для народа не всегда, вѣдь, доступная; входить сюда нужно не иначе, какъ черезъ швейцарскую, по лѣстницѣ и паркетнымъ коридорамъ гимназіи. Открыта церковь для посѣтителей только по праздникамъ, въ богослужебные часы; весной и лѣтомъ совсѣмъ закрыта... Кругомъ «по мостовой, и шумъ, и громъ», а въ наглухо запертомъ зданіи тишина,—неутоптанная дорожка покрыта пылью. Многіе варшавскіе старожилы, православные, знаютъ его только по наружному виду, а наши рабочіе, приходящіе лѣтомъ на заработки и заглядывающіе по праздникамъ въ городъ, проходя мимо памятника-храма, видя надъ домомъ православный крестъ, крестятся, но во внутрь заглянуть не пытаются,—идутъ посмотрѣть развѣ находящійся напротивъ костелъ, двери котораго настежь раскрыты съ утра до вечера ежедневно. Даже и тѣ изъ нихъ, что были въ церковно-приходской школѣ, о Шуйскихъ знаютъ немного. О патріархѣ же Филаретѣ Никитичѣ слыхали и знаютъ въ Москвѣ и безграмотные, помнятъ о немъ и въ Варшавѣ... Г. Устимовичъ, по собственнымъ словамъ, посѣщающій православный соборъ (св. Троицкій) еженедѣльно и полвѣка назадъ бесѣдовавшій съ его настоятелями, ничего этого не видитъ и не знаетъ, говорить о томъ ему ни съ кѣмъ не случалось.

Впервые приходится читать у того же г. Устимовича объясненія о трофеяхъ, какъ о синонимѣ вообще памятниковъ славы. Довольно забавно объясняетъ онъ значеніе «трофея», опираясь на свой же вѣрный, якобы, переводъ этого слова съ латинскаго. «Трофеи»—греческаго корня: это—предметы военной добычи, взятые у непріятеля съ боя—знамена, оружіе, военные припасы, суда, орудія, пожалуй, и военноплѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ,—такъ это слово обыкновенно понимается всѣми. По объясненію же г. Устимовича, служившаго когда-то въ штабѣ арміи, преподававшаго юнкерамъ и военные законы, мавзолей Сигизмундовъ, поставленный на могилѣ Шуйскихъ—трофей: нужды нѣтъ, что онъ не взятъ съ боя отъ врага, а воздвигнутъ самимъ тріумфаторомъ. По таковому объясненію, вѣдь, и Тріумфальныя ворота въ Петроградѣ, и Казанскій соборъ, выходитъ, тоже трофеи... Король Сигизмундъ III могъ считать плѣненнаго имъ царя своимъ трофеемъ, но ужъ никакъ не подобаетъ считать трофеемъ памятникъ, поставленный имъ на могилѣ царя Василія.

Вспомнивъ, должно быть, краснокожихъ дикарей, снимавшихъ у убитыхъ враговъ скальпы, гирлянды которыхъ украшали грудь побѣдителей, г. Устимовичъ считаетъ и кости умершихъ въ плѣну тоже трофеями. Забываетъ законовѣдъ-историкъ рѣшительно все: и что «мертвые срама не имутъ», и что смерть, во время войны, даетъ равноправіе,—примиряетъ и побѣдителя, и побѣжденнаго:—«unis par la victoire, réunis par la mort...» Въ строку Сигизмунду ставятся,—какъ онъ называетъ,—«политическія похороны» Шуйскихъ:—«Это былъ послѣдній тріумфъ... издѣвательство надъ останками», пишетъ г. Устимовичъ, не замѣчая, что тотъ же церемоніалъ похоронъ, въ обратномъ порядкѣ, повторился и при королѣ Владиславѣ, когда тѣла Шуйскихъ «отпущены» были, наконецъ, въ Москву.

Иностранные послы, на донесенія которыхъ онъ ссылается, писали, что Сигизмундъ, поставивъ надъ моги-

лою Шуйскихъ «круглый мавзолей», заботился сохранить въ потомствѣ память о несчастномъ царѣ-плѣнникѣ, его трофеѣ, вырванномъ изъ его рукъ смертью,— подчеркивали тщеславіе короля, противъ чего никто, конечно, спорить не будетъ. Г. Устимовичъ не замѣчаетъ иронiи въ посольскихъ донесеніяхъ, готовъ считать трофеемъ и серебряныя дощечки съ именами плѣнныхъ, положенныя въ гробницу, по приказанію Сигизмунда.

Вотъ его «точный», какъ онъ самъ называетъ, переводъ латинской надписи, которая существовала надъ московской каплицей:

«Во славу Іисуса Христа, Сына Божія, Царя царей, Бога воинствъ, Сигизмундъ III, король Польши и Швеціи. Когда московское войско было разбито при Клушинѣ, когда онъ взялъ подъ свою власть московскую столицу, когда республикѣ былъ возвращенъ Смоленскъ, когда Василій Шуйскій, великій князь московскій, и его братъ Дмитрій, предводитель войскъ, были взяты въ плѣнъ, въ силу военнаго права, и содержались въ Гостынскомъ замкѣ подъ стражею и тамъ окончили свою жизнь, помня о человѣческой участи, кости (ossa) ихъ повелѣлъ перенести сюда, и чтобы въ его царствованіе даже враги и вопреки праву принявшіе скипетръ не были лишены справедливости и погребенія, приказалъ положить (ихъ) въ этомъ имъ построенномъ для всеобщей памяти въ потомствѣ и для славы своего царствованія трофеѣ, въ лѣто отъ Рождества Дѣвою 1620, королевствованія въ Польшѣ 33, въ Швеціи 27».

Приводимъ и другой переводъ этой же надписи, взятый нами у Стефановича:

«Во славу Іисуса Христа, Сына Божія, Царя царей и Бога воинствъ, Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, послѣ пораженія московскихъ войскъ при Клушинѣ, взятія Московской столицы и возвращенія Смоленска подъ власть Рѣчи Посполитой, взявши, по праву войны, въ плѣнъ Василія Шуйскаго, великаго князя московскаго, и брата его, воеводу Димитрія, когда они, содержимые въ Гостынскомъ замкѣ подъ стражею, тамъ скон-

чались, повелѣлъ, памятуя общую участь всѣхъ людей, тѣла ихъ перенести сюда и похоронить ихъ подъ этимъ, имъ воздвигнутымъ на всеобщую память потомства и во славу своего царствованія, памятникомъ, дабы въ его царствованіе даже и враги, незаконно овладѣвшіе скипетромъ, не были лишены послѣднихъ, подобающихъ умершимъ, почестей и погребенія. Лѣта отъ Рождества Христова 1620, нашего царствованія въ Польшѣ 33-го, въ Швеціи 26-го».

Предоставляемъ читателямъ, по сравненію, на глазъ рѣшить тутъ, кто неправильно истолковываетъ слова Сигизмунда и «намѣренія» его, какъ еще говоритъ г. Устимовичъ, упрекая другихъ въ томъ, въ чемъ онъ самъ повиненъ. Интереснѣе всего, однако, его заключенія. Хотя теперь никто и не думаетъ хлопотать о возстановленіи московской каплицы въ ея первоначальномъ видѣ или послѣдующемъ, когда здѣсь устроена была католическая часовня Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной (Panny Maryi Zwycięskiej), тѣмъ не менѣе, онъ пишетъ: «Хлопотать въ настоящее время о возстановленіи мавзолея царю Василію Іоанновичу въ Варшавѣ болѣе, чѣмъ непонятно. Такой памятникъ производилъ бы на русскихъ людей впечатлѣніе скорбное, тяжелое, а на поляковъ, наоборотъ,—онъ бы напоминалъ имъ свѣтлое прошлое, о которомъ они и безъ того такъ много думаютъ, забывая, что прошлое навсегда останется прошлымъ, что теперь надо помышлять о прочномъ настоящемъ и на немъ созидать лучшее будущее. Одинаковое впечатлѣніе производила бы мраморная доска, водруженная на бернардинской колокольнѣ, на Краковскомъ Предмѣстьи, съ надписью о пребываніи въ ней въ плѣну митрополита Филарета. Выходя изъ костела, отцы и матери останавливались бы въ этомъ пунктѣ нашего несчастія, указывая дѣтямъ на доску и памятникъ Сигизмунду (?) и объясняя, какова была Польша тогда и что она изображаетъ теперь, при сліяніи съ Россіей».

Доски этой еще нѣтъ, а г. Устимовичъ говоритъ о томъ, что будетъ, когда ее поставятъ. Неподалеку, тутъ же, однако, красуется и теперь колонна того же Сигизмунда III, на барельефѣ которой, по-латыни, выписаны всѣ побѣды этого короля надъ Москвою. Около этого памятника былой славы польскаго короля—«золотого прошлаго»—что-то не видно ни матерей, ни отцовъ, что-либо объясняющихъ своимъ дѣтямъ, хотя памятникъ этотъ больше говоритъ объ этой славѣ, чѣмъ помянутая выше доска на бернардинской колокольнѣ, если бы она и была тутъ поставлена. Да и какая же въ томъ слава для Сигизмунда, что онъ плѣнилъ пословъ враждовавшаго съ нимъ народа, заточивъ ихъ подъ стражу, противъ всяческихъ правъ, божескихъ и человѣческихъ, держалъ въ неволѣ ихъ девять лѣтъ, а другихъ и больше,—пока самъ не умеръ?... Это, вѣдь, темное пятно царствованія его. Напоминаніе же въ надписи на доскѣ о плѣненіи митрополита Филарета никакого тутъ безславія ни для него самого, ни для его народа и государства не представляетъ,—«безправное» плѣненіе будущему патріарху послужило только ореоломъ...

Во времена расцвѣта привислянской конституціи, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, у колонны Сигизмунда III обычно собирались «друцяжи», водовозы, бабы-торговки «z pod Zygmunda»,—такъ о нихъ писали тогда въ мѣстныхъ газетахъ, такъ изображали на современныхъ иллюстраціяхъ. Во времена управленія генералъ-губернатора Гурко,—самаго усерднаго обрусителя, по мнѣнію нѣкоторыхъ привислянцевъ,—колонна Сигизмунда была заново реставрирована, вокругъ нея устроены фонтаны, торговцы и бабы удалены на Старое Мѣсто. Во времена позднѣйшія, очищена отъ нихъ и площать Стараго Мѣста, домъ Барычковъ, на этой же площади, поступилъ во владѣніе мѣстнаго общества любителей древностей, реставрирующаго городскіе памятники старины.... Времена перемѣнчивы.

Но... можетъ быть, по мнѣнію г. Устимовича, писать

о томъ тоже не слѣдуетъ, можетъ быть, и тутъ онъ усмотритъ нѣчто рѣзкое и оскорбительное для чьей-либо власти?...

Считаться съ чувствомъ ложно понимаемаго достоинства, какъ и съ чувствомъ ложнаго стыда, пожалуй, уже не приходится: считаться съ ними—достаточно ихъ отмѣтить. А что касается намека г. Устимовича на «сліяніе» съ Россіей, то, вѣдь, пока что, такого сліянія нѣтъ, и говорить о томъ, казалось бы, приличнѣе въ другомъ нѣсколько тонѣ. Судя же по словамъ г. Устимовича, сейчасъ можно заключить, что самъ онъ, какъ будто, тоже недоволенъ «сліяніемъ» или же раздѣляетъ недовольство съ другими...

Возставая противъ постановки часовни и досокъ съ надписями въ память пребыванія митрополита Филарета въ Варшавѣ, нашъ оппонентъ увѣряетъ, что дальше дома Сапѣги митрополитъ никуда въ Варшавѣ не показывался, нигдѣ больше не былъ,—что здѣсь онъ только «совѣщался» съ Желябужскимъ. Но при какой обстановкѣ и когда происходила встрѣча митрополита съ посольствомъ отъ его сына, этихъ обстоятельствъ онъ не касается.

Вопросъ о томъ поднимаетъ графъ А. А. Самойловъ, въ своей любопытной драматической хроникѣ о Филаретѣ Никитичѣ, написанной и изданной имъ къ юбилею Дома Романовыхъ. Вмѣстѣ съ Желябужскимъ въ Варшавѣ были и другіе послы изъ Москвы, но, къ сожалѣнію, говоритъ А. А. Самойловъ, ему не удалось разыскать именъ товарищей Ѳ. Г. Желябужскаго по посольству. Историкъ Соловьевъ говоритъ объ одномъ Желябужскомъ, передававшемъ грамоту митрополиту отъ сына, въ присутствіи канцлера Сапѣги, предварительно прочитавшаго грамоту и вручившаго ее Филарету. Именъ пословъ и другихъ свидѣтелей этого акта онъ не приводитъ, но несомнѣнно, кто-кто, а члены московскаго посольства, въ полномъ составѣ, должны были всѣ находиться тутъ налицо.

Нѣтъ основанія полагать, что это были послы Ушаковъ и Заборовскій, отправленные почти одновременно съ Желябужскимъ, въ 1613 г., въ Вѣну къ императору Матѳею съ извѣщеніемъ о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, которые здѣсь вели себя нехорошо и кутили. Сперва «цесарь» хотѣлъ дать имъ въ награду цѣпи со своими «парсунами», но послѣ, узнавъ о поведеніи, портреты велѣлъ снять и одарилъ пословъ однѣми цѣпями. По замѣчанію автора хроники-драмы, эти послы въ Варшавѣ совсѣмъ и не были (стр. 262). О нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній и у польскихъ писателей и историковъ, но никто не приводитъ и именъ товарищей Желябужскаго по посольству его въ Варшаву, и вопросъ о нихъ остается открытымъ.

Не разрѣшаетъ также А. А. Самойловъ и другого вопроса: когда же именно состоялось извѣстное представленіе посольства Желябужскаго митрополиту Филарету, а опять только указываетъ, что время, вообще все пребываніе въ Варшавѣ Желябужскаго, опредѣляется историками различно (стр. 260). Н. И. Костомаровъ («Смутное время») относитъ посольство къ концу 1614 г., а Г. А. Воробьевъ («Истор. Вѣстн.») считаетъ, что его слѣдуетъ отнести къ началу 1615 года. Кто тутъ правъ, неизвѣстно: драматургъ-историкъ указываетъ на противорѣчіе, но разъяснить его не пытается.

Если вспомнимъ, однако, что въ XVII столѣтіи разница по календарю между новымъ и старымъ стилемъ была десять дней, а не тринадцать, какъ нынѣ, то легко, напримѣръ, видѣть, что 20 декабря 1614 г.,по старому стилю, триста лѣтъ назадъ, приходилось по новому стилю 30 декабря того же 1614 г.; тогда какъ, по современному счисленію, 20 декабря 1614 г., стараго стиля, по новому стилю приходится на 2 января слѣдующаго года. На два дня позже, 22 декабря, по старому стилю, и въ XVII и въ XX столѣтіяхъ, приходится по новому стилю, въ обоихъ случаяхъ, уже въ слѣдующемъ году: въ 1614 г. это было 1 января 1615 г., а въ 1914 г.—4 ян-

варя 1915 г. И если считать, затѣмъ, концомъ одного года и началомъ другого послѣдніе и первые дни и недѣли, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, то никакого, собственно, противорѣчія между Н. И. Костомаровымъ и Г. А. Воробьевымъ, какъ будто, и нѣтъ: одинъ, выходитъ, считаетъ по старому стилю, другой—по новому; разница и при ошибкѣ въ счетѣ по столѣтіямъ будетъ не больше трехъ дней. Но возможно, что Н. И. Костомаровъ считалъ концомъ года не послѣдніе дни и недѣли, а послѣдніе два или три мѣсяца, а Г. А. Воробьевъ, съ такимъ же допускомъ, считаетъ отъ начала года, и тогда противорѣчіе не устраняется.

Ошибка въ нѣсколько дней, сама по себѣ, значенія не имѣетъ, но въ этомъ случаѣ ошибка входитъ въ годъ, а годъ событія, такъ или иначе, долженъ быть установленъ точно, по старому стилю: Костомаровъ правильно считаетъ, что Желябужскій пріѣзжалъ въ Варшаву въ концѣ 1614 года, будете ли вы считать по тому же стилю за три мѣсяца или за нѣсколько дней до начала слѣдующаго года. Г. А. Воробьевъ считаетъ, вѣрно, какъ и переводитъ, и относитъ фактъ къ 1615 году, надо полагать, тоже по старому стилю, удаляя событіе отъ начала года по новому стилю, minimum, на десять дней, иначе и спорить было бы нечего... Какъ онъ переводитъ съ польскаго языка на русскій, мы знаемъ, и такъ же, вѣроятно, онъ исчисляетъ тутъ и время,—это у него обычно. М. П. Устимовичъ обоихъ обходитъ молчаніемъ, тоже по своему обыкновенію; но «совѣщанія» съ Желябужскимъ у него помѣчены 1614 годомъ, только ни мѣсяцевъ онъ не указываетъ, ни времени года, но повторяетъ еще, что Филаретъ Никитичъ въ домѣ Сапѣги и въ Варшавѣ пробылъ всего нѣсколько дней.

Дѣлаемъ оговорку: не имѣя подъ рукой статьи Г. А. Воробьева, приходится говорить о лѣтосчисленіи его, соображаясь съ предыдущими его работами. Что посольство Желябужскаго снаряжено было и выѣхало въ Варшаву въ 1614 г., какъ опредѣлялъ Костомаровъ,

раньше о томъ никто не спорилъ. Не возражалъ историку смутнаго времени и С. М. Соловьевъ, впервые разыскавшій документы этого посольства, приведенные въ его исторіи: въ выпискахъ изъ посольскихъ донесеній здѣсь не упомянуто о времени представленія Желябужскимъ митрополиту Филарету царской грамоты: указано только мѣсто—въ домѣ Сапѣги.

Въ драматической хроникѣ гр. А. А. Самойлова «Филаретъ Никитичъ» (Спб. 1913), въ сценѣ свиданія митрополита съ Желябужскимъ, между дѣйствующими лицами, выведены, товарищами Желябужскаго по посольству, тѣ послы, которые отправлены были въ 1613 г. изъ Москвы въ Вѣну, затѣмъ игуменъ срѣтенскій Ефремъ, присланный раньше изъ Москвы, и еще бояринъ Михаилъ Шеинъ, послѣ взятія Смоленска оставшійся въ плѣну и жившій въ это время въ Варшавѣ. Самое свиданіе перенесено изъ дома Сапѣги, гдѣ оно происходило въ дѣйствительности, въ залъ королевскаго замка. Отступленія отъ исторіи, необходимыя автору по ходу пьесы, оговорены въ примѣчаніяхъ, но о Шеинѣ такой оговорки нѣтъ. Возможно, что, будучи отправленъ изъ Смоленска (1611) сначала въ Литву, онъ, въ 1614 г., жилъ уже въ Варшавѣ: ему было разрѣшено свиданіе съ семьей, попавшей также въ плѣнъ; жена его и дочь изъ подъ Смоленска были взяты канцлеромъ Сапѣгою къ себѣ въ имѣніе, а сынъ оставленъ при королѣ; но это было три года назадъ, теперь они могли жить всѣ вмѣстѣ въ Варшавѣ. И если Шеинъ съ семьею жилъ здѣсь, когда сюда прибыло посольство Желябужскаго,—здѣсь же могли быть на жительствѣ, у бернардиновъ или еще гдѣ въ заключеніи, и другіе наши плѣнные, привезенные въ Варшаву вмѣстѣ съ Василіемъ Шуйскимъ,—у о. Ефрема, такимъ образомъ, до пріѣзда Филарета Никитича и Желябужскаго, была уже паства варшавскихъ узниковъ,—что, до нѣкоторой степени, служитъ, какъ увидимъ дальше, къ подтвержденію разсказа о бернардинской башнѣ и связаннаго съ нею преданія. Кстати:

по Карамзину, Шеина не было при въѣздѣ Жолкевскаго въ Варшаву; изъ драмы же А. А. Самойлова читатель узнаетъ, что смоленскій воевода украшалъ собою тріумфальное шествіе короннаго гетмана.

Графъ А. А. Самойловъ, авторъ драмы, перечисляетъ болѣе сотни источниковъ, русскихъ и польскихъ, имъ использованныхъ, какъ онъ выражается, снабжаетъ свою хронику историческими примѣчаніями (числомъ 175); но множество отступленій отъ исторіи, допущенныхъ въ текстѣ, не объясняются и въ примѣчаніяхъ. Нѣтъ оговорки и о Бобровницкомъ, приставѣ при Шуйскихъ, въ драмѣ появляющемся подъ Смоленскомъ съ совѣтомъ Шуйскому, какъ ему слѣдуетъ держать себя передъ Сигизмундомъ; въ должности пристава онъ былъ при Шуйскихъ въ Гостынинѣ, не зналъ даже хорошо, кто такіе были его узники, относился къ нимъ со скромною почтительностью, какъ то видно изъ актовъ о смерти Шуйскихъ, имъ же составленныхъ, копіи которыхъ имѣются у историковъ. Рѣчи Сапѣги, Жолкевскаго цитируются авторомъ по документамъ, но съ досадными подчасъ измѣненіями.—«У васъ нѣтъ пошлаго, въ Москвѣ, покуда государя»,—такою репликою, въ драмѣ, прерываетъ Сапѣга рѣчь Желябужскаго къ Филарету. По Соловьеву, слово «недошлый», по-польски, niedoszły, т.-е. недошедшій, недоросшій, — поясняется совершенно правильно, словомъ «не настоящій». «Нѣтъ настоящаго покуда государя» (этотъ государь вашъ не настоящій),—въ такой редакціи приводитъ эту же реплику и авторъ драмы, въ примѣчаніи, въ концѣ книги, а въ текстѣ оставляетъ «пошлый»,—оно кажется ему болѣе подходящимъ къ польскому слову. Совсѣмъ неточно поясняетъ авторъ и слово «оршакъ» (orszak), въ значеніи придворной челяди (стр. 11 и 253). Можетъ быть, въ какомъ-нибудь польскомъ словарѣ и есть подобное объясненіе: «челядь», на польскомъ языкѣ, понимается, какъ семья рабочихъ или учениковъ, подчиненныхъ хозяину-мастеру, czeladnik—подмастерье. На русскомъ

языкѣ неупотребительное теперь слово «челядникъ» значитъ—чернорабочій, а «челядь» у насъ понимается, какъ сборище праздныхъ скорѣе рабочихъ, чѣмъ занятыхъ своимъ дѣломъ. Праздные люди, конечно, были и при польскихъ магнатахъ, какъ и при королевскомъ дворѣ, какъ есть они всюду; но для обозначенія ихъ въ этомъ смыслѣ у поляковъ есть другія слова: pachołki,—буквально, пахолки, пахолики,—дворовая или лагерная челядь,—какъ переведено съ польскаго и у Соловьева. Orszak, въ переводѣ по-русски, значитъ—свита, толпа приближенныхъ, отнюдь не челядь: orszak jego królewskiej mości—свита его величества короля; въ такомъ же соединеніи слова эти употребительны и въ польской печати, въ переводѣ съ русскаго, при обозначеніи лицъ Государевой свиты (orszaku J. C. M., свиты Е. И. В.). Знаніе польскаго языка не обязательно для русскаго драматурга. Но въ такомъ случаѣ обходиться безъ Соловьева уже нельзя, ибо иначе тутъ выходитъ злоупотребленіе чужимъ словомъ, совсѣмъ непонятное для многихъ злословіе: вмѣсто заостренной, по замыслу, стрѣлы, получается неотесанная... палка о двухъ концахъ, вопреки намѣреніямъ автора, желавшаго, какъ видно, придать діалогу дѣйствующихъ лицъ мѣстный историческій колоритъ и быть особенно точнымъ... Охъ, ужъ эти одноименные солицизмы у славянъ, подводящіе авторовъ и переводчиковъ, гр. Самойлова, какъ и г. Устимовича.

Сцена освященія знаменъ Филаретомъ въ лагерѣ самозванца производитъ также совсѣмъ не то впечатлѣніе, на которое разсчитываетъ авторъ, въ примѣчаніяхъ и въ предисловіи предлагающій неоднократно, при постановкѣ драмы, выпускать нѣкоторыя картины, болѣе или менѣе сложныя. Совсѣмъ, зато, по сезону небольшая сценка, въ которой два нѣмца, врачъ и полковникъ, перебивая одинъ другого, изображаютъ въ лицахъ, какъ ихъ Кum-Кum'ы, въ сраженіи подъ Клушиномъ, по одному переползали отъ Шуйскаго и переползли всѣ къ Сигиз-

мунду. Вѣрность въ словѣ и обѣщаніяхъ всегда у тевтонскаго племени отсутствовала,—что плохо лежало, нѣмцы и тогда уже чувствовали, зубы свои показывали, не по милости кайзера, такъ по изволенію своего полковника, командовавшаго наемными перебѣжчиками. Исторія повторяется.—«Не перешли бъ они, могло бы кончиться печально»,—такъ, захлебываясь отъ удовольствія, повѣствуетъ и резонирующій на сценѣ врачъ. Характерны и бесѣды этихъ же дѣйствующихъ лицъ о полученной потомъ въ оставленномъ лагерѣ Димитрія Шуйскаго военной «добычѣ»,—можно подумать, что написано это по отчетамъ корреспондентовъ съ театра текущей войны—такъ живо изображеніе,—хотя драма напечатана два года тому назадъ.

Не считая статистовъ, въ драмѣ 130 лицъ, изъ нихъ только 60—русскіе; говорятъ и дѣйствуютъ больше поляки, а между русскими, около трети, лица безъ рѣчей. Исторически, можетъ быть, это и такъ, а почему такъ—въ драмѣ не выясняется. «Народъ безмолвствуетъ», такая ремарка есть и въ драмѣ Пушкина изъ той же эпохи. Но у Пушкина все ясно,—всѣ главныя дѣйствующія лица говорятъ за себя; въ драмѣ же о Филаретѣ Никитичѣ, наоборотъ, народъ на сценѣ постоянно шумитъ и волнуется, за главныхъ дѣйствующихъ лицъ произносятъ монологи лица второстепенныя, иначе говоря, самъ авторъ, — драматическая хроника обращается въ историческое повѣствованіе. Врядъ ли возможна постановка ея на сцену, даже и при участіи нѣсколькихъ драматическихъ труппъ; при чтеніи же приходится постоянно обращаться къ примѣчаніямъ, какъ будто это произведеніе иностраннаго автора или кого-либо изъ древнихъ классиковъ, переводы которыхъ и съ подстрочниками такъ далеки отъ подлинника.

Въ туманной дали представляется въ драмѣ и изображаемая эпоха, даже и тѣ ея страницы, которыя такъ ярко, художественно воспроизведены по лѣтопи-

сямъ, по «Сказаніямъ» Устрялова, у нашихъ историковъ, Карамзина и Соловьева. Но, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, въ трудѣ его есть «кое-что живое и интересное и для художниковъ». Какъ пособіе же при изученіи эпохи, эта хроника-драма, представляющая богато разработанный матеріалъ, во всякомъ случаѣ любопытнѣе и правдивѣе историческихъ справокъ и брошюръ, отрицающихъ и отметающихъ отъ Филарета Никитича все, что сохранилось и дошло до насъ объ этой замѣчательной исторической личности по преданію, что и не отмѣченное исторіей не только возможно для художника и бытописателя, но и вѣрно исторически, согласно съ характеромъ митрополита, его вѣкомъ и обстановкою. Хроника-драма не заслоняетъ, всетаки, историческія событія, авторъ не призываетъ къ забвенію ихъ, а поясняетъ эти событія, съ своей точки зрѣнія, и возбуждаетъ въ читателяхъ благоговѣйное о нихъ воспоминаніе, какъ и о самомъ іерархѣ...

М. П. Устимовичу, предостерегавшему читателей отъ русскихъ авторовъ, писавшихъ о митрополитѣ Филаретѣ и вспоминавшихъ о немъ къ юбилею, не мѣшало бы обратить вниманіе на хронику-драму А. А. Самойлова. Она не касается легенды о Филаретѣ Никитичѣ,—нѣтъ ссылокъ и въ примѣчаніяхъ,—но въ своемъ родѣ она тоже легенда, живописно пріукрашенная по стариннымъ образцамъ и рисункамъ, соотвѣтственно времени и мѣсту дѣйствія. Ошибки и неточности автора, безъ которыхъ невозможно обойтись въ трудѣ подобнаго рода, не особенно важны и не умаляютъ его достоинствъ: намѣренія автора благія, задача почтенная, работа созидательная. Одного изъ дѣйствующихъ лицъ (стр. 189) авторъ, между прочимъ, заставляетъ произносить слѣдующія строки:

Живъ, слава Богу, бѣдный Филаретъ Никитичъ.
У канцлера Сапѣги во дворцѣ живетъ,
При улицѣ Закрочимской...

Въ драматическомъ произведеніи, гдѣ допущено множество отступленій отъ исторіи, гдѣ отступленія эти, можно сказать, законны, тутъ, какъ видите, все уже точно до мѣстнаго выраженія «при улицѣ»... Произнесите послѣднюю строку съ удареніемъ, въ каждомъ словѣ, на предпослѣднемъ слогѣ—какъ говорятъ въ Варшавѣ многіе русскіе, прожившіе здѣсь нѣсколько лѣтъ,—будетъ и размѣръ стиха соблюденъ въ точности. Совершенно правильно и названіе улицы.

Не нравится вамъ послѣдняя строка, авторъ, вѣроятно, согласенъ замѣнить ее другою,—скажетъ по-русски тоже, но попроще:—«На Закрочимской улицѣ»,—и въ этой редакціи она, пожалуй, и будетъ напечатана въ примѣчаніяхъ къ слѣдующему изданію. Но названіе улицы, конечно, останется и тутъ то же самое, безъ малѣйшаго измѣненія и въ удареніи,—какъ оно и полагается въ начертаніи словъ, не вошедшихъ еще въ словарь и не усвоенныхъ въ рѣчи. Неизвѣстно, былъ ли когда этотъ русскій авторъ въ Варшавѣ, видѣлъ ли, гдѣ находится домъ, принадлежавшій когда-то литовскому канцлеру, можетъ быть, только по документамъ,—но онъ опредѣляетъ положеніе его вѣрно, тогда какъ г. Устимовичъ, не въ драмѣ-хроникѣ и не въ историческомъ разсказѣ, а въ исторической тоже справкѣ, претендующей на документальность и напечатанной въ Варшавѣ, какъ мы видѣли, даетъ невѣрное названіе улицы, смѣшиваетъ названіе съ другимъ, хотя самъ жительствуетъ постоянно въ той же Варшавѣ, а улица—въ приходѣ собора, гдѣ онъ бываетъ еженедѣльно многое число лѣтъ, о чемъ и говоритъ самъ въ своей брошюрѣ.

Маленькая эта подробность очень поучительна для г. Устимовича, какъ оппонента. Какъ не вѣренъ онъ тутъ въ маломъ, такъ и во всемъ остальномъ—во всѣхъ почти сужденіяхъ и разсужденіяхъ,—съ этимъ приходится, видно, помириться и читателямъ, «довѣряющимъ печатному слову», о которыхъ онъ такъ нѣжно заботится...

III.

Во всякомъ случаѣ—нѣтъ худа безъ добра,—г. Устимовичу нужно сказать слово благодарности: онъ, такъ или иначе, коснулся еще разъ больного вопроса о православной часовнѣ въ Варшавѣ. Разсужденія его о «выдумкѣ-приманкѣ», какъ называетъ онъ преданіе о пребываніи здѣсь митрополита Филарета, на этотъ разъ, сами становятся тоже приманкою.

Часто случается, что слѣдователь вызываетъ свидѣтелей обвиненія, а они неожиданно для всѣхъ даютъ показанія въ защиту обвиняемаго. Нѣчто подобное произошло теперь и съ г. Устимовичемъ. Легенда о пребываніи въ Варшавѣ митрополита Филарета до сихъ поръ передавалась и въ такой версіи, что въ башнѣ бернардиновъ на жительствѣ и въ заключеніи былъ одинъ Филаретъ, будущій патріархъ. Свидѣтели, вызванные г. Устимовичемъ, всѣ эти гг. Праведниковы, Дементьевы, Васильевы, Матросовы, іерархъ Антоній, протоіерей Новицкій,—всѣ они, подтверждая или отвергая преданіе, говорятъ не только о Филаретѣ, но и объ его «высокородныхъ соузникахъ», содержавшихся у бернардиновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣвались, гдѣ были помѣщены взятые въ плѣнъ московскіе послы и другіе плѣнники, участвовавшіе, вмѣстѣ съ Шуйскими, въ тріумфальномъ шествіи гетмана Жолкевскаго, въ октябрѣ 1611 года? Шуйскіе были сосланы сначала въ Мокотовъ, потомъ въ Гостынинъ, при нихъ и ихъ слуги. Филаретъ съ Мезецкимъ, Голицынымъ, Луговскимъ и друг. отправлены на Литву изъ-подъ Смоленска, безъ заѣзда въ Варшаву, въ тріумфѣ Жолкевскаго они не участвовали. Ну, а остальные гдѣ?.. Каретъ и повозокъ съ плѣнными при въѣздѣ Жолкевскаго въ Варшаву было болѣе шестидесяти... Если часть этихъ плѣнниковъ, наиболѣе знатные изъ нихъ, была оставлена въ Варшавѣ, то легенда, от-

вергнутая г. Устимовичемъ, такъ или иначе, расширяется и углубляется. Пожалуй, и правъ Даревскій, утверждающій, что болѣе видные плѣнники всегда и обычно, въ то время, содержались въ Варшавѣ у бернардиновъ.

Если это такъ,—что, впрочемъ, должно быть еще доказано,—то допустимо, что и Филаретъ Никитичъ, бывшій въ Варшавѣ несомнѣнно въ 1614 году, когда прибыли сюда послы изъ Москвы отъ Михаила Ѳеодоровича, его сына, и пользовавшійся здѣсь по случаю этого событія нѣсколько большею свободою, чѣмъ на Литвѣ, могъ—если и не жилъ тутъ самъ—посѣтить своихъ соплеменниковъ, содержавшихся у бернардиновъ, въ монастырѣ или на колокольнѣ, могъ часъ-другой побыть въ общеніи со своими товарищами по неволѣ, которыхъ не видѣлъ со Смоленска, помолиться съ ними вмѣстѣ объ освобожденіи, преподать имъ святительское благословеніе. А, вѣдь, въ такомъ случаѣ вся легенда становится уже достовѣрною, обращается въ фактъ. Филаретъ, оказывается, былъ въ этой башнѣ, съ которой связано его имя, былъ хотя и не въ заточеніи, но еще во время своего плѣна,—долгое или короткое время онъ здѣсь находился, это уже не такъ важно. И если бы у бернардиновъ Филаретъ пробылъ всего нѣсколько минутъ, то и тогда можно поставить нынѣ здѣсь памятную доску, какъ и надъ домомъ Сапѣги, гдѣ теперь казармы, и гдѣ происходило свиданіе Филарета съ Желябужскимъ,—гдѣ онъ находился подъ надзоромъ этого же Сапѣги. Недолго, всего нѣсколько часовъ, возился Суворовъ у Чортова моста, въ Швейцаріи, но здѣсь, у С.-Готтарда, увѣковѣчено на скалѣ имя нашего полководца, а не въ Миланѣ, куда онъ вступалъ побѣдоносно, гдѣ въ тріумфѣ его участвовалъ и деньщикъ Прошка, по другой тоже легендѣ. Варшава же, какъ никакъ, ближе къ Москвѣ, чѣмъ Швейцарія...

Приставъ при митрополитѣ, канцлеръ Сапѣга, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великій гетманъ литовскій. Резиден-

ція его была въ Маріенбургѣ, гдѣ, кромѣ Филарета, были въ плѣну и другіе наши послы изъ-подъ Смоленска, которыхъ Сигизмундъ III постѣснился привлечь къ участію въ тріумфѣ Жолкевскаго въ Варшавѣ,—«имѣя еще нѣкоторый стыдъ», какъ говоритъ нашъ исторіографъ. Сапѣга, чтобы не терять никогда Филарета изъ вида, держалъ плѣнника всегда при себѣ. Онъ имѣлъ право возить его за собою при всѣхъ переѣздахъ изъ одного своего имѣнія въ другое, но въ Варшавѣ, куда въ 1614 г. и Филаретъ, и Сапѣга были вызваны одновременно, Сапѣга могъ, разумѣется, и сопровождать Филарета при посѣщеніи митрополитомъ своихъ «соузниковъ», содержавшихся у бернардиновъ, могъ выхлопотать Филарету надлежащее разрѣшеніе,—приставъ этотъ былъ, вѣдь, лицо вліятельное, выше много по рангу тѣхъ приставовъ, что состояли въ Москвѣ или Вязьмѣ при полковникѣ Струсѣ, о которыхъ упоминалъ Соловьевъ.

Сапѣга относился къ Филарету Никитичу покровительственно,—о томъ также говорится у Соловьева. Митрополитъ былъ подневольный, но все-таки гость канцлера, и Сапѣгѣ приходилось гостю оказывать иногда услуги [1]). Посѣщеніе плѣнныхъ у бернардиновъ могло быть обставлено такъ, что о немъ мало кто и зналъ;

[1]) Предки Сапѣги были русскіе, православные. Самъ канцлеръ, католикъ, горячо спорившій о вѣрѣ и политикѣ, къ митрополиту-плѣннику относился съ уваженіемъ, какъ и другіе вельможи польскіе и единовѣрцы наши, бывшіе еще тогда между литовскими боярами,—«всѣ дивились твердости, разуму и великодушію высокаго плѣнника», такъ писалъ Карамзинъ. Приставомъ при митрополитѣ Сапѣга былъ во все время его плѣна, а канцлеромъ литовскимъ до конца своей жизни. Могила его и памятникъ въ Вильнѣ, въ одномъ изъ костеловъ, имъ же построенномъ, поддерживаются потомками его, находящимися теперь въ австрійскомъ подданствѣ. Двоюродный братъ канцлера, гетманъ Янъ Сапѣга, печальной извѣстности, осаждавшій Троице-Сергіеву лавру, рыскавшій со своими «палетами» по лицу всей тогдашней Россіи, входившій въ стачку съ донскимъ атаманомъ съ цѣлью получить самому московскій престолъ, вынужденный снять осаду монастыря и вскорѣ затѣмъ умершій, потомства послѣ себя не оставилъ.

нѣсколько дней Филаретъ могъ и прожить у своихъ сородичей,—но митрополиту, какъ и вообще никому изъ нашего православнаго духовенства, въ этотъ вѣкъ торжества католицизма въ Польшѣ, нельзя было и порога переступить католическаго монастыря или костела,—тутъ безсиленъ былъ и канцлеръ Сапѣга. Понятно, что мѣстомъ свиданія съ соотечественниками Филарета, бывшими на жительствѣ у бернардиновъ, выбрана была, можетъ быть, самимъ митрополитомъ или его приставомъ, эта просторная башня-колокольня—она и тогда стояла, какъ и теперь, въ сторонѣ отъ монастырскихъ воротъ, со входомъ съ улицы. И тогда уже, выходитъ, митрополитъ нашъ не только «одно время» былъ, но и жилъ, пожалуй, здѣсь же на башнѣ, сохранившей его имя до нашего времени,—онъ былъ здѣсь и «въ заключеніи», вмѣстѣ со своими «соузниками», какъ называетъ ихъ г. Устимовичъ, со словъ своихъ свидѣтелей-разсказчиковъ.

Отъ этихъ варшавскихъ «соузниковъ» Филарета, видно, и пошли по свѣту разсказы о бернардинской башнѣ, отсюда пошло преданіе, задолго до Паскевича. Совершенно нестаточное дѣло, чтобы какая ни есть легенда, связанная съ историческимъ событіемъ, зарождалась спустя чуть ли не триста лѣтъ послѣ самаго событія,—даже и въ области фантастическихъ разсказовъ нѣтъ подобнаго примѣра. Совершенно непонятно, почему чинамъ штаба и лицамъ свиты намѣстника г. Устимовичъ навязываетъ «выдумку-приманку»: они, по всѣмъ вѣроятіямъ, тутъ не при чемъ—преданіе зародилось совершенно естественнымъ путемъ, легенда шла отъ временъ Сигизмунда... вотъ почему она записана и у нѣкоторыхъ польскихъ историковъ. Никто изъ лицъ, окружавшихъ Паскевича, не могъ и подумать завлечь намѣстника какой-либо выдумкой: не таковъ былъ его характеръ. Въ штабѣ намѣстника преданіе, можетъ быть, повторялось, какъ и повсюду, по слухамъ—слухомъ и земля полнится, по пословицѣ. Оно могло быть тутъ «приман-

кою», по выраженію Паскевича,—но «выдумкою» не было: отождествленіе и объединеніе этихъ выраженій, въ данномъ случаѣ, не примѣнимо,—тутъ есть различіе, небольшое, но вполнѣ опредѣленное.

Всѣ легенды вообще создаются народомъ, это—его привиллегія,—какъ выражался еще В. Я. Стоюнинъ,—до сихъ поръ никѣмъ, кажется, не нарушавшаяся. Поэты и не штабные, поэты «Божіею милостью», обыкновенно, заимствуютъ содержаніе легендъ изъ народныхъ сказаній и повѣрій, а не выдумываютъ ихъ по своей фантазіи. Л. Н. Толстой въ придуманной имъ на злободневную тему *сказкѣ* объ Емельянѣ, который всю жизнь «ходитъ самъ не знай куда» и ищетъ «самъ не знай чего»,—ссылается на преданіе, взятое у волжскихъ ушкуйниковъ, а М. П. Устимовичъ, не знающій, куда сунуться за доказательствами, валитъ народное *преданіе* на приближенныхъ Паскевича, желавшихъ костелъ обратить въ православный соборъ,—на какихъ-то сочинителей басенъ... Наконецъ, о выборѣ мѣста для собора,—что, по увѣреніямъ г. Устимовича, послужило поводомъ басни,—хлопотали и заботились и духовныя лица, прежде всего тотъ же о. Новицкій, на котораго онъ же ссылается; но о. Новицкій, вѣдь, не вѣрилъ преданію?.. Онъ, по разсказу г. Устимовича, убѣдилъ въ томъ и его самого, когда г. Устимовичъ, будучи еще студентомъ, взлѣзалъ на колокольню бернардиновъ и искалъ здѣсь слѣдовъ древней штукатурки... Кто же и что тутъ выдумывалъ?.. Кто выдумываетъ теперь?..

Разсказывая о посѣщеніи княземъ Паскевичемъ бернардинскаго костела и колокольни, въ сопровожденіи архіепископа Антонія и о. Новицкаго, г. Устимовичъ сообщаетъ одну подробность: эти лица указывали тогда намѣстнику на монастырь и костелъ піаровъ, на углу Долгой улицы и Медовой, какъ на болѣе удобный для передѣлки его въ православный храмъ. Намѣстникъ на немъ и остановился—здѣсь и устроенъ былъ св.-Троицкій соборъ, существующій и понынѣ.

Была, вѣдь, и здѣсь приманка, очень еще цѣнная для Паскевича: въ монастырѣ у піаровъ, въ 1794—1795 гг., останавливался и жилъ все время, пока находился въ Варшавѣ, фельдмаршалъ Суворовъ, здѣсь была, по свидѣтельству преосвященнаго Флавіана, штабная походная церковь Суворова (гдѣ теперь столовая, въ интернатѣ духовнаго училища). Въ монастырѣ піаровъ были тогда просторныя зданія, большой садъ, имѣлась собственная типографія, обширная школа. Ничего подобнаго у бернардиновъ не было. Это—очень интересныя подробности, объясняющія ясно для всѣхъ, что на выборъ мѣста для православнаго собора повліяли тутъ не какія-либо историческія или политическія соображенія и причины, не легенда, сердившая Паскевича, а причины скорѣе личныя, матеріальныя. Очень хорошо, что г. Устимовичъ не умолчалъ о нихъ политики своей ради: изъ сопоставленія фактовъ и мнѣній рождается истина.

Но «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»!... Подчасъ и легенда, не совсѣмъ удостовѣренная, тѣмъ не менѣе, достойна вниманія историка,—она служитъ и можетъ служить добрую службу. Это, вѣроятно, хорошо знаетъ г. Устимовичъ. А вотъ то, что въ каждой легендѣ, самой даже невѣроятной, есть непремѣнно своя доля дѣйствительности и правды,—этого уяснить себѣ онъ, какъ будто, не можетъ.

Переберите въ памяти всѣ, какія вамъ извѣстны, легенды, вы увидите, въ основаніи ихъ, историческій фактъ, или какія-либо подробности, несомнѣнно существовавшія въ дѣйствительности. Не выскажи императоръ Александръ I, передъ нашествіемъ Наполеона, обѣщанія вести войну до конца—уйти въ Сибирь, отростить бороду, питаться чернымъ хлѣбомъ, лишь бы не поддаться врагу, котораго народъ считалъ врагомъ рода человѣческаго,—легенда и о Ѳедорѣ Кузьмичѣ передавалась бы въ другомъ видѣ. Народъ зналъ и вѣрилъ, что другой вотъ тоже врагъ рода человѣче-

скаго отъ вѣка не иначе одолѣвается, какъ постомъ и молитвою,—какъ боролись съ нимъ святой жизни подвижники, удалявшіеся для этого въ лѣса и пустыни. Рѣшимость государя, выраженная въ формѣ, столь близкой народу, и довѣріе къ нему, вызвали всюду не только сочувствіе, но пробудили желаніе и готовность самимъ принять участіе въ подвигѣ,—народъ, по слову государеву, рѣшилъ встать на врага, какъ одинъ человѣкъ, повсюду собирались ополченія, а въ Сибири—тамъ уже и ждали прибытія государя.

Вскорѣ, однако, и на самыхъ дальнихъ окраинахъ узнали, что врагъ, съ которымъ вела борьбу Россія, изгнанъ изъ ея предѣловъ, а затѣмъ этотъ врагъ рода человѣческаго былъ еще высланъ на пустынный островъ, сталъ такимъ же ссыльнымъ, какихъ не мало было кругомъ на тайгѣ, народъ называлъ ихъ несчастными. Сокрушенъ былъ иноземный врагъ, исчезла здѣсь всякая отъ него опасность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, рушилась и надежда на участіе въ великой борьбѣ, осталась неудовлетворенною возбужденная жажда подвига. Но осталось и свое представленіе о врагѣ рода человѣческаго, осталась та же своя вѣра, сохранился въ памяти и обѣтъ государевъ... Изъ этой вѣры, не утраченной на Руси и доселѣ, изъ ожиданій, обѣтовъ, имѣвшихъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, и изъ мелкихъ подробностей жизни въ тайгѣ таинственнаго Ѳедора Кузьмича, загадочныхъ и невыясненныхъ, сложилась легенда. Не будь ихъ, не было бы и сибирской легенды.

Тотъ же процессъ зарожденія можно замѣтить и съ возникновеніемъ легенды о митрополитѣ Филаретѣ. Но тутъ не мечты и надежды, нарушенныя дѣйствительностью, порождаютъ легенду, а, наоборотъ, болѣе суровая дѣйствительность потревожена надеждою на лучшее будущее. Оставайся митрополитъ все время своего плѣна на Литвѣ, не будь вызываемъ изъ Маріенбурга въ Варшаву, не было бы варшавской легенды,—остались бы извѣстія о его долголѣтнемъ маріенбургскомъ

плѣнѣ, зарегистрированныя исторіей. Что изъ Москвы въ Варшаву пріѣзжалъ посолъ Желябужскій, велъ переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ, видѣлся здѣсь съ Филаретомъ, вручилъ митрополиту грамоту отъ сына о его воцареніи,—что все это происходило въ присутствіи пристава при іерархѣ, Сапѣги, въ домѣ послѣдняго,—это фактъ, установленный исторически. Извѣстно также, что переговоры не удались, никто изъ плѣнныхъ освобожденъ не былъ, и митрополитъ отправленъ былъ обратно въ Маріенбургъ, гдѣ и пробылъ до конца плѣна. Народное преданіе ни въ чемъ не расходится съ исторіей,—оно поясняетъ и дополняетъ событіе новою подробностью,—говоритъ еще о пребываніи митрополита Филарета въ башнѣ костела бернардиновъ, названіе которой съ той поры связывается съ именемъ Филарета въ устахъ народныхъ.

Противорѣчія съ историческимъ фактомъ нѣтъ, если признать пребываніе въ башнѣ добровольнымъ, исходившимъ изъ желанія митрополита раздѣлить плѣнъ съ узниками нашими у бернардиновъ, какъ раньше и послѣ онъ дѣлилъ свое время въ плѣну съ «соузниками» своими по Маріенбургу. Оно могло быть и невольнымъ, по принужденію, послѣ того, какъ миссія Желябужскаго окончилась неудачею. Водворенный по прибытіи въ Варшаву во дворцѣ Сапѣги, митрополитъ-плѣнникъ могъ быть, во всякое время, выдворенъ изъ дворца въ костельную башню или въ любое мѣсто заключенія, по распоряженію той же власти, которою онъ былъ вызванъ въ Варшаву. Сигизмундъ, не постѣснившійся запереть въ Гостынскій замокъ плѣннаго московскаго царя Василія Шуйскаго—въ плѣнъ онъ былъ взятъ въ иноческой одеждѣ, лишенный уже власти,—могъ оказать неуваженіе и къ сану митрополита. Допустивъ для высокаго плѣнника нѣкоторыя льготы по случаю прибытія въ столицу посольства изъ Москвы, польское правительство, по отъѣздѣ посольства, могло ихъ отмѣнить и обременить еще плѣнныхъ пословъ новыми

стѣсненіями. Но этого не случилось,—Филарета Сигизмундъ не видалъ, къ неудовольствію противъ митрополита повода никакого не было. Можетъ быть, тутъ помогъ Сапѣга,—но этотъ же Сапѣга, который и привезъ митрополита въ Варшаву, увезъ его и обратно,—это тоже историческій фактъ. Никакой реторсіи со стороны Сигизмунда и Рѣчи Посполитой не послѣдовало,—возможно, благодаря опять покровительству того же пристава-канцлера. Если затѣмъ митрополитъ Филаретъ, все-таки, былъ въ башнѣ или жилъ здѣсь и въ заключеніи нѣкоторое время, то заключеніе это, конечно, было добровольное. Разсказы о немъ могли возникнуть изъ-за посѣщенія митрополитомъ заключенныхъ въ башнѣ плѣнныхъ, какъ о томъ упоминалось выше.

Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что митрополиту Филарету въ Варшавѣ не позволяли никуда и выходить изъ дома Сапѣги. Напротивъ, можно считать, что, въ этомъ отношеніи, плѣнному послу здѣсь предоставлены были еще нѣкоторыя льготы. Доступъ къ митрополиту былъ свободный, хотя посѣтителей и приходилось ему принимать при свидѣтеляхъ; въ передвиженіяхъ на разстояніи нѣсколькихъ улицъ онъ и раньше стѣсняемъ не былъ. Въ Варшавѣ же, въ это время, польское правительство разрѣшило прибывшему изъ Москвы игумену срѣтенскому Ефрему остаться при митрополитѣ Филаретѣ. Онъ могъ сопровождать митрополита и при посѣщеніяхъ имъ другихъ нашихъ плѣнныхъ, проживавшихъ здѣсь, — большинство смоленскихъ сидѣльцевъ, послѣ взятія въ плѣнъ, надо думать, жили въ Варшавѣ,—и этотъ же священнослужитель поддерживалъ сношенія ихъ съ митрополитомъ, исполнялъ необходимыя требы, что продолжалось до обратнаго отъѣзда митрополита въ Маріенбургъ, не прерывались отношенія къ плѣннымъ и въ Маріенбургѣ. Игуменъ Ефремъ самъ, вѣдь, не былъ военноплѣннымъ или заложникомъ, къ нему не было назначено и пристава для надзора, если и былъ за нимъ надзоръ, то неглас-

ный. Но одно уже появленіе его въ Варшавѣ было существеннымъ облегченіемъ плѣна, какъ для митрополита, такъ и для всѣхъ варшавскихъ узниковъ, Въ драмѣ-хроникѣ А. А. Самойлова, о которой приходилось упоминать, митрополитъ Филаретъ, обращаясь къ Желябужскому, въ трогательной рѣчи проситъ посла передать сыну своему благодарность за то, что къ нему «прислали друга вѣрнаго, слугу преданнаго, радѣтеля»,—такъ опредѣляются авторомъ отношенія къ о. Ефрему самого митрополита.

Въ Варшаву срѣтенскій игуменъ посланъ былъ изъ Москвы раньше посольства Желябужскаго и оставался здѣсь и по отъѣздѣ посольства, сопутствуя митрополиту Филарету всюду до конца плѣна, не будучи самъ плѣнникомъ. Кто, какъ не этотъ спутникъ митрополита, видѣлъ всю жизнь Филарета, зналъ и всѣ подробности пребыванія его въ Варшавѣ, могъ бесѣдовать о нихъ и разсказывать и въ Варшавѣ, и въ Маріенбургѣ, а, по возвращеніи изъ плѣна, и по всей Москвѣ. Гдѣ проживалъ игуменъ въ Варшавѣ, свѣдѣній не имѣется: вмѣстѣ ли съ митрополитомъ, въ домѣ Сапѣги, вмѣстѣ ли съ заключенными у бернардиновъ въ башнѣ, или отдѣльно отъ нихъ. Келія его, надо полагать, находилась, все-таки, неподалеку и отъ дворца Сапѣги, и отъ бернардинской башни, около которыхъ сложилась легенда, вокругъ которыхъ сплетаются всѣ нити преданія о пребываніи Филарета Никитича въ Варшавѣ.

Если бы возможно было какимъ-либо способомъ разобрать теперь эти нити, по которымъ шло и распространялось преданіе, на протяженіи трехсотъ лѣтъ, то ужъ, конечно, въ серединѣ клубка, подъ намоткой не окажется никого изъ лицъ штаба Паскевича, не найдется ничего и похожаго на штабныя постройки, съ которыми связываетъ г. Устимовичъ его «выдумку-приманку». И по времени, и по пространству слишкомъ удаленъ этотъ штабъ отъ бернардинской колокольни: онъ самъ на концѣ какой-нибудь нити отъ пре-

данія,—утверждать это, пожалуй, будетъ вѣрнѣе. Выдумщики штабные, баснописцы, если и были таковые при штабѣ намѣстника, повторяли легенду понаслышкѣ, не ихъ это выдумка, съ нихъ необходимо снять всякое въ томъ подозрѣніе. Легенда шла, если не отъ лицъ, окружавшихъ Филарета и къ нему близкихъ, то, во всякомъ случаѣ, отъ современниковъ его, кого-либо изъ тѣхъ, кто раздѣлялъ плѣнъ съ митрополитомъ одновременно. Она неразрывно, по времени, связана съ пріѣздомъ въ Варшаву посольства Желябужскаго, ради котораго и митрополитъ былъ вызванъ изъ Маріенбурга,—когда у всѣхъ нашихъ плѣнныхъ особенно оживились надежды на скорое освобожденіе, неожиданно, затѣмъ, прерванныя и не оправдавшіяся. Разсказы о башнѣ, о митрополитѣ въ башнѣ, передавались и въ Варшавѣ, и въ Москвѣ, задолго до Паскевича, передаются и теперь, изъ нихъ создалось и преданіе.

Никто изъ бывшихъ въ польскомъ плѣну заключенныхъ не оставилъ записокъ о своемъ плѣнѣ или, можетъ быть, записки и были да не сохранились. Нѣтъ ни клочка писемъ ни самого митрополита Филарета, ни его «вѣрнаго слуги»,—они и не писали писемъ изъ-за строгой цензуры, подъ которою все время жили въ плѣну. Но нельзя представить, чтобы всѣ наши плѣнные, побывавшіе въ плѣну и на Литвѣ, и въ Варшавѣ, по возвращеніи изъ плѣна, такъ скоро его позабыли, что никому и ничего о немъ и не разсказывали, молчали и о себѣ, и о митрополитѣ, который уже одними присутствіемъ своимъ между плѣнными,—попавшись самъ въ плѣнъ безвинно, взятый несправедливо,—долженъ былъ привлекать къ себѣ не только состраданіе, но и вниманіе—со стороны плѣнниковъ прежде всего. Скорѣе, напротивъ, можно представить ясно, что разсказы о пребываніи въ плѣну распространялись въ свое время во множествѣ, въ различныхъ версіяхъ и въ такомъ или, допустимъ даже, измѣненномъ уже видѣ, они пере-

давались изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошли и до нашего времени.

Такъ или иначе, всѣ эти разсказы не идутъ въ разрѣзъ съ историческимъ фактомъ,—они придаютъ ему нѣкоторый колоритъ, согласно съ характеромъ митрополита, его твердостью и великодушіемъ, нисколько не измѣняя общаго хода событій. Признавая разсказъ, вѣря легендѣ о митрополитѣ Филаретѣ Никитичѣ, сложившейся въ Варшавѣ, нѣтъ никакой надобности отрицать извѣстные историческіе факты, что одно уже, независимо отъ содержанія легенды, дѣлаетъ ее особенно цѣнною для историка. Факты эти пока еще, положимъ, не подтверждаютъ преданія, но никому не мѣшаютъ и вѣрить ему, считать легенду правдоподобной; тогда какъ, признавая или отрицая легенду о Ѳедорѣ Кузьмичѣ, котораго всѣ сибиряки до сихъ поръ считаютъ за императора Александра I, приходится—или отрицать всѣмъ извѣстные историческіе факты, если вѣрить легендѣ,—или же отрицать легенду, держась какъ стѣны историческаго протокола; при этомъ, въ послѣднемъ случаѣ, приходится все же признать, что почти всѣ подробности и побочные факты, на которыхъ и эта легенда построена, сами по себѣ, взятые въ отдѣльности, достовѣрны или, по крайней мѣрѣ, возможны; взятые же вмѣстѣ, въ соединеніи, возбуждаютъ сомнѣніе.

Было бы иначе, если бы по совокупности фактовъ можно сдѣлать выводъ, исключавшій сомнѣнія,—было бы прочное основаніе, котораго теперь ни у кого нѣтъ. Великолѣпное зданіе легенды о Кузьмичѣ, въ сущности, построено на пескѣ. Можно имъ любоваться, считать невиданнымъ образцомъ, недосягаемымъ доселѣ никѣмъ, но... признать прочнымъ, войти внутрь, увидѣть здѣсь не призраки, не тѣни, а подлинныхъ историческихъ лицъ,—врядъ ли возможно: документальная исторія, съ ея удостовѣреннымъ свидѣтелями протоколомъ о смерти императора Александра I въ Таганрогѣ, противодѣй-

ствуетъ на каждомъ шагу,—не нужно, пожалуй, и доискиваться, кто такой въ дѣйствительности былъ Ѳедоръ Кузьмичъ. Онъ былъ примѣромъ простой и чистой жизни, этотъ великосвѣтскій отшельникъ, прожившій въ тайгѣ десятки лѣтъ, оставившій послѣ себя глубокій слѣдъ въ жизни этой тайги, и не открывшій никому тайны своей жизни,—вотъ все, что точно извѣстно. Будетъ ли когда тайна Ѳедора Кузьмича обнаружена, подтвердится ли исторически преданіе, или правда останется подъ вопросомъ,—сейчасъ о томъ можно только гадать: прошли всѣ сроки...

Сближая обѣ легенды, особенно интересныя потому, что дѣйствующія лица ихъ имѣютъ большое историческое значеніе,—легенды касаются членовъ семьи Дома Романовыхъ,—можно замѣтить еще одну ихъ особенность. Какъ ни сложна вообще легенда о Ѳедорѣ Кузьмичѣ, какой лабиринтъ догадокъ и предположеній она ни представляетъ, разбираясь въ нихъ по очереди, можно, все-таки, поддерживать или отрицать ихъ, что и дѣлаютъ многочисленные изслѣдователи, старающіеся придать легендѣ ту или другую степень достовѣрности, опровергая историческіе факты, оспаривая ихъ. Ошибки возможны, вѣдь, и въ исторіи, и въ политикѣ. Какъ иногда «дѣлается» исторія, не мало примѣровъ и въ явленіяхъ, намъ современныхъ. Другіе, наоборотъ, изо всѣхъ силъ, всѣми способами доказываютъ, что легендѣ никогда не выйти изъ области сказаній, уже по природѣ своей недостовѣрныхъ, скорѣе миѳическихъ, которымъ навсегда какъ бы суждено быть таковыми, гдѣ правда перемѣшана съ вымысломъ. Искать тутъ правды, подбирать доказательства, искать вѣтра въ полѣ...

Но и защитники, и противники легенды, не исключая присяжныхъ историковъ, разбирающихся въ доводахъ тѣхъ и другихъ,—всѣ признаютъ значеніе легенды и ея цѣнность. Если это и символизація, фантазія, то хорошая фантазія. Фабула, тенденція—свои, народныя, искони русскія, по мысли и по духу, а эта «вторая жизнь»

вѣнценосца, въ обѣтахъ старчества на тайгѣ, по словамъ одного изслѣдователя, оставляетъ за собою всѣ трагическія страницы, какія знаетъ исторія, нѣтъ образца подобнаго и во всемірной литературѣ [1]). Историкъ эпохи императора Александра I, Н. К. Шильдеръ, утверждаетъ, что столько же, какъ онъ выражается, шансовъ «за» легенду, сколько есть ихъ и «противъ»,—склоняется, повидимому, за ея достовѣрность, принимая во вниманіе мистическое настроеніе императора Александра I въ послѣдніе годы его царствованія,—и это, несмотря на то, что половина выставляемыхъ легендой фактовъ опровергается исторіей, по его же изложенію.

Легенду о Филаретѣ Никитичѣ, собственно, представляетъ разсказъ о башнѣ, придаваемый историческому факту. Отбросьте разсказъ, останется голый фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; разсказъ служитъ одеждой, украшеніемъ, подвѣскомъ—не болѣе. Можно про него забыть, не обращать вниманія, попросту ему не вѣрить, фактъ потеряетъ немного, и останется фактомъ. Но начните цѣликомъ отрицать преданіе, т.-е. утверждать, что случая съ башней не было и *не могло* быть, вамъ придется, пожалуй, отрицать и самый фактъ, не подлежащій сомнѣнію,—въ данномъ случаѣ, пребываніе митрополита въ Варшавѣ,—такъ какъ внѣ этого факта нѣтъ и легенды... Ибо, если митрополитъ былъ въ Варшавѣ,—а онъ былъ здѣсь,—то естественно, вѣдь, и свиданіе его, плѣнника, съ другими нашими плѣнными, находившимися здѣсь же, посѣщеніе ихъ пастыремъ-іерархомъ неминуемо. Они были на жительствѣ у бернардиновъ, отсюда слѣдуетъ, что и свиданіе было тамъ же. А разъ митрополитъ былъ въ башнѣ, гдѣ жили плѣнные—по какому случаю и сколько времени безразлично,—разсказъ принимаетъ всѣ признаки досто-

[1]) «Историческій Вѣстникъ», сентябрь, 1914 г., статья В. Г. «По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I».

вѣрности. Отыщите имена этихъ плѣнныхъ, содержавшихся у бернардиновъ въ это время, въ 1614 г., разсказъ, мало того, что будетъ еще достовѣрнѣе,—онъ обратится въ историческій фактъ, преданіе найдетъ подтвержденіе, легенда станетъ исторіей. Чтобы найти это подтвержденіе, конечно, нужны доказательства—списокъ плѣнныхъ, монастырскіе счета или записи, записки современниковъ, письма и т. п. Но, чтобы и опровергнуть тотъ же разсказъ, эти доказательства, вѣдь, тоже нужны, ихъ нужно также искать, тогда какъ достовѣрность или вѣроятность разсказа уже заключается, такъ сказать, въ самомъ фактѣ пребыванія митрополита въ Варшавѣ.

Отрицаніе безъ доказательствъ—дѣло простое, тутъ еще пустое и неблагодарное: того и гляди, въ увлеченіи, можно отрицать и то, что всѣмъ извѣстно... Это и дѣлаетъ г. Устимовичъ, не отдѣляющій, въ своихъ сужденіяхъ, то, что, по его мнѣнію, было, отъ того, чего не было вовсе. Онъ отрицаетъ легенду, считая ее позднѣйшаго происхожденія вымысломъ, доказательствъ не приводитъ, говоритъ съ чьихъ-то тамъ словъ... Безпрестанно напоминаетъ онъ о «союзникахъ» митрополита,—но не отъ нихъ идутъ отрицанія его... Пренебрегая преданіемъ, до сихъ поръ почитаемымъ въ народѣ и въ Москвѣ, и на Вислѣ одинаково, онъ не останавливается и надъ тѣмъ, чего ради за башней укрѣпилось названіе Филаретовой,—что существуетъ не со вчерашняго дня.

Задолго до Паскевича, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ Варшавѣ были еще «филареты», политическая партія (filareci,—съ греческаго, польское filar—подпорка, колонна),—но и не отъ нихъ, вѣдь, пошло названіе башни. За недостаткомъ помѣщенія въ тюрьмахъ, филареты, какъ извѣстно, отсиживали свой срокъ въ монастырѣ кармелитовъ, на Лешнѣ—заключеніе въ монастыряхъ еще практиковалось и въ это время,—бернардинская же колокольня тогда была уже необитаема, въ томъ же почти видѣ, какъ и теперь, носила то же названіе...

...«Народъ, можетъ быть, передаетъ не то, что было, но въ своихъ легендахъ онъ говоритъ о событіяхъ, которыя могли быть», — такъ выражаетъ эту мысль Д. Дубенскій, разсказывающій, какъ и въ наше время, около Царскаго посѣщенія передовыхъ позицій арміи, начинаютъ уже слагаться народныя легенды («Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи». Сентябрь—октябрь 1914 г. Пгр. 1915). При всей скудости фактическихъ данныхъ, вызываемой необходимостью въ военное время ограниченія извѣстій съ театра войны, народъ, все-таки, знаетъ по слухамъ о примѣрной защитѣ небольшой крѣпости Осовца противъ осаднаго германскаго корпуса. Башня въ этой крѣпости, носящая имя генерала Скобелева, отнынѣ связана еще съ именемъ капитана Мартынова, который больной, съ незаживленною раною, возвратившись изъ госпиталя, отсюда руководилъ стрѣльбою во все время осады. Въ народѣ знаютъ и о посѣщеніи крѣпости Государемъ, наградившимъ георгіевскими крестами и капитана Мартынова, и перваго коменданта въ осажденной крѣпости, генерала Шульмана, распоряжавшагося обороною. А въ Москвѣ, вотъ, «разсказываютъ, что Царь самъ наводилъ пушку въ Осовцѣ, что отъ выстрѣла изъ этой пушки погибли сотни нѣмцевъ, и что намъ досталась какая-то огромная добыча»... «Всего этого, конечно не было, да народъ и не настаиваетъ на достовѣрности»,—говоритъ ген. Дубенскій (стр. 40 и 41). Важно тутъ не то, въ чемъ расходится разсказъ съ дѣйствительностью, а то, въ чемъ онъ съ нею сходится,—что уже было: Государь былъ среди этихъ защитниковъ крѣпости, съ которыми мысленно была вмѣстѣ и вся Россія, когда они дѣлали свое великое дѣло,—Государь былъ самъ между ними въ безпокойное время, посѣтивъ крѣпость неожиданно, облегчилъ труды ихъ своимъ присутствіемъ и словомъ, наградилъ и обрадовалъ... «Въ этихъ легендахъ, какъ и во всякихъ народныхъ сказаніяхъ, не надо искать фактической правды, нужно умѣть по-

нять правду нравственную»,—такъ заключаетъ свои разсужденія военный писатель. И эта же высшая правда дастъ смыслъ событіямъ, поясняетъ ихъ и опредѣляетъ значеніе ихъ и соотношеніе въ ряду другихъ историческихъ фактовъ.

М. П. Устимовичъ не разъясняетъ преданія въ связи съ историческими событіями, но затемняетъ и ихъ, постоянно смѣшивая одно съ другимъ, иногда самъ того не замѣчая, а подъ конецъ, какъ мы видимъ, и самый плѣнъ Филарета Никитича въ Варшавѣ, такъ-таки, и называетъ выдумкой. Эта «выдумка-приманка» приманиваетъ и захватываетъ его.—«Не могу молчать», возмущался когда-то извѣстный писатель нашею современностью.—«Пора перестать повторять это *нелѣпое* преданіе-выдумку», негодуетъ и г. Устимовичъ, взваливая на плечи нашего времени преданіе XVII вѣка, въ которомъ, какъ ни смотрѣть, и съ лица, и съ подкладки, все, наоборотъ, «лѣпо», связно, вполнѣ прилично и ясно.

Но «что ему истина и правда, и что онъ имъ?!...» Всѣ заботы, всѣ утвержденія его—въ томъ, чтобы «разсѣять» заблужденія «русскихъ авторовъ», не знающихъ писаній—должно быть, его собственныхъ,—«разъяснить», по современному, т.-е. разрушить народное преданіе,—памятникъ далекаго прошлаго, все же цѣнный и по своему содержанію, какъ цѣнно и дорого все, что касается жизни страдальца-іерарха.

Какова задача,—такое, видимъ, и исполненіе.

Въ заботахъ о настоящемъ, въ интересахъ будущаго, можно и охранять памятники прошлаго, и разрушать ихъ. Можно передѣлывать старинныя зданія по новому, сады обращать въ черные дворы, застраивать или расчищать площади, уничтожать ихъ, по кирпичику разбирать стѣны, можно истреблять старинныя рукописи, рвать книги и лѣтописи, какъ ненужные старые счета. Но живое слово, изустная рѣчь—неистребимы. Какъ на Западѣ, въ самомъ центрѣ германской или романской культуры, до сихъ поръ существуютъ мѣстныя названія,

свидѣтельствующія, что тамъ когда-то жили славяне, не оставившіе послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ вотъ этихъ названій, сохраняющихъ и при передѣлкахъ свой корень,—такъ точно и такія названія въ Варшавѣ, какъ «Московская каплица», «Филаретова башня», свидѣтельствуютъ о прошломъ, которое давно забылось, отъ котораго ничего не осталось, но оно было. Оно быльемъ поросло, но въ преданіяхъ, какъ и въ названіяхъ, сохранилось, и ихъ вы не упраздните никакими умствованіями.

Какъ бы ни хотѣли гг. Устимовичи предать забвенію всѣ слѣды прошлаго, которое имъ почему-то не нравится, они, эти слѣды, остаются въ названіяхъ, въ разговорной рѣчи, въ пословицахъ и поговоркахъ—распространяются этимъ путемъ они шире, чѣмъ со стѣнъ и надписей мавзолеевъ и памятниковъ: голосъ народа убѣдительнѣе, краснорѣчивѣе, правдивѣе — онъ неумолкаемъ... И реставрированная недавно колонна Сигизмунда III, тоже смущающая г. Устимовича, быть можетъ, когда— или сама разрушится, или перенесена будетъ съ площади куда-нибудь во дворъ или въ садъ,— но мальчишки и бабы «z pod Zygmunda» останутся, родъ ихъ не вымретъ вѣка и напоминать будетъ объ историческомъ прошломъ больше, чѣмъ эти высокопарныя надписи, украшающія памятникъ. И легенда о Филаретѣ, отвергаемая г. Устимовичемъ,—на минуту допустимъ даже, какъ онъ того желаетъ—придетъ еще въ большее забвеніе,—но «башня Филаретова» останется еще и тогда, когда упразднена будетъ или закроется находящаяся здѣсь внизу табачная лавочка,—даже и тогда, когда здѣсь пріютится, возможно, и кинематографъ...

У варшавянъ-католиковъ, какъ утвердилось теперь за новымъ православнымъ соборомъ названіе «русскаго костела», такъ, думается, оно будетъ сохраняться и впредь; старый же нашъ соборъ они, попрежнему, зовутъ «поніарскимъ». Самъ г. Устимовичъ повторяетъ то же названіе, хотя и говоритъ вообще о забвеніи, и

онъ же, съ чужой рѣчи, называетъ колокольню бернардиновъ и костелъ «побернардинскими», въ забвеніе уже... грамматики.

...Все забудется, правда останется.

IV.

Довольно интересно, что въ то горячее время, когда начиналась въ Варшавѣ постройка новаго собора, когда собирались пожертвованія и на часовню, г. Устимовичъ, уже тогда печатавшій брошюры о соборѣ, молчалъ о часовнѣ и не призывалъ къ показаніямъ своихъ свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторые тогда были еще живы. А теперь, когда они всѣ повымерли, онъ вызываетъ ихъ тѣни и по своей памяти говоритъ и пишетъ отъ ихъ имени. Совсѣмъ не «свѣжо» это собственное «преданіе» г. Устимовича, отвергающее «легенду» о Филаретѣ. Нельзя и съ трудомъ вѣрить ему, когда видишь, какъ самъ онъ легендарно неточенъ и въ своихъ сказаніяхъ, и въ выдержкахъ изъ печатныхъ источниковъ, какъ грѣшенъ онъ въ переводѣ съ надписей и въ ссылкахъ на историковъ.

Повѣрить г. Устимовичу,—выходитъ, что въ Варшавѣ,—въ началѣ XVII вѣка,—быть въ плѣну никому, какъ будто, и не полагалось. Въ Маріенбургѣ для плѣнныхъ были къ услугамъ три замка,—«строенія изъ камня, желѣза, массивной, но тонкой архитектуры», съ глубокими рвами и подъемными мостами,—построенные предусмотрительно еще меченосцами. Въ Варшавѣ же не было... ни цитадели, ни фортовъ, ни «десятаго павильона» (теперь, увы, упразднепъ). Дворцы и монастыри здѣсь были не огорожены, монахи, какъ и придворные, вели свободную, веселую жизнь... быть въ плѣну здѣсь—одно было удовольствіе. Если бы такой «выдуманный плѣнъ», по своеобразному выраженію г. Устимовича, продолжался не нѣсколько дней, его слѣдовало бы исключить, вѣроятно... изъ плѣна.

Въ плѣну наши московскіе послы находились съ 1610 г. по іюнь 1619 г., т.-е. почти девять лѣтъ. Но пробудь вотъ посольство Желябужскаго при польскомъ дворѣ, въ 1614 г., не нѣсколько дней или недѣль, а затянись переговоры, положимъ, года на два, на три— и митрополитъ Филаретъ, во время ихъ находившійся въ Варшавѣ, для того сюда и вызванный, выходитъ,— по исключеніи этого срока изъ плѣна,—пробылъ бы, такимъ образомъ, въ польскомъ плѣну всего не около девяти лѣтъ, какъ всѣ остальные послы, а только бы семь или шесть лѣтъ,—вотъ, вѣдь, что значитъ этотъ «выдуманный плѣнъ» по г. Устимовичу. Вотъ къ какому новому историческому открытію приводитъ это собственное его выраженіе, заключенное въ скобки, когда вы скобки раскроете, отбросивъ предварительно дробныя части, дни и мѣсяцы (наипростѣйшія уравненія: 9—2=7, 9—3=6),—вотъ что подтверждаетъ простое счисленіе.

И плѣнъ, и время, проведенное Филаретомъ Никитичемъ въ Варшавѣ, по умозрѣнію г. Устимовича, должно быть—пріятный сонъ, игра воображенія какихъ-то корреспондентовъ. Во снѣ ходили и жили и «союзники» у бернардиновъ. А король Сигизмундъ, перенося столицу государства изъ Кракова въ Варшаву, завелъ здѣсь такія вольности, какихъ не видалъ и Краковъ три вѣка спустя—учредилъ, видно, такой нейтральный пунктъ, куда высокій маріенбургскій плѣнникъ свободно былъ отправленъ «для совѣщаній» съ Желябужскимъ, подобно тому, какъ отправляются иногда въ международные курорты по сосѣдству тяжело раненые военноплѣнные, для совѣщаній съ врачами, леченія, отпускаются туда на слово, на отдыхъ и проч.,—какъ будто бы, къ тому же, Польша и Литва, въ это время были еще два государства, одно отъ другого независимыя,—что нисколько не мѣшаетъ, однако, г. Устимовичу плѣнъ митрополита называть польскимъ, а не литовскимъ... Выводы эти, къ кото-

рымъ долженъ придти читатель, повѣрившій тоже на слово, очень уже легковѣсны,—они не вяжутся совсѣмъ ни съ исторіей, ни съ преданіями, ни съ печальной повѣстью о митрополитѣ Филаретѣ въ польскомъ плѣну, по разсказу того же г. Устимовича.

Въ томъ же родѣ и еще менѣе убѣдительны и другіе доводы и утвержденія нашего оппонента. Н. Ѳ. Акаемовъ, «Варшавскій Дневникъ», «Московскія Вѣдомости», всѣ «построчники» нашей и мѣстной печати, писавшіе, что, по преданію, Филаретъ Никитичъ былъ здѣсь, одно время, въ плѣну или въ заключеніи, по увѣреніямъ г. Устимовича,—повторяютъ выдумку, а Ф. Орловъ... «идетъ далѣе»... проектируетъ еще и часовню поставить... «Всѣ врутъ календари!..» Всѣ «Путеводители», русскіе и польскіе, тоже... «Никакого плѣна, ни заточенія тутъ не было»... Такъ думали оо. Новицкій, Стратоновичъ...

Несостоятельность подобныхъ доводовъ для всѣхъ, однако, ясна. Что тутъ былъ плѣнъ, не выдуманный, а дѣйствительный, было заточеніе или заключеніе и въ домѣ канцлера, и въ монастырской башнѣ, а не жизнь безпечальная въ обществѣ Сапѣги или «pod zwonnicą» (подъ звонницей) у бернардиновъ, кажется, легко видѣть и не имѣя о томъ свидѣтельствъ и указаній современниковъ. Особенно удручающимъ, для другого едва ли переноснымъ, былъ этотъ плѣнъ для митрополита Филарета въ моментъ прибытія въ Варшаву посольства Желябужскаго. Въ Москвѣ, въ это время, давно уже окончились всѣ торжества по случаю восшествія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича—прогудѣли колокола всѣхъ сорока сороковъ церквей,—а отецъ избраннаго на царство государя, плѣнный митрополитъ, лишенный «святыя Руси», удаленный отъ нихъ, не могъ никого благословить и молебенъ отслужить въ храмѣ Божіемъ,—молиться о сынѣ ему, митрополиту, возможно было только наединѣ, вмѣстѣ развѣ вотъ еще съ другими единовѣрными плѣнниками,

заключенными въ костельной башнѣ... Что чувствовалъ онъ, что пережилъ, какую чашу испилъ, будучи еще наружно спокойнымъ, подавая собою примѣръ твердости соузникамъ, когда выяснился неудачный исходъ переговоровъ объ обмѣнѣ плѣнныхъ, это уже трудно пожалуй, представить. Безъ другихъ доказательствъ и удостовѣреній, по одному результату переговоровъ, можно видѣть, что не цѣною освобожденія себя и другихъ плѣнныхъ, митрополитъ надѣялся на заключеніе мира или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе продолжительнаго перемирія.

На «совѣщаніяхъ» съ Желябужскимъ, передъ представителями Рѣчи Посполитой, онъ говорилъ не о себѣ, а о сынѣ, поддерживалъ его державное достоинство, заботился, чтобы державѣ и вѣрѣ отеческой ни откуда ущерба не было, ни одной «четью» земли родной не поступался. Такое же вліяніе, очевидно, онъ оказывалъ и на всѣхъ плѣнныхъ, съ которыми былъ въ общеніи, не исключая и тѣхъ, что присягали въ Москвѣ королевичу Владиславу и находились подъ покровительствомъ Сигизмунда, пользовались и въ плѣну нѣкоторыми льготами и преимуществами. Можетъ быть, благодаря митрополиту-плѣннику, между таковыми плѣнными не было и отступниковъ отъ вѣры отцовъ нашихъ,— и это въ то время, когда іезуиты и польскій король ревностно насаждали на Литвѣ унію, присоединяя къ ней литовскихъ бояръ, когда замышляли и всю Русь обратить въ католичество. Безтрепетно терпѣли свой плѣнъ московскіе узники, долгіе годы оторванные отъ семейнаго очага и родины. Неужели же, кто напоминаетъ и повторяетъ эти безспорные, кажется, факты,— тоже «повторяютъ выдумку»?..

За свою твердость и неуступчивость митрополитъ Филаретъ могъ ожидать, что его постигнетъ участь патріарха Гермогена, и готовъ былъ принять мученическій вѣнецъ. Но, наученное опытомъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ, польское правительство, на этотъ

разъ, отнеслось къ плѣнному митрополиту иначе, чѣмъ къ заключенному патріарху,—оно поняло, вѣроятно, что насиліемъ устрашить нашихъ іерарховъ невозможно и хотя далеко было еще до освобожденія Филарета Никитича, но за рѣчи митрополита въ защиту сына уже не преслѣдовало, отдавая должное его твердости. Сто лѣтъ послѣ того, такъ же поступилъ, при Петрѣ Великомъ, съ плѣннымъ Иголкинымъ шведскій король Карлъ XII, не вмѣнившій въ преступленіе новгородскому купцу вѣрность своему государю и защиту его даже дѣйствіемъ, уже по взятіи въ плѣнъ и по заключеніи подъ стражею... Въ наше сравнительно болѣе просвѣщенное время, едва вотъ была объявлена Россіи война Австріей и Германіей, священнослужители православныхъ церквей въ этихъ государствахъ, продолжавшіе въ заграничныхъ церквахъ молиться за Государя Императора и Царствующій Домъ, подвергались оскорбленіямъ и насиліямъ до тюремнаго заключенія включительно. Нѣмецкая хваленая культура и тутъ дала себя знать и почувствовать свое мнимое превосходство...

Невѣдомо кому возражая, г. Устимовичъ пишетъ, что митрополитъ Филаретъ, во время своего плѣна, съ царемъ Шуйскимъ и «не видѣлся». Шуйскіе, Василій и Димитрій, были въ могилѣ, когда Филаретъ вызванъ былъ въ Варшаву въ 1614 году. Но младшій ихъ братъ, князь Иванъ Шуйскій, горько плакавшій при представленіи нашихъ плѣнныхъ польскому королю въ Варшавѣ гетманомъ Жолкевскимъ, былъ живъ. Онъ, переставъ плакать, правда, поступилъ на службу къ польскому королю, соблазненный обѣщаніями; ни католичества, ни уніи, однако, не принялъ, и въ военныхъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ польскими войсками нигдѣ не участвовалъ; при дворѣ королевскомъ, ходить въ хвостѣ и танцовать мазурку, ему скоро наскучило, и при размѣнѣ плѣнныхъ, въ 1619 г., онъ оставилъ Варшаву, раскаялся, и «отъѣхалъ» въ Москву, гдѣ и окон-

чилъ жизнь въ тишинѣ и безвѣстности. Съ нимъ именно Филаретъ могъ видѣться въ Варшавѣ въ 1614 году, даже и въ томъ случаѣ, если бы лишенъ былъ свиданія съ другими своими «союзниками»; въ качествѣ чиновника на службѣ Рѣчи Посполитой, Иванъ Шуйскій пользовался полною свободою, могъ и самъ посѣтить митрополита въ домѣ канцлера Сапѣги, куда приходила къ Филарету и жена полковника Струся.

Если кто изъ польскихъ историковъ и упоминаетъ о свиданіи митрополита Филарета въ Варшавѣ съ Шуйскимъ—наши не говорятъ о томъ ничего,—то похоже, что рѣчь идетъ здѣсь объ Иванѣ Шуйскомъ. Г. Устимовичъ, по своей манерѣ ходить кругомъ да около событій и все отрицать—и тутъ объ именахъ и источникахъ умалчиваетъ: по его взглядамъ, о царѣ Василіи Шуйскомъ еще можно вспоминать въ молитвахъ, о братѣ же его, Иванѣ Шуйскомъ, вѣроятно, нужно забыть совершенно, и самое имя его вычеркнуть изъ поминанья... И похваливая царя Шуйскаго, и укоряя боярскую думу, онъ тоже безъ различныхъ «но» не обходится и, наконецъ, глубокомысленно восклицаетъ:—«Но пусть Всевѣдущій Судья разсудитъ царя съ думой!»...

На послѣдней же страницѣ вотъ что еще печатается: «Я глубоко убѣжденъ,—пишетъ г. Устимовичъ,—что если бы правительство разрѣшило мѣстному населенію въ Варшавѣ возстановить мавзолей царя Шуйскаго, часовню Дѣвы Маріи Побѣдоносной, или водрузить мраморную доску на бернардинской колокольнѣ съ надписью о пребываніи тамъ въ плѣну митрополита Филарета, то оно (?) слишкомъ охотно и скоро исполнило бы это»... «Оно» здѣсь, конечно,—не «правительство», а «мѣстное населеніе»—потомки предковъ, передѣлавшихъ когда-то мавзолей въ католическую часовню.

Какъ проникновенно объяснялъ г. Устимовичъ намѣренія Сигизмунда, ставившаго памятникъ «самому себѣ», такъ читаетъ онъ въ сердцахъ и отдаленныхъ потомковъ его подданныхъ. Подозрѣвая въ чемъ-то мѣст-

ныхъ патріотовъ, г. Устимовичъ, по обыкновенію, смѣшиваетъ цѣлое съ частью и не замѣчаетъ того, что для всѣхъ видно ясно. Въ подтвержденіе и въ опроверженіе можемъ привести ему совсѣмъ свѣжій «аргументъ», кстати, онъ ихъ такъ любитъ.

Онъ, конечно, согласенъ, что преданіе о митрополитѣ Филаретѣ извѣстно мѣстному населенію на Вислѣ, включительно до разсказа о башнѣ. Но вотъ что, выходитъ, тутъ любопытно: мѣстные обыватели, «слишкомъ охотно» считающіе разсказъ фактомъ, оправдывающіе Сигизмунда, враждебные къ Филарету, ко всѣмъ его бывшимъ союзникамъ и ихъ потомству, ко всей нашей исторіи,—въ сущности, держатся того же взгляда, что и самъ г. Устимовичъ, который, и отрицая легенду, считаетъ сторонниковъ ея, своихъ и чужихъ, тоже враждебными не только памяти іерарха, но и его народу, чуть ли не къ правительству того же народа «отъ времен царя Михаила до Екатерины» и нашихъ дней. Это— не одного лагеря и оружія, но двѣ, какъ будто, равныя по значенію стороны, по его взгляду, равноправныя по взаимной враждебности. «Подъ небомъ много мѣста всѣмъ»,—но неизвѣстно «зачѣмъ»,—какъ спрашивалъ Лермонтовъ,—а люди враждуютъ, и въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

Однако, и г. Устимовичъ долженъ знать, что и защитники, и отрицатели легенды, вкупѣ съ самимъ г. Устимовичемъ, среди мѣстнаго населенія составляютъ довольно незначительное меньшинство, а большинство сомнѣвающееся или равнодушное, если не вѣритъ легендѣ, то все же знаетъ, что митрополитъ, какъ и послы, взятъ въ плѣнъ несправедливо, девять лѣтъ въ плѣну провелъ безвинно. Оно, это же большинство, знало то триста лѣтъ назадъ, когда была Рѣчь Посполита и вела войну съ Москвою,—возможно, оно еще и сочувствовало Филарету, когда всѣ «дивились» разуму высокаго плѣнника,—осуждало Сигизмунда, несмотря на преданность ему, своему королю, не взирая и на вражду къ

Россіи, съ которой шла, казалось, безконечная война... Мало того: самая вражда эта большинству, навѣрное, казалась чѣмъ-то наноснымъ извнѣ; враждебныя чувства были, если и не совсѣмъ поверхностными, то и не особенно глубокими, постоянно смѣнялись. Воевали, вѣдь, съ одной стороны, за Владислава, прочили его на царство во враждебную Москву, хотѣли видѣть «настоящимъ» царемъ, считая его и болѣе подходящимъ, хотя царемъ онъ здѣсь и не былъ, и, наконецъ, мечтали еще объ уніи съ тою же Русью, съ которой воевали. Эта перспектива для многихъ въ Варшавѣ казалась лестною и соблазнительною, но и едва ли достижимою,— яснаго представленія ни у кого не было.

Съ другой стороны,—защищали эту Русь, свои права на родную землю, свою вѣру, что было одинаково всѣмъ понятно на Вислѣ, какъ и въ Москвѣ. Вѣра у противниковъ была разная по обряду, но по чувству — одна, христіанская; земля — близкая, сосѣдская; сами противники были, и приходились между собою родня, славяне, по роду и племени. Дрались и ссорились братья,—война поэтому была упорная, обостренная. Но это была, какъ будто, тоже война не настоящая, лишняя, ее можно было и не начинать,—это сознавалъ уже каждый. Война вышла случайно,—считались свои люди, изъ-за короны, у которой не было прямого наслѣдника, а явились женихи-соискатели. Врагъ роковой, природный, былъ другой,—онъ былъ въ сторонѣ и пока далеко.

Когда родные невѣсты, изъ-за которой ссорились братья, сами порѣшили отдать вѣнецъ царскій тому, кто былъ имъ ближе,—братья не примирились, но борьба между ними пошла, съ этого момента, потише, съ перерывами. Когда кто изъ нихъ, въ такіе промежутки, затѣвалъ войну съ кѣмъ - либо изъ иноплеменниковъ,—братья, случалось потомъ, еще и помогали другъ другу; если же оставались безучастными, то, бывало, одинъ завидовалъ успѣху другого или порицалъ его

но когда и радовался, гордился самъ успѣхами брата; при неудачахъ и пользовались ими для своихъ выгодъ, и соболѣзновали потерпѣвшему. Но погибели братъ брату не желалъ, руки своей они къ тому не прикладывали. Настоящій, подлинный отъ вѣка врагъ оказался у нихъ общій,—онъ, враждуя съ однимъ братомъ, прикидывался другомъ другого, а потомъ измѣнялъ. Оба брата ему поочередно вѣрили, извѣрились. Наконецъ, постигли его въ совершенствѣ, дальше котораго и идти некуда. Онъ, этотъ врагъ, когда дѣлились ризы Рѣчи Посполитой, львиную долю взялъ себѣ, другую присвоилъ своему племяшу. По новому конфликту, через нѣсколько лѣтъ, вынужденъ былъ большую часть своей доли отдать брату потерпѣвшаго, но и тутъ, для конвенанса, выговорилъ отъ него же клочекъ опять для своего племянника. Когда все это происходило, мѣстное населеніе, отошедшее изъ чужихъ рукъ въ братскія, на худой конецъ, все же радовалось и такому обороту, и начинало даже хлопотать, чтобы и оставшуюся у чужака долю припрѣзать къ своей. Врагъ-чужакъ былъ—нѣмецъ...

Въ самый расцвѣтъ нашей дружбы съ нѣмцами, у насъ уже сознавали, что дружба съ ихъ стороны показная, внѣшняя, какъ политика,—что внутри себя нѣмецъ такой же намъ врагъ, какъ и всѣмъ славянамъ. Внѣшній другъ съ личины былъ внутреннимъ врагомъ Россіи,—въ этомъ была вся его политика; тогда какъ свой врагъ—братъ, даже, когда и бунтовалъ и, по такому своему положенію, становился врагомъ внутреннимъ, все-таки, оставался братомъ,—вызывалъ состраданіе,—тутъ была уже другая политика. Давно, давно, въ Калишѣ, на крайней западной границѣ, праздновалась торжественно дружба съ Пруссіей, въ знакъ ея и памятникъ тамъ поставленъ. Но послѣ Калиша, какъ разъ, въ Питерѣ-столицѣ, Чернышевымъ написана была на нѣмца ѣдкая сказка, сорокъ лѣтъ потомъ не появлявшаяся въ печати изъ-за декорума внѣшней политики; но авторъ

сказки, вопреки этой политикѣ, награжденъ былъ императоромъ Николаемъ I высшимъ для него отличіемъ,— сказка государю понравилась, да и всѣ кругомъ находили, что она вѣрно отражаетъ настоящія чувства къ нѣмцу, какъ они выродились въ этой дружбѣ въ дѣйствительности.

Спустя много лѣтъ, въ Берлинѣ нѣмцы праздновали объединеніе Германіи, окончивъ войну съ французами. Въ войнѣ этой принимали участіе и поляки изъ прусской «дѣльницы», и одновременно польскій писатель обнародовалъ своего «Бартка-побѣдителя», въ которомъ изображались истинныя чувства къ нѣмцамъ участниковъ въ этой войнѣ по-неволѣ; книжка разошлась по всему міру, во множествѣ переводовъ и изданій. Теперь, въ томъ же Берлинѣ, сами нѣмцы показали всему міру, какова цѣна ихъ дружбѣ, а съ началомъ поднятой ими же войны, въ злополучномъ Калишѣ, какъ бы на-смѣхъ воспоминаніямъ былого прошлаго, начались ихъ «звѣрства»—такъ нареченъ ихъ упрощенный способъ веденія войны,—здѣсь они совсѣмъ уже обнажили свое лицо, заблестѣвшее ярко безстыдствомъ, какъ мѣдь на ихъ каскахъ,—на солнцѣ, днемъ, и ночами—при свѣтѣ прожекторовъ и пожарищъ... А поляки, когда началась эта небывалая доселѣ война народовъ, неожиданно для всѣхъ, обнаружили, словомъ и дѣломъ, своеобразную тоже враждебность: въ громадномъ большинствѣ, они оказались на сторонѣ Россіи, остались съ нею...

Но пусть за себя они говорятъ сами:—«Спросите любого поляка, каждый скажетъ: «самый худой русскій лучше самаго лучшаго нѣмца,—это уже въ крови; русскій—братъ нашъ». (Л. Козловскій. «Война и Польша». Москва. 1914).—«Изъ трехъ раздѣленныхъ частей Польши, только въ русской части поляки сохраняютъ извѣстную независимость»,—такъ говоритъ, тамъ же, извѣстный публицистъ А. Свентоховскій. А вотъ какъ тотъ же Л. Козловскій изображаетъ, какимъ процессомъ враждебное раньше меньшинство соединилось съ боль-

шинствомъ, довѣрившимся Россіи. Гдѣ-то въ Закопаномъ, въ Карпатахъ, куда лѣтомъ обыкновенно съѣзжались поляки изъ всѣхъ трехъ «дѣльницъ» (dzielnica, дѣлянка, часть отъ раздѣла, доля),—въ іюлѣ прошлаго года, шли споры о томъ, какую позицію долженъ занять разъединенный на три державы польскій народъ въ только что надвигавшейся войнѣ. Пока въ горахъ спорили, внизу,—на поляхъ, или, какъ нынѣ говорятъ, на мѣстахъ,—народъ польскій рѣшилъ самъ, не колеблясь:— «Съ Россіей противъ нѣмца»:—для крестьянъ не было сомнѣній, зачѣмъ идетъ нѣмецъ, конечно,—затѣмъ, чтобы захватить землю, которой у Германіи мало»... «Оставалось лишь пойти за стихійнымъ порывомъ»...

И пошли всѣ не только въ русской части, но распалось и въ Галиціи то меньшинство, которое съ «бартошевыми дружинами» собиралось «отбудовать» (odbudować, отстроить, возстановить) Рѣчь Посполитую въ общемъ переполохѣ. Ложка дегтю портитъ бочку меда, но въ живомъ тѣлѣ деготь выгоняетъ наружу прыщи и лечитъ худосочіе и заразу... Г. Устимовичу, цитировавшему отъ польской печати, въ своей брошюрѣ, вскользь Краусгара и кое-что изъ «Католическаго Обозрѣнія», пусть будутъ приведенныя выше выписки изъ той же печати урокомъ, какъ нужно быть осторожнымъ, когда отъ своего «я» приходится говорить о «мѣстномъ населеніи», не называя мѣстъ и лицъ, и не осуждать никого огуломъ.

Не тревожа, опять-таки, правительства, г. Устимовичъ, кажется, могъ бы самъ, отъ своего собственнаго «я», произвести анкету по этому вопросу и провѣрить, насколько его подозрительность основательна,—стоитъ только разослать бланки, какіе кому разсылать полагается въ такихъ случаяхъ...Можно съ удовольствіемъ уступить г.Устимовичу эту мысль и пожелать нашему почтенному оппоненту успѣха. Желаемъ ему получить какъ можно больше отвѣтовъ, дождаться... «бури восторговъ» отъ его единомышленниковъ-читателей и почитателей и за эту выдумку-приманку...

Только зачѣмъ же опять онъ говоритъ завѣдомую неправду? О возстановленіи католической часовни кто мечтаетъ, а пишетъ и говоритъ о ней пока одинъ г. Устимовичъ, настойчиво проводя въ своемъ послѣднемъ сказаніи то, что высказывалось имъ раньше. Онъ же одинъ помышляетъ, что и надписи на проектируемыхъ доскахъ будутъ служить, что называется, и нашимъ, и вашимъ... въ родѣ открытаго имъ же «трофея». Какъ будто и не знаетъ онъ, что теперь «надписанія» дѣлаются иначе и проще: «Здѣсь лежитъ Суворовъ»—на плитѣ; «Здѣсь жилъ Пушкинъ»—у воротъ дома,—такія надписи краснорѣчивѣе самыхъ длинныхъ эпитафій.

И у стѣны бернардиновъ надпись можетъ быть краткая: «Здѣсь жилъ митрополитъ Филаретъ», или «Здѣсь, по преданію, жилъ митрополитъ Филаретъ»... на двухъ языкахъ, по-русски и по-польски, украшенная гербомъ бояръ Романовыхъ. А у дома Сапѣги, гдѣ теперь казармы, она, конечно, должна быть только на русскомъ языкѣ, можно и церковно-славянскою вязью, подъ короной московскихъ царей, въ болѣе подробномъ изложеніи:

> «Здѣсь, лѣта отъ Р. Х. 1614... послы царя Михаила Ѳеодоровича объявили митрополиту Филарету объ избраніи въ Москвѣ сына его на царство».

Сократите нѣсколько, распространите эти надписи, онѣ въ соблазнъ никого не введутъ, а напоминать будутъ то, что есть и было. То же, хоть про себя, долженъ признать самъ г. Устимовичъ. Онъ отрицаетъ пребываніе Филарета въ Варшавѣ въ плѣну, но свиданія съ Желябужскимъ отрицать не можетъ—онъ его только замалчиваетъ,—оно, видите ли, въ счетъ не идетъ... Ему не важно, что посольство Желябужскаго, отправленное изъ Москвы на выручку Филарета Никитича изъ плѣна,—корень и завязка преданія и разсказовъ о пребываніи митрополита въ Варшавѣ,—онъ привыкъ повторять:—«это не преданіе, а выдумка»...

Но если бы представленіе московскихъ пословъ родителю юнаго царя происходило не въ Варшавѣ, а надъ Варшавой, въ воздухѣ—будь это въ нашъ вѣкъ аэроплановъ,—то и тогда, вѣдь, текстъ надписей остался бы тотъ же,—развѣ пришлось бы слово «жилъ» замѣнить словомъ «былъ», и обѣ доски водрузить рядомъ или одну надъ другой... на башнѣ городской ратуши, что ли... Такое размѣщеніе г. Устимовичъ, несомнѣнно, признаетъ... «еще и еще болѣе неумѣстнымъ». Онъ напечатаетъ, вѣроятно, еще «братскую» брошюру со своимъ мнѣніемъ и опять милостиво предоставитъ рѣшеніе «властямъ предержащимъ»... «Я, молъ, предупреждаю, я хлопочу о пресѣченіи... легенды...» Не замѣчая всей неловкости подобныхъ кивковъ, онъ, отстаивая свое «прочное» status quo, готовъ, пожалуй, повторять свои предостереженія съ крыши этой ратуши всенародно, зная, что въ Варшавѣ народъ разный.

М. П. Устимовичъ легкомысленно проповѣдуетъ раздѣленіе тамъ, гдѣ должно быть, казалось бы, единеніе... Но кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю. Это невредно вспомнить и ему, и всѣмъ, иже съ нимъ...

Часовни-памятника Филарету еще нѣтъ, сооруженіе православной часовни въ Варшавѣ—вопросъ. Постановка памятныхъ досокъ—вопросъ осложненный. А въ Карѳагенѣ, создавшемся вокругъ изъ всевозможныхъ препятствій, есть, оказывается, свой православный радѣтель. Есть тутъ, конечно, и «соумышленники» отъ грековъ, будутъ и перебѣжчики отъ римлянъ, лазутчики. Триста лѣтъ назадъ въ Москвѣ были хранившіе вѣру отцовъ «нѣтчики», были и «перелеты».

...Преданію можно вѣрить или не вѣрить, можно относиться къ нему внимательно, любовно или безразлично,—можно его изучать, поддерживать или отрицать, сопоставляя разсказъ съ исторіей, сравнивая съ записками современниковъ. Можно не вѣрить преданію просто по невѣрію или недовѣрію, безъ всякихъ разсужденій и доказательствъ, какъ и дѣлали это

гг. Краусгаръ и Воробьевъ, вызвавшій досаду г. Устимовича за отсутствіе «аргументовъ». Возражать такимъ невѣрующимъ нечего; но всѣ невѣрующіе въ легенду, конечно, будутъ имъ рады:—«нашего полку прибыло», скажутъ... Но дѣлать это такъ, какъ дѣлаетъ г. Устимовичъ—прежде всего стараться вытравить легенду изъ народной памяти, называть ее «нелѣпой» выдумкой, да еще съ чужихъ словъ, приписать вымыселъ лицамъ, давно умершимъ, и не называть этихъ лицъ—такіе пріемы совсѣмъ не убѣдительны: не одобрятъ ихъ, пожалуй, и тѣ, кто сами, не вѣря легендѣ, все же признаютъ за ней право на существованіе... Отвергая все голословно, не доказавъ ничего, г. Устимовичъ, однако, какъ сказано уже было выше, дополнилъ легенду введеніемъ «соузниковъ» Филарета, что даетъ ключъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, уже путемъ историческимъ, результаты которыхъ будутъ совершенно противоположны сдѣланнымъ имъ выводамъ.

Пока достовѣрность не подтверждена исторически, преданіе о пребываніи митрополита у бернардиновъ въ башнѣ остается преданіемъ,—легендой, близкой народному русскому чувству и духу: оно повѣствуетъ о нашемъ патріархѣ,—стояльцѣ крѣпкомъ за Русь... Во дворцѣ Сапѣги, въ Варшавѣ, митрополитъ Филаретъ, окруженный соглядатаями, стѣсняемый въ сношеніяхъ съ Желябужскимъ, болѣлъ душою несравненно больше, чѣмъ въ Маріенбургскомъ замкѣ; свиданіе съ варшавскими «соузниками» въ ихъ узилищѣ у бернардиновъ давало нѣкоторое облегченіе. Но и тутъ, и тамъ былъ плѣнъ, было страданіе—о нихъ и говоритъ легенда.

Оторваннымъ отъ родной почвы, инымъ русскимъ обывателямъ Варшавы, въ наше время, плѣнъ митрополита представляется не такъ, какъ говоритъ о немъ преданіе; имъ «стыдно», по собственному ихъ признанію, повторять разсказы о немъ, якобы, кѣмъ-то выдуманные,—они отвергаютъ преданіе. Но народъ русскій и вся Россія чтитъ тяжелый плѣнъ Филарета,

гордится твердостью и мужествомъ іерарха,—крестъ, ниспосланный ему,—вѣнецъ его славы.

Народъ въ плѣненіи царскаго родителя видѣлъ не одно только «несчастіе», какъ выражается г. Устимовичъ, но еще и подвигъ,—такъ это изображаетъ и легенда: изъ дворца канцлера митрополитъ добровольно идетъ въ костельную башню, лишь бы быть поближе къ роднымъ «соузникамъ»,—высокороднымъ и низкороднымъ одинаково... Красота и величіе духа не зависятъ ни отъ какой обстановки,—вотъ, вѣдь, о чемъ свидѣтельствуетъ эта проникнутая сочувствіемъ къ страданію легенда, отрицаемая г. Устимовичемъ съ такимъ непонятнымъ усердіемъ.

Лучшимъ доказательствомъ, иллюстраціей ко всему сказанному, будутъ эти народные гроши, собранные на сооруженіе часовни въ Варшавѣ, почти за 30 лѣтъ до празднованія юбилея Дома Романовыхъ. И лучше бы, пожалуй, поступилъ и г. Устимовичъ, если бы порылся въ архивахъ знакомыхъ ему учрежденій и далъ бы простую канцелярскую справку объ этихъ пожертвованіяхъ, чѣмъ вотъ эта его, якобы, историческая справка о митрополитѣ Филаретѣ въ польскомъ плѣну, отвергающая невинную легенду. И отвергать-то, въ сущности, тутъ нечего: нѣтъ никакихъ замысловатостей, удержался разсказъ о башнѣ, подлежащій сомнѣнію—и то въ деталяхъ... Вопросъ, вѣдь, только въ томъ: былъ митрополитъ здѣсь случайно или былъ въ заключеніи, жилъ въ башнѣ?... Все остальное — исторически вѣрно.

Отвергая легенду, старательно затирая ея простой узоръ, пренебрегая, до искаженія смысла, польскими «таблицами» и «каплицами»,—чуть ли не опаснымъ считая постановку памятныхъ досокъ и часовни нашему іерарху въ привислянской столицѣ, г. Устимовичъ и присные дѣлали это съ цѣлью «сгладить»—какъ онъ и выражается — впечатлѣнія непріятнаго историческаго прошлаго,—затушевать «внѣшнюю сторону», снять съ него «укоризны» современниковъ... Какъ будто, же-

лали тоже кого-то умиротворить, чье-то за три столѣтія неудовольствіе подмѣнить удовольствіемъ!..

Такъ многіе современные реставраторы думаютъ подновлять древніе памятники и храмы, бѣлятъ стѣны известью, замазывая стѣнопись, накладывая по трафарету на потемнѣвшія отъ времени мѣста свои краски. Но то же время уничтожаетъ и ихъ работу. Вывѣтривается известка, на солнцѣ даютъ трещины новыя наслоенія, дождь смываетъ окраску—внутри она и сама осыпается,—и старинныя фрески, къ удовольствію уже археологовъ и историка, обнаруживаются, если не во всемъ своемъ первобытномъ видѣ, то, все-таки, въ своемъ собственномъ очертаніи...

Она несложна, безобидна, добрая эта легенда. Добро не нуждается въ оправданіи, но и у него, видно, есть противники, порицатели. Вопреки всѣмъ попыткамъ отвергнуть легенду, опорочить ее, она живетъ и будетъ жить, сколько жить ей положено. Она достойна не забвенія, а самаго широкаго распространенія.

Наброски на поляхъ, выноски и комментаріи къ темѣ.

Домъ Сапѣги, гдѣ находятся казармы, названныя его именемъ, нѣсколько разъ передѣлывался, но главное зданіе снаружи осталось нетронутымъ. Здѣсь помѣщались музей и офицерское собраніе л.-гв. Петроградскаго полка. Названіе свое Сапѣжинскія казармы, какъ и сосѣднія Сѣраковскія, занятыя полкомъ съ 1862 г., сохраняютъ съ начала прошлаго столѣтія, когда здѣсь до 1831 г. была штабъ-квартира 4-го линейнаго полка польскихъ войскъ (czwartaków). До 1818 г. въ домѣ, гдѣ былъ дворецъ Сапѣги, была первая православная церковь въ Варшавѣ, основанная греками въ 1796 г., переведенная отсюда, съ водвореніемъ «чвартаковъ», на Подвальную улицу, гдѣ она находится и понынѣ, во дворѣ дома, подъ именемъ св.-Троицкой приходской.

Среди офицеровъ Петроградскаго нынѣ полка и возникла мысль о постановкѣ на зданіи, принадлежавшемъ въ XVII вѣкѣ канцлеру Льву Сапѣгѣ, гдѣ въ 1614 году имѣлъ пребываніе и митрополитъ Филаретъ, принимавшій здѣсь пословъ своего сына, царя Михаила Θеодоровича,—доски съ соотвѣтствующею надписью, въ память этого событія. Съ выступленіемъ полка въ военный походъ теперь въ этомъ зданіи временно открытъ лазаретъ для раненыхъ.

Колокольня бернардиновъ (zwonnica), какъ и монастырь, въ прошлыя столѣтія, не одинъ разъ горѣли, по основаніе башни, связанной съ именемъ Филарета, уцѣлѣло съ 1454 г., возобновлена она была въ 1749 г., въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ костеломъ, въ 1890 г. Въ нижнемъ этажѣ ея теперь мелочная лавочка (tani sklep). Монастырь закрытъ, но костелъ св. Анны, построенный въ 1788 г., оставленъ, какъ приходскій. Рисунки колокольни бернардиновъ съ костеломъ, какъ и дома (pałac) Сапѣги, гдѣ казармы, помѣщены въ «Исконно-русскомъ достояніи въ Варшавѣ», по снимкамъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (въ миніатюрѣ они изображены и на заглавной виньеткѣ, въ началѣ первой главы настоящаго изданія). Случайное совпаденіе: годы постройки колокольни бернардиновъ, такъ называемой Филаретовой башни, совпадаютъ со временемъ усиленія и укрѣпленія Московскаго государства и первопрестольной столицы; время же пребыванія митрополита Филарета въ Варшавѣ—съ утвержденіемъ на московскомъ престолѣ его сына, перваго державнаго представителя Царствующаго Дома Романовыхъ.

Церковь-памятникъ царя Василія Шуйскаго, при первой гимназіи, во имя св. Татіаны великомученицы, передѣлана изъ домовой при той же гимназіи церкви свв. Кирилла и Меθодія въ 1895 г., при попечителѣ учебнаго округа А. Л. Апухтинѣ, по проекту академиковъ

Прахова и Покровскаго, придавшихъ всему зданію монументальный видъ, съ куполомъ, увѣнчаннымъ византійскимъ золоченымъ игольчатымъ шаромъ, съ восьмиконечнымъ крестомъ. Раньше когда-то здѣсь засѣдало земледѣльческое общество, закрытое въ 1863 г.; домъ этотъ, въ 1820 г., былъ купленъ Сташицемъ у монаховъ-обсервантовъ, здѣсь былъ ихъ монастырь и часовня Дѣвы Маріи Побѣдоносной, на мѣстѣ «московской каплицы», усыпальницы Шуйскихъ. По предложенію коменданта города, генерала Левицкаго, сенаторъ Новосильцевъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи этого мѣста подъ православную церковь, совѣтъ главнаго управленія далъ согласіе, но оказалось, что мѣсто уже продано Сташицу, открывшему здѣсь общество друзей наукъ, существовавшее до 1831 г., и слѣды каплицы исчезли. Сама часовня закрыта была еще раньше, въ 1816 г., католическою капитулою, когда здѣсь застрѣлился настоятель монастыря, ксендзъ Доманевскій. Въ XVIII столѣтіи монахи-обсерванты всячески противились ея закрытію, несмотря на настоянія нашего посла Репнина, въ царствованіе императрицы Екатерины II нѣсколько разъ напоминавшаго правительству Рѣчи Посполитой обѣщаніе его поставить здѣсь церковь греческаго обряда. Уже и тогда многіе католики признавали, что здѣсь приличнѣе стоять православному памятнику—помышлять о возстановленіи католической часовни теперь могутъ развѣ фанатики.

Когда часовня эта была закрыта, монастырь обсервантовъ доживалъ послѣдніе дни,—черезъ три года и онъ былъ закрытъ, монахи разбрелись по другимъ монастырямъ. Изъ опасенія, чтобы имущество монастыря не перешло въ руки православнаго духовенства, обсерванты поспѣшили продать всѣ монастырскія постройки въ частныя руки, а закрытую раньше часовню разобрали такъ основательно, что впослѣдствіи оказалось невозможнымъ опредѣлить и самое мѣсто, гдѣ она находилась,—не сохранилось и рисунка каплицы. Бесѣдка, стоявшая раньше въ саду первой гимназіи, открытой

здѣсь въ 1865 г., которую до профессора Цвѣтаева считали за развалины московской каплицы, въ фотографическомъ снимкѣ, приложена къ сочиненію его о царѣ Василіи Шуйскомъ. Тамъ же есть снимокъ лютеранской часовни, на мѣстѣ развалинъ Гостынскаго замка, гдѣ первоначально были погребены умершіе въ плѣну Шуйскіе, до перенесенія ихъ праха въ Варшаву; приложены и рисунки дома друзей науки и развалинъ монастыря обсервантовъ; помѣщены и планы Варшавы начала прошлаго столѣтія, но на нихъ мѣста каплицы не обозначено: оно указано на легендахъ къ планамъ, на поляхъ ихъ, въ рисункѣ-панорамѣ города,—куполъ каплицы съ крестомъ, надъ крышами окружающихъ зданій, отмѣченъ въ надписи, невдалекѣ отъ костела св. Креста, существующаго и понынѣ. Вся мѣстность эта спланирована теперь совершенно иначе и сплошь застроена новыми зданіями и постройками.

Московская каплица, открытая въ 1620 г., разрушенная при обсервантахъ, стертая временемъ, поставлена была Сигизмундомъ III, когда Польша еще вела войну съ Москвою, куда тѣла Шуйскихъ были отправлены только въ 1636 г., при Владиславѣ IV, и тогда на мѣстѣ ихъ погребенія обсерванты открыли здѣсь католическую часовню. До этого времени памятникъ назывался каплицею, т.-е. часовнею же, но таковою, въ сущности, не былъ. Здѣсь былъ «мармуровый камень» съ извѣстною надписью, но неизвѣстно, былъ ли надъ могилою Шуйскихъ поставленъ крестъ, изображеніе котораго впослѣдствіи возвышалось надъ куполомъ Маріи Дѣвы Побѣдоносной. Въ Польшѣ того времени, во многихъ мѣстахъ, были казацкія и шведскія могилы, были татарскіе курганы, на мѣстахъ побоищъ и сраженій, но московскихъ могилъ не было. Москва вела оборонительную войну почти безпрерывно, но война шла въ русскихъ предѣлахъ, вдали отъ Варшавы. Усыпальница Шуйскихъ была единственною такою могилою.

Подъ каменною ея палаткою тѣла Шуйскихъ погребены были «честно», т.-е. съ подобающими имъ почестями, но безъ церковнаго обряда,—изъ-за этого обряда насквозь католическая тогда Варшава вела борьбу съ Москвою,—борьба эта продолжается и по замиреніи, вплоть до нашего времени... Поляки того времени говорили:—«Мы славу себѣ вѣковую учинили тѣмъ, что московскій царь лежитъ у насъ въ Польшѣ». Наши послы отвѣчали, что Шуйскіе лежатъ на чужбинѣ «судомъ Божіимъ», что здѣсь по нихъ «нѣтъ пѣнія и службы по святыхъ отецъ правиламъ»,—долго выпрашивали тѣла и вели переговоры, пока кости Шуйскихъ не были «съ честью» же отпущены въ Москву, пролежавъ вдали отъ родины болѣе двадцати лѣтъ. Король Владиславъ очень скоро уступилъ просьбѣ пословъ, но вельможамъ польскимъ за «отпускъ» тѣлъ наши послы уплатили соболями около шести тысячъ рублей.—«Если бы живъ былъ Сигизмундъ,—говорили королевскіе приближенные,—онъ ни за что не отдалъ бы тѣла: палаты золота насыпать,—ни одной кости не отдалъ бы». «Хотя, съ другой стороны,—соглашались они:—никакой корысти въ костяхъ теперь уже никому нѣтъ»... При «отпускѣ» тѣлъ король Владиславъ прислалъ отъ себя на гробъ царя Василія: «атласъ зеленый турецкій, да кружева кованныя золотыя, да гвозди серебряные, на гробъ князя Димитрія—бархатъ зеленый, а на княгининъ»—его жены, недоброй памяти, Екатерины Григорьевны,—«камку зеленую»... Надгробіе съ могилы Шуйскихъ было возвращено въ Москву еще позднѣе, въ 1648 г., въ компенсацію за «исправленіе межи», на литовской границѣ. Но куда дѣвались доски съ надписями у входа въ часовню Маріи Дѣвы Побѣдоносной, до сихъ поръ неизвѣстно; вѣроятно, онѣ были разрушены вмѣстѣ съ часовней.

Всѣ сохранившіеся до нашего времени списки съ надписи надъ московскою каплицею въ латинскомъ

текстѣ нѣсколько разнятся между собою. По мнѣнію Д. В. Цвѣтаева, внѣшнія отличія въ исторической части, сдѣланныя комментаторами, едва ли вполнѣ отвѣчають подлиннику. По списку Кобержицкаго, съ поправками Старовольскаго, надпись эта, по-польски, «tablica», представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Jesu Christi Dei Filii
Regis Regum Dei Exercituum
gloriae.

Sigismundus Tertius Rex Poloniae et Sueciae
(Exercito Moschovitico Ad Clusinum caeso
Moschowiae Metropoli Deditione accepta
Smolensko Reipublicae restituto
Basilio Szyscio Magno duce Moschoviae
Et fratre ejus Demetrio Militiae Prefecto
Captivis jure belli receptis
Et in arce Gostinensi sub custodia habetis
Ibique vita functis) Humane sortis memor
Ossa illorum hui deferre
Et ne se regnante etiam hostes
In justeque sceptra parantes
Justis supulturaque carerent
In.Hoc
A se ad publicam posteritatis memoriam
Regnique sui nomen extructo tropaeo
Deponi jussit.

Anno a Partu Virginis MDCXX Regnorum nostrorum
Poloniae XXXIII Sueciae XXVI [1]).

Въ этой надписи, изображенной средневѣковою латынью, бывшею тогда въ модѣ у поляковъ, слово tro-

---

[1]) Въ текстѣ у Кобержицкаго нѣтъ «nostrorum», послѣдняя цифра—XXVII, вмѣсто XXVI. Скобки ( ) обозначены въ спискѣ.

раео, у г. Устимовича, переведено, какъ «трофей», тогда какъ tropaeum, въ латинскомъ языкѣ, имѣетъ различное значеніе: 1) трофей, знакъ побѣды или побѣда, и 2) памятникъ necessistudinis atque hospitii,—памятникъ, какіе ставились на общественный или государственный счетъ (см. «Латино-русскій словарь» Шульца. Спб. 1909 г.). Въ этомъ послѣднемъ значеніи, очевидно, и слѣдуетъ понимать это слово въ надписи надъ каплицею. Переводить tropaeum—трофей, когда рѣчь идетъ о часовнѣ, такъ же невѣрно, какъ перевести trojugena—рожденный въ Троѣ, когда говорится, напр., о Юліи Цезарѣ, когда trojugena будетъ только—римлянинъ...

Въ русскомъ языкѣ слово «трофей» употребительно въ одномъ значеніи—военнаго трофея, вещественныхъ знаковъ побѣды,—и этимъ словомъ у насъ нельзя замѣнять латинское tropaeum, въ значеніи памятника, хотя бы это былъ даже и символъ побѣды, памятникъ славы,—оно безъ омонима. Въ переносномъ смыслѣ, трофеями могутъ быть иногда колья, кочерги, ухваты—до роялей и ковровъ, добычи военныхъ мародеровъ,—но намогильныя плиты, вѣнки на гробъ, какъ и гробницы, само собой разумѣется, ни для кого трофеями служить уже не могутъ.

Въ польскомъ начертаніи, trofej понимается и звучитъ (съ удареніемъ надъ е) такъ же, какъ и въ русскомъ,—какъ заимствованное съ греческаго языка (см. «Encyklopedja powszechna podręczna». Ad. Wiślicki. Warszawa. 1874). Слово же «памятникъ», по-польски, pomnik, когда оно замѣняетъ латинское tropaeum, въ томъ же значеніи, памятника, можетъ быть свободно замѣнено такими синонимами, какъ «монументъ», «мавзолей», «часовня»—послѣднему вполнѣ отвѣчаетъ и польское слова kaplica,—какъ на этомъ языкѣ и называется памятникъ, поставленный на могилѣ Шуйскихъ (то же, что и капелла, capella). Съ какой стороны ни смотрѣть, латинское tropaeum, въ надписи надъ каплицей, бу-

деть—памятникъ, а не трофей. Невѣрное названіе приводитъ переводчика и къ невѣрному пониманію.

Но, можетъ быть, составитель надписи tropaeo понималъ такъ же, какъ и его русскій переводчикъ?

Переложенія текста надписи на польскій языкъ не имѣется. Но весьма вѣроятно, что подлинникъ былъ писанъ сначала по-польски, а потомъ съ него былъ сдѣланъ переводъ на латинскій языкъ: это—произведеніе, несомнѣнно, польскаго автора. Надпись—отъ имени польскаго короля. У проф. Цвѣтаева нѣтъ перевода ни русскаго, ни польскаго, приведенъ только латинскій текстъ и приложена выписка изъ сочиненія Ад. Яжембскаго «Gościniec»—нѣчто въ родѣ современнаго «Путеводителя»,—гдѣ есть описаніе московской каплицы въ стихахъ, слѣдующаго содержанія:

Kaplica moskiewska.

(Московская каплица).

Nie daleko tuż kaplica
Moskiewska, w niej tablica
Marmurowa, z literami
Złotemi charakterami.
Tam znajdziesz wielkie zwycięztwo,
Królewskie odważne męztwo.
Wtenczas cara moskiewskiego
Poimał z bracią Szujskiego,
Których na sejm do Warszawy
Stawiono więzniów. Ich sprawy
Do Gostynina posłano,—
Do więzenia odesłano.
Struli się sami, udają,
Dla wstydu,—tak powiadają.
Po tym tu ich pochowano,
W tej kaplicy w grób schowano.

Przyjechał posel moskiewski,
Prosił. Majestat królewski
Darował mu w podarunku
Ciała, z wielkiem obwarunku
Które z ceremonjami
Zawieziono z tryumfami
Do stolicy. Wieczne sława
Za Czwartego Władysława!

(Тутъ же недалеко московская каплица, надъ ней мраморная таблица съ выведенными золотомъ буквами. Здѣсь найдешь большую побѣду короля, его необыкновенную храбрость. Въ это время онъ взялъ въ плѣнъ московскаго царя Шуйскаго съ братьями; ихъ отвезли въ Варшаву на сеймъ. За ихъ дѣла плѣнниковъ сослали въ Гостынинъ на заточенье, тамъ они отравились, кажется, со стыда,—такъ тогда говорили. Послѣ того тѣла ихъ погребены были въ этой каплицѣ—здѣсь ихъ могила. Пріѣхалъ московскій посолъ, просилъ короля: его величество отдалъ ему тѣла въ подарокъ. Съ большими церемоніями и почестями торжественно увезли ихъ въ столицу. Вѣчная слава Четвертому Владиславу).

Каменная «палатка»—по описаніямъ нашихъ пословъ, «круглый мавзолей»—по описаніямъ иностранцевъ, усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ—у польскихъ писателей постоянно называется «московскою каплицей». У Стефановича, въ его историческомъ очеркѣ первой гимназіи въ Варшавѣ (1894 г.), tropaeum, въ надписи надъ каплицей, на русскій языкъ, переведено словомъ «памятникъ». Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того г. Устимовичъ называетъ этотъ памятникъ-часовню трофеемъ и упрекаетъ еще тѣхъ, кто этотъ его «трофей»... смѣшиваетъ-де съ «мавзолеемъ»...

М. П. Устимовичъ ссылается постоянно на Стефановича, державшагося съ нимъ «одного взгляда», по вопросу о мѣстонахожденіи каплицы. Но въ переводѣ

надписи надъ каплицей они расходятся радикально, и никакого поясненія по этому поводу г. Устимовичъ не дѣлаетъ, а свой переводъ называетъ точнымъ. Что можетъ быть переводъ болѣе точный, о томъ онъ, конечно, не догадывается. Domus—домъ, tropaeum—трофей... Какія могутъ быть тутъ еще сомнѣнія? Хохлы называютъ домъ хатою—всѣмъ извѣстны малороссійскія хаты,—поляки назвали часовню «московскою каплицею», это выраженія простонародныя, «вульгарныя». И зачѣмъ домъ называть избою, каплицу—мавзолеемъ, капеллою, памятникомъ, когда чернымъ по бѣлому значится: tropaeum—трофей,—имя это было вырѣзано на камнѣ, покрыто золотомъ. И точнѣе, и звучнѣе, и красивѣе представляется переводчику «трофей», поставленный «для себя» польскимъ королемъ, имъ же и «придуманный, для вящшей славы озлобленнаго тріумфатора!..» Слова въ ковычкахъ—подлинныя выраженія переводчика.

«Gościniec» Яжембскаго—по-русски можно назвать—«Путемъ-дорогою»,—написанный въ 1643 г., за пять лѣтъ до отправленія въ Москву надгробія съ надписью, неизвѣстно куда потомъ исчезнувшаго,—указываетъ, однако, что названіе московской каплицы установилось у поляковъ раньше открытія на мѣстѣ ея часовни Маріи Дѣвы Побѣдоносной. Считать такое названіе «вульгарнымъ» нѣтъ основанія: эпитетъ «московская», по-польски, moskiewska, въ тѣ времена значилъ то же, что теперь «россійская» (rosyjska), т.-е. русская,—безъ того ядовитаго оттѣнка, который впослѣдствіи получили въ Польшѣ всѣ слова «отъ москаля», въ эпохи раздѣловъ,—вѣдь, и государство россійское, въ XVII вѣкѣ, называлось Московскимъ, въ самой же Москвѣ.

Изъ описанія Яжембскаго читатель еще видитъ, что въ Варшавѣ смерть Шуйскихъ молва приписывала самоотравленію, тогда какъ въ Москвѣ, изъ другихъ источниковъ, говорили, что они были отравлены. При кончинѣ ихъ находился младшій братъ, кн. Иванъ Шуйскій,

болѣе года раздѣлявшій съ ними плѣнъ, и уже послѣ смерти братьевъ принятый на польскую службу. Протоколъ о смерти Василія Шуйскаго говоритъ только, что въ день его кончины, 12 (22) сентября 1612 г., узнику было 70 лѣтъ отъ роду, и что «почившій, какъ носится о томъ слухъ, былъ великимъ царемъ московскимъ» [1]). Историки, повторявшіе слухи, ходившіе въ Москвѣ о Шуйскихъ, ничего не говорятъ о варшавскихъ слухахъ,— имъ монографія Цвѣтаева не была еще извѣстна,—но въ настоящее время игнорировать этого писателя никому уже не приходится.

Утверждая «на память потомству» мраморныя доски «съ надписаніемъ» надъ каплицею, построенною имъ на могилѣ Шуйскихъ, король Сигизмундъ и не подозрѣвалъ, что тотчасъ же послѣ его смерти каплица будетъ передѣлана, а менѣе, чѣмъ черезъ двѣсти лѣтъ, отъ этихъ досокъ, какъ и отъ самаго памятника, и слѣда не оста-

---

[1]) Въ протоколѣ царь Василій Іоанновичъ, послѣ перечисленія всѣхъ титуловъ, именуется—по слуху, великимъ,—такъ о немъ выражается, хотя и робко, приставъ Бобровницкій, которымъ протоколъ подписанъ. Въ описаніи Яжембскаго говорится о московскомъ царѣ съ братьями. Въ надписи же надъ ихъ могилой, царь названъ великимъ княземъ московскимъ (magno duce moschoviae), съ пропускомъ царскаго титула. Авторъ надписи точно считаетъ неправильнымъ или неумѣстнымъ этимъ титуломъ (rex) называть и своего короля, и царя-плѣнника... Въ свою очередь, М. П. Устимовичъ, въ русскомъ переводѣ, въ умаленіе титула или точности ради—утверждать не беремся,—называетъ царствованіе Сигизмунда (regnorum nostrorum) королевствованіемъ. Что «короли царствуютъ—не управляютъ»,—съ этимъ, пожалуй, переводчикъ согласенъ; но за польскимъ королемъ онъ не признаетъ ни того, ни другого и, безъ намека на иронію—въ переводѣ документа—предоставляетъ ему... королевствованіе. Вѣрный міросозерцанію составителя латинской надписи, переводчикъ не останавливается передъ новымъ словомъ, но, увы, дѣлаетъ это также невѣрно: «королевствованіе», конечно, не обогатитъ словарь русскаго языка, какъ и всѣ разъясненія его о «трофеѣ». Были у насъ свои князья и цари, отсюда и глаголы «княжить» и «царствовать»... своихъ королей никогда не было, и «королевствовать» тутъ—воля ваша—это не по-русски, хотя и русское это слово, занесенное и въ словарь, но въ другомъ совсѣмъ смыслѣ...

пется, и, вмѣсто каплицы, здѣсь будетъ поставленъ иной памятникъ... Надпись, впрочемъ, осталась: она кѣмъ-то была списана, и теперь, черезъ триста лѣтъ, воспроизведена и въ печати, комментируется и переводится историками. Напечатанная на бумагѣ, она долговѣчнѣе вырѣзанной на камнѣ. Писанная по-латыни, на мертвомъ языкѣ, она и посейчасъ живой свидѣтель-докладчикъ, подтверждающій и дающій свои показанія въ присутствіи переводчика; она—любопытный историческій документъ, требующій охраненія. Бываетъ, однако, и такъ, что исчезаютъ и писанные документы, а цѣлы остаются надписи на камнѣ, историческіе памятники—и ихъ нужно хранить. Мы живемъ теперь, какъ разъ во время, когда въ ураганѣ жестокой войны разрушаются цѣнныя книгохранилища, древнія святыни, тысячелѣтніе замки и дворцы. Всевозможные стихійные катаклизмы и время неумолимое сокрушаютъ такіе памятники постоянно: «жерло вѣчности» пожираетъ «народы, царства и царей»... Но и на пепелищѣ народовъ, и на развалинахъ городовъ, послѣ всѣхъ бѣдъ и переворотовъ, человѣческое слово, какъ и мысль, еще не исчезаютъ,—они вѣчны. Слово передается и переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ, оно создаетъ и новую жизнь, и само живетъ, иногда даже на чужомъ языкѣ, въ рѣчи и преданіяхъ—ихъ тоже нужно беречь и беречь:—они входятъ въ исторію, развивающуюся изъ цѣпи событій безпрерывно. На вѣсахъ исторіи таковые памятники, документы, преданія имѣютъ опредѣленное значеніе, свой удѣльный вѣсъ. И мертвые языки живутъ, не пропадаютъ, а записи на нихъ подлежатъ также взвѣшиванію—обсужденію, какъ и іероглифы и клинообразныя письмена. Ошибки, поддѣлка, тутъ обнаруживаются независимо того, касаются ли онѣ болѣе или менѣе сложныхъ явленій или одного какого-либо событія, случается, одного даже слова или понятія, смыслъ которыхъ, казалось, затемненъ или утраченъ. Всякой вещи подъ небомъ отводится свое мѣсто, всему свое время, но переста-

новка идетъ постоянная... «Построчникамъ» нашей печати все это извѣстно, но вотъ подстрочные, буква въ букву, переводчики, видно, о томъ ничего не вѣдаютъ.

Въ своемъ гороскопѣ «намѣреній» Сигизмунда, поставившаго московскую каплицу, г. Устимовичъ ни словомъ не обмолвился,—какія же побужденія руководили королемъ Владиславомъ, посылавшимъ дары на гробъ Шуйскихъ. Вѣнценосцы имѣютъ обыкновеніе посылать вѣнки на гробъ своихъ подданныхъ, обычно возложеніе вѣнковъ и на гробницы иностранныхъ государей. Но обычай погребать, ставить памятники — древній обычай, вѣнки же на гробъ—мода нашего времени. Отказывая, къ тому же, въ соблюденіи обычая отцу, отвергая, что Сигизмундъ, поставивъ памятникъ, отдавалъ послѣдній долгъ умершимъ въ Гостыннѣ плѣнникамъ, нельзя признавать, что сынъ его соблюдалъ тотъ же долгъ, хотя бы и въ нѣсколько иномъ видѣ—такъ выходитъ по логикѣ г. Устимовича. И тѣмъ не менѣе, поступокъ короля Владислава, сына Сигизмунда, дѣйствительно, вѣдь, напоминаетъ вѣнокъ на гробъ: дары короля—тѣ же цвѣты, которые польскій народъ несетъ вотъ на братскія могилы воиновъ, павшихъ въ войнѣ съ нѣмцемъ и швабами на Вислѣ и Нѣманѣ. Разница есть и еще въ пользу Владислава: польскіе крестьяне, украшающіе русскія могилы, сами участники въ этой войнѣ нашего вѣка, ея жертвы или сторонники, тогда какъ поляки Сигизмундова вѣка вели войну съ нашими же предками,—Владиславъ ее только что окончилъ.

«Tempora mutantur»,—мѣняются люди и обычаи. Придется, пожалуй, и г. Устимовичу измѣнить свой взглядъ и признать, что, посылая украшенія на усыпальницу Шуйскихъ, сынъ короля исполнялъ тотъ же обычай, что и отецъ, въ другой только формѣ. Теперь вотъ и ксендзы-католики, «za Władysława» и «za Zygmunda» не пускавшіе православныхъ священниковъ и митрополита въ

костелы, сами молятся «за москалей», а отказывавшіе въ погребеніи православнымъ князьямъ, хоронятъ у костеловъ православныхъ солдатъ и офицеровъ; православные священники напутствуютъ католиковъ, «бискупы» католическіе молятся съ православными. Мѣняются времена, мѣняемся мы, умираемъ, но родъ человѣческій вѣченъ, онъ растетъ, развивается. Послѣ самой безчеловѣчной войны человѣкъ дѣлается человѣчнѣе, очищается и совершенствуется, и съ каждымъ вѣкомъ впередъ перегородки вражды и нетерпимости понемногу, но должны, кажется, разрушаться—и разрушаются.

Неподвижно стоящій на своей точкѣ оппонентъ, твердящій намъ, что усыпальница Шуйскихъ—ничего болѣе, какъ «трофей» самого Сигизмунда,—думается, если не вслухъ, то опять про себя, долженъ сейчасъ признать, что серебряные гвозди, камка и бархатъ на гробницу Шуйскихъ, если это тоже трофеи—какъ онъ, вѣроятно, будетъ продолжать утверждать,—то уже трофеи мертвыхъ—не Владислава или его отца, а Шуйскихъ,—склоненные на ихъ могилу королемъ, добровольная его жертва, дань признательности, можетъ быть, и раскаянія... И, вѣдь, такою же, въ сущности, была, прежде всего, и каплица, поставленная Сигизмундомъ, посвоему отдававшимъ умершимъ послѣдній долгъ человѣческій (humane sortis memor). Онъ, король, не давалъ приказа объ отравленіи,—ему говорили, что Шуйскіе отравились сами,—онъ, допустимъ, не вѣрилъ этому, но онъ зналъ, что умерли они въ заточеніи, куда были отправлены по его повелѣнію. По «праву войны» (jure belli), повелѣнія короля были законны, совѣсть его могла быть спокойна, но со смертью всякія права прекращались,—оставался «долгъ человѣческій». Католическая вѣра, которой король былъ преданъ, не исключала этого долга, а требовала отданія его по христіанскому обряду. Умершіе были православные, православныхъ священниковъ въ Варшавѣ тогда не было, ксендзы-католики не могли

также ихъ хоронить,—не было соизволенія Рима,—оставалось на мѣстѣ погребенія поставить памятникъ, почтить перенесеніе праха церемоніаломъ, прилично сану умершихъ, что требовалось еще и обычаемъ, не противорѣчившимъ и придворному этикету, соблюдать который такъ любили и при польскомъ дворѣ.

Сигизмундъ, возможно, тутъ еще и пожалѣлъ, что раньше ничего не сдѣлалъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить плѣнъ почившимъ, не выдержавшимъ заточенія; поэтому, онъ немедленно согласился принять къ себѣ на службу оставшагося въ живыхъ младшаго брата, Ивана Шуйскаго, еще раньше, по увѣренію г. Устимовича, выражавшаго желаніе поступить на службу къ королю,—далъ ему какую-то должность при дворѣ. Желаніе младшаго Шуйскаго до смерти Димитрія Шуйскаго не исполнялось или онъ его и не заявлялъ,—что-нибудь тутъ одно... Дряхлые, больные, но живые Шуйскіе были, дѣйствительно, трофеями короля: смерть вырывала ихъ изъ плѣна,—вотъ почему Сигизмундъ могъ жалѣть ихъ... Король, можетъ быть, отпустилъ бы и тѣла Шуйскихъ въ Москву, какъ сдѣлалъ это его сынъ послѣ его смерти. Но въ 1620 г., когда тѣла Шуйскихъ переносились изъ Гостынина въ Варшаву, съ Москвою миръ былъ непроченъ,—опять скоро нарушенъ;—объ «отпускѣ» тѣлъ заявленія и просьбы послѣдовали много позднѣе (1636). О томъ, что Сигизмундъ, при жизни своей, ни за какія прелести не отдалъ бы ни одной кости Василія Шуйскаго, говорили королевскіе придворные уже по смерти короля, въ отвѣтъ на просьбы и посулы московскихъ пословъ, хлопотавшихъ о перенесеніи праха Шуйскихъ въ Москву. Эти же придворные, полагать надо, участвовали и въ составленіи надписи надъ усыпальницей Шуйскихъ. Несомнѣнно, вѣдь, только одно, что усыпальница была поставлена Сигизмундомъ на мѣстѣ погребенія Шуйскихъ и что, по приказу того же короля, тѣла ихъ съ почестями преданы землѣ, а въ гробницы положены были серебряныя до-

щечки, съ именами умершихъ и датами ихъ кончины, смущающія г. Устимовича, какъ и памятникъ съ надписью, до сего дня.

Несомнѣнно, не безъ вѣдома короля сдѣлана была и пресловутая надпись, но кто ея авторъ и переводчикъ на латинскій языкъ, о томъ свѣдѣній никакихъ нѣтъ. Но что король приказалъ положить въ гробы Шуйскихъ «серебряныя дощечки» съ надписями—это установлено въ точности. Г. Устимовичъ, подчеркивая, по своему, приказъ короля, во всѣхъ распоряженіяхъ его видитъ одно только проявленіе злобы «торжествующаго тріумфатора», какую-то месть къ Шуйскимъ, издѣвательство надъ ними. Но такъ ли это? Пожалѣвъ, вѣроятно, золота, въ которомъ у него, любившаго пышность, всегда былъ недохватъ, и приказавъ сдѣлать дощечки изъ серебра, металла тоже благороднаго,—не хотѣлъ ли честолюбивый король, такимъ образомъ, «на память потомству» оставить о себѣ свидѣтельство не злобы, а скорѣе почтенія къ врагу,—свидѣтельство о «благородствѣ намѣреній», о своей «доброй» волѣ,—что оспаривается г. Устимовичемъ? Родовые взгляды и понятія о чести, привитыя съ дѣтства, требовали отданія ея умершему врагу,—обязывали и короля... И Сигизмундъ, «котораго никто не могъ заподозрить въ руссофильствѣ, не отказалъ въ «послѣдней почести» плѣненному имъ царю московскому».

Взятыя въ ковычки слова, изъ «Исконно-русскаго достоянія», вызываютъ со стороны г. Устимовича неоднократныя «укоризны». Но передъ могилою царя-плѣнника, виновнаго передъ Сигизмундомъ развѣ въ томъ, что и въ плѣну онъ являлъ непокорность—не поклонился королю до земли, соблюдая свое достоинство,—должна, кажется, умолкнуть всякая злоба. Злобой никто и не похваляется. Въ надписи надъ могилой, къ тому же, говорилось не о злобѣ, а о побѣдахъ надъ врагомъ; о долгѣ справедливости по отношенію къ тому же врагу, а не объ мести. Напоминаніе о побѣдахъ, превозношеніе ихъ, тщеславіе—порокъ сравнительно небольшой... Си-

гизмундъ, не будучи великодушнымъ и чувствительнымъ, могъ намѣренно, положимъ, унижать плѣннаго врага,—требуя передъ свои очи Василія Шуйскаго, заставлялъ его подолгу ждать себя, показывалъ плѣнника турецкому послу,—онъ могъ свысока злорѣчить, куражиться надъ живыми людьми, но не надъ трупами.

Болѣе политикъ, чѣмъ полководецъ, Сигизмундъ, воспользовавшись смутою и междуцарствіемъ, задумалъ завоевать Москву, мечталъ ввести здѣсь католичество или унію. Поднимая крестъ, онъ обнажалъ мечъ противъ народа христіанскаго, какъ противъ язычниковъ или татаръ, въ ослѣпленіи и изувѣрствѣ не обращая вниманія на предостереженія своихъ же сподвижниковъ, какъ, напримѣръ, того же Жолкевскаго, который хотѣлъ достигнуть соединенія добровольнаго, путемъ взаимныхъ обязательствъ и договоровъ. А прервавъ эти договоры и не идя ни на какія уступки, Сигизмундъ, когда сослалъ нашихъ пословъ въ Маріенбургъ, унизивъ ихъ до положенія плѣнныхъ заложниковъ, самъ уподобился уже тому турецкому султану, который нѣсколько десятилѣтій послѣ того заточилъ нашего же посла въ семибашенный замокъ,—король послужилъ туркамъ въ Царьградѣ образцомъ и примѣромъ, самъ того не подозрѣвая... Султанъ, впрочемъ, держалъ въ заключеніи посла годъ, а король—девять лѣтъ; послы были такъ или иначе освобождены, а Царьградъ... до сихъ поръ ждетъ своего освобожденія...

Какъ никакъ, Сигизмундъ—это былъ, все-таки, король по рожденію, король «отъ головы до пятъ»... Высокаго о себѣ мнѣнія, жестокій, несправедливый, вѣроломный, но не извергъ. Не думалъ онъ, пожалуй, что униженіе для другого хуже смерти, но отъ болѣе грубаго проявленія варварства, тѣмъ не менѣе, онъ отрекался и отстранялся — плѣнныхъ и безоружныхъ въ Вислѣ не топилъ, не разстрѣливалъ, не увѣчилъ и не «уничтожалъ» ихъ другими способами, какъ недавно поощрялъ это «люторскій» тоже кайзеръ на-

шего вѣка,—пищи и крова не лишалъ и голодомъ не морилъ,—зачѣмъ ему было издѣваться надъ мертвыми?.. «De mortuis aut bene aut nihil», говорили королю и ксендзы, подносившіе на подпись указъ о той же каплицѣ—tropaeo...

Современники называли Наполеона извергомъ за его жестокую политику, противорѣчившую гуманности, но потомство уже сняло это нареканіе съ памяти великаго полководца. Нѣтъ основанія называть извергомъ теперь зауряднаго фанатика, котораго современники не считали и замѣчательнымъ полководцемъ—побѣдами, слава которыхъ приписывалась потомъ ему, король обязанъ былъ исключительно своимъ гетманамъ,—хотя покушенія его на Россію и превышали всѣ завоевательные планы Наполеона. Варшавскій сеймъ, раздѣлявшій съ Сигизмундомъ труды правленія Рѣчью Посполитою, во многомъ помогалъ королю, но во многомъ былъ его сдержаннѣе, и король, поддерживая достоинство и престижъ власти, и въ намѣреніяхъ своихъ не имѣлъ въ чемъ-либо противодѣйствовать сейму, даже и тогда, когда приходилось усмирять возстававшую шляхту, не вмѣшивался онъ и въ распоряженія сейма, касавшіяся содержанія военноплѣнныхъ и заложниковъ. Отвѣтственность тутъ разлагается... Кажется, такъ,—но всѣ таковыя объясненія г. Устимовичъ считаетъ «неправильнымъ истолкованіемъ намѣреній» польскаго короля и признаетъ единственно правильными, конечно, свои взгляды, не договаривая только, по чьему же это правилу...

И въ наше время ставятъ не мало памятниковъ своимъ и чужимъ, извѣстнымъ намъ людямъ. Подъ именами на памятникахъ часто можно встрѣтить еще надпись: «сооруженъ иждивеніемъ такого-то», или «усердіемъ такихъ-то». Попадаются и пространныя надписи, въ стихахъ и прозѣ, разнообразнаго содержанія. Неужели же, кто ставитъ памятники,—дѣлаютъ это ради подобныхъ надписей? Памятники и на кладбищахъ, фамильные па-

мятники, ставятъ отдѣльныя лица и цѣлыя группы лицъ: ученики учителямъ, воспитателямъ, крестьяне своего прихода священникамъ, офицеры солдатамъ или командирамъ, чиновники начальникамъ, дѣти отцамъ, жены мужьямъ, наслѣдники благодѣтелямъ.... Чьи же это памятники? Тѣхъ ли, что погребены подъ ними, или тѣхъ, кто участвовалъ въ ихъ сооруженіи, слагалъ надписи? Г. Устимовичъ рѣшилъ, что усыпальница Шуйскихъ—памятникъ Сигизмунду, имъ же самимъ и воздвигнутый... Такъ разсуждая, ему остается только доказать, что и неутѣшная вдова, ставящая памятникъ возлюбленному супругу, себѣ ставитъ памятникъ,—это ея памятникъ, а не мужа,—ей въ утѣшеніе или во славу, это уже какъ хотите. Она, когда и совсѣмъ утѣшится, замужъ еще выйдетъ, придетъ сюда въ праздничномъ нарядѣ, цвѣты принесетъ, днями просиживать будетъ на скамеечкѣ передъ своимъ памятникомъ...

«Потерявши, плачемъ»—это своимъ порядкомъ: для г. Устимовича не годится, — слишкомъ «вульгарно»... Онъ и съ «высокими авторитетами» не всегда согласенъ... Съ натяжкой онъ можетъ доказывать, что иной вдовецъ, проводящій на кладбищѣ передъ изваяніемъ подруги жизни больше времени, чѣмъ удѣлялъ его покойницѣ заживо — воевалъ съ нею, ссорился,—а теперь стоитъ или сидитъ передъ «своимъ» тоже памятникомъ. Побѣду изображаетъ памятникъ,—не сокрушается передъ нимъ вдовецъ, а злобствуетъ или радуется, что умолкла на вѣки жена его злосчастная... Таковы работа и ходъ мысли у г. Устимовича, таковы его «аргументы».

Правда, «ни плиты, ни креста» православныхъ не было надъ московской каплицей. Освящена она была позднѣе по католическому обряду, уже по смерти Сигизмунда. Но подъ ея сводами, подъ доской съ латинской надписью, погребены были православные, вѣрѣ своей не измѣнившіе, изъ нихъ одинъ былъ еще царь-инокъ, тоже подневольный... По православному воззрѣнію,

могилы христіанъ и лишенныя креста, все-таки христіанскія могилы; онѣ, какъ и кладбища—Божія нива, по народному выраженію, какъ и всякій храмъ христіанскій—домъ Божій. Подходить къ нимъ нужно съ благоговѣніемъ, разсуждать—тѣмъ болѣе. А что говорить о каплицѣ г. Устимовичъ въ своей брошюрѣ—этому и опредѣленія не подыщешь:—одно какое-то лицемѣріе... Хвастовство автора надписи надъ каплицей побѣдами короля (отмѣченное кстати, въ текстѣ, въ скобкахъ) возбуждаетъ пишущаго: изъ-за витіеватыхъ латинскихъ строчекъ, какъ изъ-за густого съ трудомъ проходимаго кустарника, онъ не видитъ лѣса, не видитъ памятника...

Негодованіе заднимъ числомъ, за три вѣка назадъ, теперь только смѣшно... И еще: приходится посейчасъ сожалѣть, что какіе и были раньше слѣды древней каплицы, теперь исчезли, что ни у кого и въ памяти не осталось ничего про мѣсто, гдѣ находилась каплица, а не приглашать, какъ г. Устимовичъ, къ совершенному о ней забвенію: о томъ же забвеніи заботились, вѣдь, и монахи-обсерванты, когда разрушали каплицу. Уподобиться имъ,—врядъ ли теперь кто пожелаетъ.

Несомнѣнно,—будь мѣсто каплицы извѣстно, такъ и православный памятникъ-храмъ царя Василія Іоанновича, существующій въ зданіи первой варшавской гимназіи, какъ домовая церковь, былъ бы поставленъ отдѣльно, на мѣстѣ самой каплицы, гдѣ Шуйскіе были погребены. Ошибочно ссылается г. Устимовичъ на покойныхъ Апухтина и Стефановича, бывшихъ, якобы, одного съ нимъ мнѣнія—«того же взгляда»,—и умышленно оставившихъ въ забвеніи мѣсто каплицы, слѣды которой, по словамъ г. Устимовича, вопреки проф. Цвѣтаеву, до сихъ поръ видны во дворѣ гимназіи. Задолго до перестройки гимназической церкви, неизвѣстный до сихъ поръ г. Устимовичу докладъ Цвѣтаева о бесѣдкѣ, которую директоръ гимназіи Стефановичъ считалъ за развалины часовни, былъ извѣстенъ попечителю округа—онъ и

согласился съ профессоромъ, признавъ, что слѣдовъ древней каплицы никакихъ уже болѣе нѣтъ, а бесѣдка въ саду гимназіи построена сравнительно недавно,—ни одного кирпича XVII вѣка нѣтъ въ ея стѣнахъ и фундаментѣ,—объ этомъ г. Устимовичъ можетъ прочесть въ приложеніяхъ къ труду самого же Цвѣтаева. Что касается Стефановича, то онъ, 25 лѣтъ тому назадъ, писалъ о каплицѣ, и сейчасъ, пожалуй, правильнѣе будетъ утверждать, что г. Устимовичъ былъ и есть одного взгляда со Стефановичемъ, а не наоборотъ,—разница небольшая, но характерная. При томъ, тотъ же директоръ гимназіи Стефановичъ, когда сдѣлались извѣстными изысканія Цвѣтаева о каплицѣ, не возражалъ профессору, очевидно, согласившись съ его доводами, а г. Устимовичъ, не опровергая Цвѣтаева, продолжаетъ до сихъ поръ твердить, что слѣды каплицы существуютъ,—не въ саду, такъ на черномъ дворѣ гимназіи...

Разсказывая о поискахъ московской каплицы, г. Устимовичъ, въ первый разъ, кажется, противъ своего обыкновенія, не говоритъ отъ собственнаго «я», а присоединяется къ тѣмъ, кто одного съ нимъ мнѣнія и взгляда. Оно, это мнѣніе, принадлежало Стефановичу, раньше всѣхъ его высказавшему, раздѣлялъ его еще академикъ Праховъ, составлявшій первый проектъ передѣлки гимназической церкви, а по изложенію г. Устимовича, какъ видимъ, выходитъ, что Стефановичъ, да еще и Апухтинъ—были «того же взгляда», что и самъ г. Устимовичъ. Онъ избѣгаетъ, видимо, употребленія мѣстоименія «мы»,—не говоритъ ни «я», ни «мы»,—а на повѣрку выходитъ, въ концѣ концовъ, опять все тоже:—«и мы пахали»...

Но говорить, конечно, нужно правду, и говорить ее, такъ всю: впереди всѣхъ тутъ шелъ А. Л. Апухтинъ, взрывая и поднимая цѣлину. За нимъ, въ одной парѣ, слѣдовали гг. Стефановичъ и Праховъ, воочію желавшіе увидѣть слѣды древней каплицы, и далеко позади плетется теперь г. Устимовичъ, выравнивающій «подъ боро-

ну» борозду, разбрасывающій на стороны комки и камни...

По словамъ Д. В. Цвѣтаева, всѣ черновики докладныхъ записокъ, которыя представлены были попечителемъ округа министру народнаго просвѣщенія, по вопросу о передѣлкѣ церкви первой гимназіи, писаны были собственноручно Апухтинымъ; ни по слогу, ни по содержанію они на писанія г. Устимовича не похожи. Благодаря настойчивости этого попечителя учебнаго округа, казна отпустила на церковь-памятникъ сто тысячъ рублей; половина той же суммы собрана была пожертвованіями. Явилась возможность, оставивъ проектъ Прахова, воспользоваться болѣе широко составленнымъ и болѣе дорогимъ проектомъ академика Покровскаго. Посѣвъ вышелъ удачный: церковь-памятникъ царя Василія Шуйскаго была воздвигнута; созданъ достойный историческій памятникъ. Но слѣдовъ московской каплицы, тѣмъ не менѣе, отыскать, такъ-таки, и не пришлось,—оставалось, сгладивъ шероховатости (въ родѣ того, что доступъ къ памятнику не всегда свободенъ), удовлетвориться возстановленіемъ памятника въ стѣнахъ гимназіи,—мѣсто, гдѣ она находится, принадлежало монастырю обсервантовъ-доминиканъ, въ вѣдѣніи которыхъ была уничтоженная ими каплица. Это—уже исторія. Вся инпціатива, вся заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ всецѣло А. Л. Апухтину.

М. П. Устимовичъ подробно поясняетъ, почему онъ пришелъ къ своимъ выводамъ. Приглашеніе его забыть про каплицу, видно, нисколько не мѣшаетъ ему же утверждать, что слѣды ея существуютъ до сихъ поръ, и въ наше время. Никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе онъ не приводитъ, и почему онъ эти слѣды считаетъ подлинными, когда раньше и давно уже они были забракованы тѣми, кто былъ съ нимъ же одного мнѣнія,—это его тайна. Но такъ или иначе, какъ видимъ, собственное «я» у него и тутъ, какъ и раньше по поводу пребыванія митрополита Филарета въ Варшавѣ, не умолкаетъ

передъ высокимъ тоже авторитетомъ, и онъ остается при своемъ особомъ мнѣніи.

Колонна Сигизмунда III, поставленная сыномъ его, королемъ Владиславомъ, въ 1664 г., реставрирована была въ 1743 и 1808 гг.; фонтаны устроены при обновленіи памятника въ 1855 г., съ Высочайшаго разрѣшенія; мраморныя части замѣнены гранитными въ 1885 г. Бронзовая «фигура» короля, съ крестомъ въ одной рукѣ и мечомъ въ другой, въ королевскомъ одѣяніи и съ короной на головѣ, осталась нетронутою при всѣхъ передѣлкахъ памятника, какъ и надписи на барельефахъ, напоминающія по содержанію и стилю надпись надъ московской каплицей. До половины XVII вѣка подобные памятники еще не воздвигались въ польскихъ городахъ,—они ставились внутри костеловъ и часовенъ; на площадяхъ же и улицахъ воздвигались статуи Богоматери и католическихъ святыхъ, и еще кресты, высокіе, съ фонарями, передъ ликомъ Спасителя, и лампадами. Колонна эта—первый и самый древній монументъ въ Варшавѣ.

Когда въ Варшавѣ поставлена была колонна, у насъ, въ Россіи, въ память историческихъ лицъ и событій, въ это время строились церкви и монастыри, ставились и часовни: «камни и столбы», долгое время, наши предки считали «бездушными»,—изваянія и статуи приравнивались тогда къ языческимъ идоламъ. Только въ XVIII вѣкѣ появляются у насъ монументы изъ бронзы и мрамора, воздаетъ «мѣдную хвалу», въ памятникѣ Фальконета, «Петру Перъвому — Екатерина Вторая», затѣмъ обелисковъ и колоннъ удостоиваются и нѣкоторые изъ «екатерининскихъ орловъ», послѣ чего памятники этого рода получаютъ права гражданства, освященіе ихъ совершается по церковному обряду. Они ставятся государямъ и полководцамъ, писателямъ и художникамъ, поэтамъ, солдатамъ-героямъ и дьякону-первопечатнику, крестьянину Сусанину и гражданину Минину, министру и великимъ князьямъ,—даже св. князьямъ древней Руси,

во имя которыхъ есть церкви, изображенія которыхъ есть на св. иконахъ [1]). Они появляются почти на всѣхъ боевыхъ поляхъ, особенно много таковыхъ памятниковъ ставится при императорѣ Николаѣ I,—есть они и подъ Варшавой, на Волѣ и подъ Гроховомъ, въ Калишѣ, въ Остроленкѣ и подъ Якацемъ,—въ послѣднее время еще ставится и по нѣскольку памятниковъ на одномъ полѣ. Но и посейчасъ часовни-памятники и памятники-храмы у насъ предпочитаются всякимъ инымъ. Въ каждомъ почти городѣ они есть, ставятъ ихъ и въ селахъ, тогда какъ скульптурные художественные памятники всѣ наперечетъ. А съ недавняго времени распространяется обычай ставить памятники-группы и памятники-бюсты, и эти послѣдніе снаружи украшаютъ и памятники-часовни.

Въ XIX столѣтіи русскіе историческіе памятники воздвигаются и за границей, внѣ Россіи, въ Европѣ и Азіи, на поляхъ сраженій и по городамъ, а иностранные памятники ставятся у насъ, въ русскихъ предѣлахъ, еще раньше, начиная со шведской могилы Петра I подъ Полтавой и кончая французскими, въ Севастополѣ и Бородинѣ. Въ Швейцаріи, Саксоніи, Голландіи, Болгаріи есть памятники русскимъ государямъ и полководцамъ,—въ Лейпцигѣ, Карлсбадѣ и Прагѣ, въ Чехіи, въ Санъ-Стефано, въ Турціи, есть такіе памятники и храмы православные. Гдѣ бы и кѣмъ подобные памятники ни ставились, они пользуются всюду всеобщимъ покровительствомъ и охраною по мѣсту ихъ нахожденія [2]).

---

[1]) Изъ министровъ, пока что, только одному трагически погибшему П. А. Столыпину поставленъ памятникъ въ Кіевѣ передъ городскою думою; другому министру, тоже не военному, Державину, памятникъ поставленъ въ Казани, какъ поэту. Въ Кіевѣ же оканчивается сооруженіемъ памятникъ Кочубею и полковнику Искрѣ, безвинно погибшимъ въ началѣ XVIII вѣка; могилы ихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, рядомъ съ могилой П. А. Столыпина.

[2]) Въ послѣднюю міровую войну принципъ охраненія памятниковъ грубо нарушенъ и Германіей, и Австріей, и Турціей. Мало было современнымъ вандаламъ разграбленія посольствъ, задержанія военноплѣнными и заложниками мирныхъ граждан, мало бомбардировки незащи-

Обычай этотъ, унаслѣдованный у всѣхъ арійскихъ народовъ съ глубокой древности, когда всюду распространенъ былъ культъ особаго почитанія умершихъ, хотя бы то были и враги, соблюдается теперь и въ Японіи. Обычаемъ древнимъ погребалъ Сигизмундъ III Шуйскихъ, ставилъ памятникъ (humane sortis memor... justis supulturaque carerent). Памятуя «общій удѣлъ человѣческій», императоръ Павелъ I почтилъ пышными похоронами послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа, по отреченіи отъ престола жившаго въ Петроградѣ и здѣсь скончавшагося.

Любопытно бы, кстати, услышать отъ г. Устимовича, не видитъ ли онъ и тутъ «политическія похороны», и не называетъ ли «трофеемъ» также и гробницу Станислава Понятовскаго въ католическомъ костелѣ нашей столицы?.. Какъ недавно замѣтилъ М. О. Меньшиковъ, у насъ много людей, изо всего готовыхъ дѣлать всегда демонстраціи. Но почти столько же есть и такихъ, которые

щенныхъ городовъ и портовъ, разрушенія Лувена и Реймса, почти всей Бельгіи, Бѣлграда, въ Сербіи, разрушены были вдали отъ театра войны, въ Санъ-Стефано, памятникъ нашимъ войскамъ, «доблестною смертью вѣнчавшимся», сдѣланы покушенія на такіе же памятники въ Чесмѣ и Лейпцигѣ, не считая уже безчинствъ, творимыхъ нѣмцами въ предѣлахъ, собственно, военныхъ дѣйствій,—въ Калишѣ, Ченстоховѣ, Кѣльцахъ, Опатовѣ, Козеницахъ, Скерневицахъ, Ловичѣ, Кальваріи... Въ послѣдней осквернена церковь-памятникъ Агаѳону Никитину, поставленная католиками на родинѣ умученнаго тезницами бомбардира. Въ Сувалкахъ умышленно поврежденъ памятникъ генерала Кондратенко, поставленный на шоссе передъ казармами (такой же памятникъ Скобелеву, въ Оранахъ, уцѣлѣлъ случайно,—сюда не дошли)... Въ Берлинѣ, при разгромѣ нашего посольства, чернь уничтожила государственный гербъ. Это было за недѣлю передъ тѣмъ, когда у насъ, въ Петроградѣ, уже какъ бы въ отвѣтъ на дикія выходки нѣмцевъ, сняты толпою съ дома германскаго посольства бронзовыя фигуры тевтоновъ и лошадей, давно мозолившія глаза жителямъ столицы своимъ безобразнымъ видомъ; пострадали при этомъ стекла, разбита была и мебель внутри неуклюжаго зданія, теперь наглухо заколоченнаго снаружи досками... Но ни одна кирка, ни одинъ нѣмецкій памятникъ, ни одна мечеть и другія зданія, принадлежавшія врагамъ-союзникамъ, въ Россіи и за предѣлами ея гдѣ побывала русская армія, тронуты не были и нарочито нигдѣ не уни

видятъ политическую демонстрацію тамъ, гдѣ о ней нѣтъ и помина. Въ сущности, и тѣ, и другіе очень часто одинаково равнодушны ко смыслу проходящихъ передъ ними событій, какъ равнодушны, напримѣръ, факельщики, утромъ шествующіе за погребальною колесницею, а къ вечеру, перерядившись въ коричневыя ливреи, разносящіе по городу на шестахъ цирковыя афиши: они тѣмъ же похороннымъ шагомъ бредутъ одинъ за другимъ, соблюдая «по заказу» условное равненіе...

По традиціямъ, давно установившимся и не записаннымъ ни въ какія новеллы международнаго права, погребенія и воинскихъ почестей удостоиваются и въ наше время всѣ убитые въ бояхъ и умершіе въ плѣну воинскіе чины иностранныхъ и враждующихъ между собою армій. Въ силу того же обычая, сохраняются могилы и памятники иновѣрцевъ не только на поляхъ сраженій, но и такіе, какъ Сумбекова башня, въ Казани, мусульманскіе и католическіе, — памятники Сигизмунду, Собѣс-

---

чтожались. Во Львовѣ, портретъ Франца-Іосифа, въ домѣ намѣстника, занятомъ русскимъ генералъ-губернаторомъ, остался на своемъ мѣстѣ,— только сѣрымъ полотномъ завѣсили «ликъ цесаря, поднявшаго мечъ»... «Гремитъ анаѳема въ соборѣ... Мазепы ликъ терзаетъ катъ»... Кто не помнитъ этихъ стиховъ Пушкина?.. А памятникъ мятежному гетману стоитъ цѣлехонекъ въ городѣ, занятомъ русскими войсками. Вѣроятно, по окончаніи войны, этого Мазепу на конѣ, похожаго, по сообщеніямъ военныхъ корреспондентовъ, на памятникъ Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ аллегорическими фигурами тевтоновъ, лошадей и портретами изъ посольствъ, передадутъ въ какой-либо музей на храненіе или возвратятъ прежнимъ собственникамъ, австрійскому или германскому правительствамъ, буде таковыя будутъ, или ихъ замѣстителямъ, но уничтожать не будутъ... «Они» и «мы», какъ это уже обнаружилось въ XX вѣкѣ, къ стыду послѣдняго, не одинаково относимся къ обычаямъ войны и международному праву: «они», т. е. Австрія, Германія, въ компаніи теперь съ Турціей, отреклись совсѣмъ отъ писанныхъ и неписанныхъ законовъ и договоровъ, освободились и отъ велѣній совѣсти. Недавно еще, какъ его называли, «честный маклеръ» въ разсчетахъ по векселямъ,— теперь признаетъ громогласно, что договоры — «клочки бумаги», которые всегда можно разорвать, не читая. Когда нѣмцевъ сожмутъ и сломятъ окончательно, по этому долговому счету имъ вѣкъ платить и не выплатить... Германская печать пыталась было опровер-

кому, въ Лазенкахъ,—исключенія не составляетъ и памятникъ пресловутой уніи въ Люблинѣ. Неподалеку отъ Холма и того же Люблина въ цѣлости обрѣтается и колонна Костюшки, въ имѣніи крупнаго землевладѣльца. Сохраненъ и памятникъ кн. Іосифу Понятовскому, сподвижнику Наполеона въ войнѣ съ Россіей, заготовленный въ Варшавѣ въ революціонную пору (1831) и перенесенный потомъ въ Гомель, гдѣ онъ и посейчасъ находится въ саду имѣнія княгини Паскевичъ. На видномъ мѣстѣ въ Варшавѣ теперь и бюсты 33-хъ польскихъ королей, украшающіе фасадъ историческаго дома Залускихъ. Сохраняются старинныя надписи въ мечетяхъ и костелахъ; рѣдко послѣдніе передѣлывались въ церкви или иначе какъ,—развѣ заброшенные, закрытые или раньше передѣланные изъ православныхъ храмовъ. Памятники эти, въ большинствѣ, имѣютъ значеніе археологическое.

Совершенно напрасно нѣкоторые публицисты полагаютъ, что чуждые намъ историческіе памятники, уцѣ-

---

гнуть гнусности своей арміи,—добиванія и истязанія раненыхъ и плѣнныхъ, насилія надъ стариками, женщинами, дѣтьми,—считая сообщенія о томъ тоже выдумкой какихъ-то корреспондентовъ. Но могилы заживо замученныхъ, зіяющія обезображенныя раны случайно успѣвшихъ освободиться изъ рукъ разбойниковъ, убѣдительнѣе тевтонскаго протокола. Голосомъ народа, изстари исповѣдующаго, что «солдатъ — не разбойникъ», они осуждены раньше, чѣмъ получатъ свое возмездіе на судѣ, и заклеймены достойнымъ именемъ «звѣрей-извергов»,—съ этимъ именемъ память о нихъ перейдетъ въ потомство, въ исторію, будетъ передаваться изъ рода въ родъ... Три вѣка назадъ, лисовчики Сигизмунда, терзавшіе Русь,—грабящіе и сейчасъ турецкіе аскеры и дикари-башибузуки—младенцы передъ нѣмецкими культурными *прейскерами:* имъ подъ пару развѣ одни пугачевцы, атамана которыхъ Суворовъ когда-то привезъ въ Москву въ желѣзной клѣткѣ. Теперь клѣтку замѣняетъ автомобиль,—въ нихъ возятъ подъ замкомъ тяжкихъ преступниковъ; на автомобиляхъ нѣкоторые злодѣи дѣлали набѣги на банки. На войнѣ автомобили теперь составляютъ особый родъ оружія нападенія и защиты... Мѣсяца за четыре до начала текущей кошмарной войны, два сѣрыхъ самохода примчались, въ одинъ весенній день, отъ русской границы въ Ченстоховъ. Воспользовавшись добрососѣдскими отношеніями, изъ-за границы пріѣхала большая компанія туристовъ.

лѣвшіе гдѣ на нашихъ окраинахъ, слѣдовало бы скорѣе разрушить или предавать забвенію, предоставляя разрушеніе ихъ времени, какъ разрушались и уничтожались здѣсь наши русскіе памятники и православные храмы ксендзами-католиками, различными обсервантами и обскурантами, заметавшими всѣ слѣды. Дурной примѣръ не наука,—разрушеніе историческихъ памятниковъ политики ради, хотя бы и тѣхъ, что поставлены были враждебною когда-то рукою, противно теперь и народному воззрѣнію, и чувству великодушія народа, всегда склоннаго признавать достоинства и у врага, цѣнить дѣйствительныя заслуги кого бы то ни было.

Надписи на этихъ памятникахъ, сдѣланныя изъ тщеславія, теперь только ярче обнаруживаютъ ошибки ихъ составителей, обидными или оскорбительными онѣ ни для кого быть не могутъ, порой вызываютъ только улыбку; онѣ принадлежатъ давно прошедшему времени и представляютъ сами по себѣ памятники этого времени, со всѣми его историческими чертами и особенностями,

---

Завтракали въ ресторанѣ, осматривали достопримѣчательности города, монастырь паулиновъ; въ числѣ гостей, былъ и сынъ кайзера, пожертвовавшій на монастырскихъ нищихъ три рубля нашими деньгами и черезъ три-четыре часа укатившій со своими спутниками обратно въ свой «фатерландъ»... «Пришли, понюхали и ушли»... Полгода спустя, такія же, но уже блиндированныя, сѣрыя крысы пожаловали сюда «на фуражировку». Пріѣзжали пустыми или съ кладью изъ «чемодановъ» и другихъ боевыхъ снарядовъ, а уѣзжали нагруженные золотомъ, мѣдью отъ дверныхъ ручекъ, бронзою отъ памятниковъ и другимъ награбленнымъ у обывателей добромъ, и тотъ же сынъ кайзера вывозилъ на нихъ чью-то старинную цѣнную «обстановку»... Окончится война, эти самоходы, если не попадутъ они раньше подъ разстрѣлъ, вѣроятно, будутъ водворены въ какомъ-либо полицейскомъ музеѣ, а пассажиры ихъ займутъ свое мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ: на почетную сдачу военные мародеры разсчитывать не могутъ. eo ipso и орудія ихъ набѣговъ не могутъ быть военными трофеями... А улизнуть имъ, съ завязшими коготками, «отъ суда людского»—по крайней мѣрѣ, тѣмъ, чьи имена извѣстны,—какъ и всѣмъ отъ суда Божьяго, никуда не удастся... Разрушенные же ими памятники всѣ должны быть возстановлены, по возможности, въ прежнемъ видѣ, а разоренныя гнѣзда обывателей отстроены заново,—это само собой разумѣется.—«Прощенья нѣтъ и никогда не будетъ!»...

какъ древнія рукописи и сказанія, какъ былины и пѣсни, изъ которыхъ, по нашей пословицѣ, нельзя и слова выкинуть. Многія изъ этихъ надписей, къ тому же, составлены въ выраженіяхъ стереотипныхъ, условныхъ и обычныхъ въ свое время, отчасти сохраняемыхъ въ подобныхъ надписяхъ и документахъ и теперь (gloriae Dei, posteritatis memoriam regnique sui nomen и др.). Принимать ихъ за чистую монету или ставить цѣликомъ въ укоръ составителямъ, пожалуй, и совсѣмъ теперь не подобаетъ.

Смущавшая еще недавно нѣкоторыхъ русскихъ обывателей Варшавы, колонна Сигизмунда III, по словамъ Н. Ѳ. Акаемова («Тѣни минувшаго»), очень понравилась нашему царю Петру Великому, гостившему, въ 1711 году, у короля Августа II и пріѣхавшему тогда въ Варшаву изъ Ярослава, въ Галиціи, гдѣ только что праздновалось имъ заключеніе союза съ Польшею противъ шведовъ.—«Если нравится, такъ бери себѣ ее на память», предложилъ король, но Петръ уклонился отъ подарка, сказавъ, что колонну трудно перевезти въ «парадизъ», какъ называлъ царь свою невскую столицу. Король шведскій Карлъ Густавъ, въ 1655 г., эту же колонну хотѣлъ перенести съ площади на Краковское Предмѣстье—«на пистолетный выстрѣлъ» подальше отъ замка, но и это намѣреніе осталось безъ исполненія.

Король Владиславъ IV, ставившій этотъ памятникъ, воспользовался для постройки только частью большой мраморной колонны, привезенной изъ Хенцинъ Сигизмундомъ III, разбитой при перевозкѣ и предназначенной для памятника, который онъ хотѣлъ поставить въ знакъ своей побѣды надъ возставшей шляхтой подъ Гузовомъ (1607), но за смертью не успѣлъ этого сдѣлать. Въ надписяхъ на барельефахъ, гдѣ перечислены всѣ побѣды Сигизмунда, Гузовъ пропущенъ: Владиславъ не желалъ напоминаніемъ объ этомъ событіи раздражать шляхту. При замѣнѣ мраморной колонны гранитною, въ

1885 г., остатки старой колонны положены были во дворѣ промышленнаго музея (рядомъ съ бернардинскимъ костеломъ), гдѣ они находятся и теперь; въ нѣсколькихъ мѣстахъ на колоннѣ видны слѣды отъ шведскихъ пуль и картечи.

Въ надписяхъ на памятникѣ, кромѣ побѣдъ подъ Москвою и Смоленскомъ (1610—1633), упоминается еще о побѣдѣ надъ турками подъ Хотиномъ (turcica potentia ad Chocimum refracta), Сигизмундъ III именуется королемъ Польши по свободному избранію, королемъ Швеціи по законному наслѣдованію, процарствовавшимъ 44 года подрядъ, самъ будучи сорокъ-четвертымъ въ ряду королей, равный всѣмъ имъ своею славою (liberis sufragiis Poloniae, haereditate successione jure Sueciae rex, quadraginta quattuor annis regno impensis, quadragesimus quartus ipse in regia serie omnium aequavit aut junxit gloriam). Въ послѣдней же части надписи, въ стихахъ и прозѣ, указывается, что памятникъ Сигизмунду поставилъ король Владиславъ IV—«natura, amore, genio filius, electione, serie, felicitate successor».

Врядъ ли, движимый сыновьимъ чувствомъ, «наслѣдникъ» всѣхъ добродѣтелей и счастія своего отца, равный ему «по природѣ, духу, любви и по избранію на престолъ»,—былъ причастенъ къ сочиненію этой надписи. Вѣроятно, авторами ея, какъ и надписи «złotemi charakterami» надъ московской каплицей, были королевскіе приближенные, свои доморощенные піиты, не сознававшіе, что всѣ расточаемыя ими похвалы были такъ же невѣрны и безплодны, какъ «безплоденъ всякій духъ гордыни,—невѣрно злато»... Но и эта надпись—кусочекъ хроники своего времени, уголокъ исторической картины. Золото, которымъ сначала былъ позолоченъ памятникъ, было «аугсбургское». При возобновленіи памятника позолота снята, и теперь онъ стоитъ въ своемъ натуральномъ бронзовомъ видѣ. «Безплоденъ всякій духъ гордыни,—невѣрно злато, сталь хрупка»...

Сильна молящихся рука.

Часовня-памятникъ патріарху Филарету, существующая пока что въ проектѣ,—памятникъ будущаго, первый и единственный этого рода въ Варшавѣ, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ православной часовни, подобно существующимъ, по нашему обычаю, во всѣхъ городахъ русскихъ. Въ 1885 году часовню эту предполагалось построить на мѣстѣ «желѣзнаго домика», принадлежавшаго тогда русскому купцу Александровичу, на углу Маріенштадта и Съѣзда на Вислу, гдѣ теперь складъ земледѣльческихъ орудій. По другому проекту, часовню предполагалось поставить по другую сторону того же Съѣзда, на землѣ, принадлежащей дворцовому вѣдомству, или немного дальше, на дамбѣ, находящейся въ вѣдомствѣ путей сообщенія. У стѣны бернардиновъ или въ колокольнѣ, ни раньше, ни теперь никто не предполагалъ ее воздвигать—здѣсь не мѣсто православной часовнѣ. Но отъ «желѣзнаго домика» или со стороны замка—мѣстопребываніе генералъ-губернатора—до Филаретовой башни и костела бернардиновъ шаговъ триста,—они за угломъ улицы и видны отъ замка. Въ замкѣ есть домовая церковь св. князя Константина Равноапостольнаго, но она на противоположномъ крылѣ зданія. Въ городѣ два собора, нѣсколько православныхъ церквей, но при нихъ нѣтъ часовенъ, а открытая недавно въ колокольнѣ новаго собора часовня подъ лѣстницей къ колоколамъ, по внѣшнему виду, совсѣмъ не похожа на часовни, которыя православные привыкли видѣть всюду,—она сама не видна съ улицы, входъ въ нее черезъ узкій коридоръ. Нѣтъ въ Варшавѣ и памятныхъ досокъ, которыя ставятся всюду надъ домами и зданіями, памятными исторически. Кое-гдѣ есть «таблицы» на польскомъ языкѣ, есть надписи по-русски и по-польски на мостахъ, съ именами строителей, попадаются онѣ и внутри нѣкоторыхъ зданій, казенныхъ и общественныхъ, есть и русскія въ церквахъ, но на улицахъ, на стѣнѣ или у воротъ домовъ, чѣмъ-либо памятныхъ, такихъ досокъ нѣтъ вовсе, и не такъ еще скоро, повидимому, дождутся ихъ русскіе обыватели.

Не въ утѣшеніе имъ, а лишь къ свѣдѣнію ихъ, можно прибавить, что сооруженіе православнаго собора въ Варшавѣ потребовало почти цѣлаго столѣтія, а постройка отдѣльнаго православнаго храма, не считая домовыхъ и передѣланныхъ изъ костеловъ, завершена была черезъ пятьдесятъ лѣтъ сооруженіемъ церкви на Прагѣ. Можно надѣяться, что сооруженіе отдѣльной часовни начнется и окончится, въ наше время, скорѣе—у часовни есть уже своя исторія. Къ тому времени, Богъ дастъ, разрѣшится вопросъ и объ устройствѣ памятныхъ досокъ; если ихъ теперь еще нѣтъ, значитъ не пришло еще время, но онѣ будутъ. Могучая рука времени, по словамъ Карамзина, стирающая всѣ «знаменія слабости», окажетъ, наконецъ, свое благотворное дѣйствіе въ начинаніяхъ, сила которыхъ вся въ насущной потребности, въ исторической необходимости, не допускающей, по инерціи, движенія въ обратную сторону, теченія вспять... Останавливаться, идти «на попятный» тутъ не приходится, ибо—каждому свое нужно и дорого,—сильнымъ и бѣднымъ, богатому и слабому—различія въ оттѣнкахъ и цифрахъ, измѣняющихся и сравниваемыхъ со временемъ.

Будутъ православные въ Варшавѣ, гдѣ есть у нихъ свои уже церкви,—будутъ при церквахъ и часовни, будетъ и своя, отдѣльно стоящая часовня, по ихъ желаніямъ и нуждамъ, будутъ закрѣплены на будущее время, въ памятникахъ русскихъ, событія и имена приснопамятныя для нихъ по своему здѣсь прошлому. Едва ли можно надѣяться, что собранныя около тридцати лѣтъ назадъ на часовню деньги будутъ разысканы и поступятъ по назначенію [1]). Но несмотря и на это, не взирая на

[1]) О томъ, что на постройку часовни собрано было 40 тыс. рублей и избрано мѣсто, сообщалось впервые въ «Варшавскомъ Дневникѣ» 1885 года, выходившемъ тогда подъ редакціею историка Щебальскаго. Извѣстіе это, безъ указанія избраннаго для часовни мѣста и именъ жертвователей—«по неимѣнію на то уполномочія», какъ упоминалось въ замѣткѣ,—совпадало съ сообщеніемъ о возвращеніи изъ Петрограда архіепископа Леонтія, впослѣдствіи митрополита московскаго. Моро-

всѣ осложненія и задержки, не опасаясь и раскола среди самихъ православныхъ по этимъ вопросамъ, въ концѣ концовъ, всѣ они будутъ рѣшены положительно, помимо всяческихъ препятствій, видимыхъ и невидимыхъ...

Какимъ сложнымъ перерѣшеніямъ подвергались еще недавно въ Варшавѣ подобные вопросы, показываетъ исторія круглаго костела св. Александра, на площади того же имени. Возвращаясь послѣ Вѣнскаго конгресса изъ-за границы, императоръ Александръ I, «выторговавъ— по словамъ проф. Кулаковскаго—согласіе Европы на устройство Царства Польскаго, уплативъ за это уступкою Австріи русской части Галиціи»,—въѣзжалъ торжественно въ Варшаву. На этой площади, для встрѣчи государя, построена была громадная тріумфальная арка, подобно поставленной здѣсь тѣмъ же архитекторомъ Кубицкимъ при въѣздѣ въ городъ кн. Понятовскаго, въ 1808 г., послѣ побѣды подъ Рашиномъ. Принимая депутатовъ и членовъ совѣта, императоръ Александръ сказалъ:—«Да воздвигнется на этомъ мѣстѣ храмъ Богу живому»,—имѣя въ виду храмъ православный, такъ какъ тогда не было ни одной нашей церкви въ Варшавѣ. Въ воспоминаніе этого событія, въ 1818 г., заложенъ былъ на «національное пожертвованіе»—какъ писали въ газетахъ того времени—храмъ-памятникъ въ видѣ римскаго Пантеона,—въ немъ предполагалось устроить нѣсколько алтарей для всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Но освященъ былъ потомъ только одинъ католическій костелъ, перенесенный съ площадки Бельведера, и объ алтаряхъ другихъ исповѣданій послѣ того никто и не заикался. Въ 1885 г., при передѣлкѣ и расширеніи костела, получившаго наименованіе круглаго, архитекторомъ Дзеконскимъ, уничтоженъ былъ и первоначальный фасадъ храма—оригинальная ротонда,—придѣланъ

зовымъ изъ Москвы пожертвована была икона для часовни. «Московскія Вѣдомости» и подписку открыли (см. «Варшавскій Дневникъ», 1885 г., №№ 106, 107 и др.), но куда пошли сборы, свѣдѣній нѣтъ.

высокій куполъ съ остроконечными башнями, и памятникъ, дорогой одинаково католикамъ и православнымъ, совершенно измѣнилъ свой видъ. Отъ историческаго костела остались развѣ однѣ колонны, напоминающія о Пантеонѣ. А православная церковь, построить которую выражалъ желаніе императоръ Александръ I, въ годъ закладки этого «пантеона» (1818), была открыта на другомъ совершенно концѣ города, на мѣстѣ греческой домовой: она переносится затѣмъ съ мѣста на мѣсто, «приписывается» къ собору на Долгой улицѣ, по освященіи послѣдняго (1837),—мытарства ея продолжаются, можно сказать, до сего дня: о расширеніи ея, и послѣ постройки новаго собора, что-то не слышно. Рисунокъ круглаго костела, въ настоящемъ его видѣ, есть въ «Исконно-русскомъ достояніи»; въ первоначальномъ видѣ костелъ помѣщенъ у А. Сидорова, въ его описаніи Варшавы (1896). Въ другое время, вѣроятно, всѣ такіе вопросы получили бы и другое разрѣшеніе, а историческій костелъ-памятникъ, такъ или иначе, былъ бы сохраненъ. И должно надѣяться, что нашему памятнику-часовнѣ переживать теперь эволюцію, какую испытала первая православная церковь въ Варшавѣ, уже не придется: часовня подъ соборной колокольней замѣнить памятникъ патріарху Филарету, конечно, не можетъ. «Habent sua fata libelli»— тоже и произведенія зодчества, не исключая проектовъ церквей и часовенъ.

«Не для войны съ католичествомъ созданъ соборъ въ Варшавѣ, а для установленія той ясности и твердости отношеній, которыя столь необходимы, чтобы водворился миръ между спорящими и враждующими»,—такими словами привѣтствовалъ П. А. Кулаковскій окончаніе дѣла, начатаго генераломъ Гурко, въ день освященія новаго собора, И эти же слова примѣнимы и ко всѣмъ нашимъ памятникамъ, воздвигнутымъ въ Варшавѣ въ послѣднее время, ко всѣмъ русскимъ «камнямъ-глаголамъ», не исключая и такихъ скромныхъ памятниковъ въ будущемъ,

какъ эти проекты часовенъ и памятныхъ досокъ. Слова эти должны быть запечатлѣны въ памяти всѣхъ, въ особенности тѣхъ, кто готовъ самую простую задачу осложнять лишними вопросами и предпосылками, вмѣсто того, чтобы спокойно работать надъ ея рѣшеніемъ, идти по пути, предназначенному и проторенному исторіей, не смущаясь никакими политическими драконами.

Оставлены должны быть всѣ памятники польской старины въ Варшавѣ въ ихъ полной неприкосновенности; они теперь возобновляются и вновь будутъ воздвигаемы, подобно каплицѣ Преображенія, поставленной императоромъ Николаемъ I въ честь Собѣскаго, или какъ поставлены были польскіе памятники послѣ того—Копернику, въ наше время—Мицкевичу. Эти памятники, съ надписями на одномъ польскомъ языкѣ, поставлены сравнительно недавно, уже по присоединеніи Варшавы къ Россіи.

Пріѣзжая въ Варшаву, императоръ Александръ III не любилъ, когда представлявшіеся государю по разнымъ случаямъ гминные войты и солтысы являлись не въ своихъ сукманахъ и старинныхъ польскихъ кафтанахъ, а въ новомодномъ платьѣ нѣмецкаго покроя, и не скрывалъ своего неудовольствія передъ самими же представлявшимися. Похвалилъ, а не осудилъ когда-то и царь Петръ Великій старинный памятникъ Сигизмунда III, любовался имъ и, отказавшись принять его въ подарокъ, какъ бы предуказалъ и завѣщалъ хранить его на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ, въ какомъ памятникъ польскому королю былъ созданъ художникомъ своего вѣка.

«Такъ было и такъ будетъ»... Всѣ такіе памятники, конечно, должны быть охраняемы, какъ и наши русскіе, здѣсь и всюду. Разрушены же должны быть всѣ эти препоны и препятствія, мѣшающія поддержанію и сооруженію нашихъ историческихъ памятниковъ на Вислѣ. Въ этомъ отношеніи желать остается многаго.

Только памятникъ кн. Паскевичу и новый соборъ пока поставлены въ городѣ на видномъ мѣстѣ; но только что былъ голосъ, что стоять собору здѣсь не мѣсто. Обелискъ императору Александру I, «благодѣтелю Польши»—въ цитадели. Обелискъ, поставленный императоромъ Николаемъ I, перенесенный съ одной площади на другую, теперь кругомъ закрытъ скверомъ. Первая православная церковь въ Варшавѣ—во дворѣ дома,—входъ изъ-подъ воротъ. Для православной часовни никакъ не выберутъ мѣста... Какая и была раньше, на площади рядомъ съ охотничьимъ клубомъ, поставленная «мошною торговою», когда отстроился соборъ, перенесена, скрыта въ колокольнѣ подъ пономарнею (по туземному «подъ пономаркой»). Всѣ остальные памятники на краю города,—дорогія имена на плитахъ, но плиты... на кладбищахъ. Дома, гдѣ имѣли пребываніе царь Петръ и фельдмаршалъ Суворовъ, ничѣмъ не отмѣчены. Улицы и площади, носящія имена русскихъ, потрудившихся для города, теряются за заборами и огородами, хотя въ самомъ городѣ прорѣзываются постоянно новыя, иногда тутъ же за домами, гдѣ жили эти же трудившіеся[1])... Вотъ что

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ назадъ, магистратъ города Варшавы рѣшилъ почтить память бывшаго президента города, генерала Старынкевича, при которомъ устроена была канализація:—именемъ его и названы были площадь и улица, неподалеку отъ Іерусалимской заставы, на концѣ города. А за зданіемъ городской ратуши одновременно прокладывалась новая улица по фасаду дома гр. Браницкихъ (бывшая библіотека Залускихъ), получившая названіе Ипотечной,—названіе, близкое развѣ варшавскимъ домовладѣльцамъ, большая часть ихъ не поляки и не русскіе, и не славяне даже... Другая, тоже центральная улица, недавно названа была по имени графа Коцебу, въ pendant такой же улицѣ графа Берга. Независимо того, что оба графа всю службу свою посвятили Россіи,—характерно, все-таки, это предпочтеніе совсѣмъ иностранныхъ наименованій улицъ, въ недалекомъ сравнительно прошломъ, въ ущербъ названіямъ славянскаго корня... Графъ Бергъ былъ намѣстникъ, графъ Коцебу—генералъ-губернаторъ... Время ихъ — время расцвѣта нѣмецкой колонизаціи въ Варшавѣ, Лодзи, Пабіаницахъ, Згержѣ, Петроковѣ, Сосновицахъ... Кто этого не знаетъ?.. Теперь, повидимому, въ этомъ отношеніи наступаетъ переломъ: Іерусалимскую аллею, какъ

нужно переиначить, о разрушеніи и забвеніи чего хлопотать неустанно,—въ заботахъ объ охраненіи родныхъ и родственныхъ намъ началъ,—національныхъ и родовыхъ,—не пренебрегая и «каплицами», и «таблицами».

Наши историческіе памятники должны быть выдвинуты въ Варшавѣ на подобающее имъ мѣсто. Въ Ченстоховѣ, на площади передъ Ясногорскимъ монастыремъ—этомъ святилищѣ польскаго народа,—четверть вѣка назадъ, поставленъ былъ на крестьянскія пожертвованія памятникъ императору Александру II, и сосѣдство этого памятника съ католическою святынею никому и ничему тутъ не помѣшало. Такое мѣсто надо найти и для часовни во имя св. Филарета Милостиваго—имя этого святого носилъ патріархъ Филаретъ, судьба котораго и имя связаны съ Варшавой. Не мѣсто такой часовнѣ въ колокольнѣ католическаго костела. Довольно и той, что есть уже подъ колокольней новаго православнаго собора... Но что же мѣшаетъ, повторяемъ, поставить памятникъ-часовню вблизи, а на колокольнѣ бернардиновъ водрузить памятную доску съ соотвѣтствующей надписью. Сейчасъ тутъ, въ нижнемъ этажѣ, красуется вывѣска мелочной лавочки!...

Давно, еще кн. Паскевичемъ, забракованъ былъ проектъ передѣлки бернардинскаго костела въ православный храмъ. Но и признавая этотъ неудачный проектъ «приманкой», непріемлемой для исполненія, будучи даже «гнѣвенъ», выслушивая разсказы о Филаретѣ, намѣстникъ, очевидно, и въ мысляхъ не имѣлъ отрицать плѣненіе митрополита и пребываніе его, въ 1614 году, въ Варшавѣ. Также относился къ этому проекту и І. В. Гурко, но о часовнѣ, какъ извѣстно, фельдмаршалъ отзывался сочувственно, раздѣляя взглядъ

сообщали газеты, отцы города ходатайствуютъ переименовать въ улицу имени Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго—это самая широкая улица въ Варшавѣ и хорошо обстроенная въ центральной части, протяженіемъ отъ новаго моста Императора Николая II до заставы болѣе трехъ верстъ. Послѣдствія засилья здѣсь нѣмцевъ видѣлъ Скобелевъ.

преосвященнаго Леонтія, бывшаго въ то время архіепископомъ варшавскимъ: съ благословенія владыки и съ разрѣшенія генералъ-губернатора, не иначе, производились на часовню и денежные сборы. Не протестовали противъ часовни тогда и тѣ, кто теперь находитъ сооруженіе ея «болѣе чѣмъ неумѣстнымъ»,— потому ли, что генералъ-губернаторъ рѣшалъ подобные вопросы всегда самъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, объ этомъ исторія умалчиваетъ.

То обстоятельство, что въ «Рукописи» Филарета, дошедшей до нашего времени и изданной въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Мухановымъ, нѣтъ указанія на варшавскій плѣнъ митрополита, ничего не доказываетъ: въ ней митрополитъ говоритъ о событіяхъ «болѣе важныхъ», бывшихъ въ Москвѣ, и дѣяній московскихъ пословъ, отправленныхъ въ Смоленскъ, рукопись совсѣмъ не касается,—не упоминается въ ней одинаково о пребываніи митрополита и въ Варшавѣ, и въ Маріенбургѣ.

Три вѣка проходитъ, какъ порваны были узы этого плѣна, но историческія узы непрерывны,—память о Филаретѣ Никитичѣ въ Варшавѣ не угасла... Всѣ причины и доводы, выставляемые противъ такихъ памятниковъ, должны быть устранены, отвергнуты, давно пора это признать. Тутъ сходятся и исторія, и политика; этого требуютъ и простая справедливость, и желаніе народное, глубокая вѣра народа въ свою судьбу,—всѣ наши завѣты, упованія грядущаго будущаго, преданія далекаго прошлаго.

Они, эти завѣты и преданія, не выдуманы кѣмъ-либо, а выстраданы, добыты усиліями и трудомъ нѣсколькихъ поколѣній, они—неизмѣнны. Отходить отъ нихъ, отрекаться, безнаказанно нельзя, какъ нельзя никому нарушать законы природы, доступные только нашему наблюденію и исполненію, не подлежащіе отмѣнѣ или исправленію. Свои разрушители и отрицатели нашихъ преданій дѣлаютъ то же, что дѣлали когда-то чужіе, расхищавшіе по частямъ наши памятники въ прошломъ,—игра-

ютъ имъ въ руку, дѣйствуютъ по ихъ убогой психологіи и близорукой политикѣ: они не вѣдаютъ, что творятъ.

М. П. Устимовичъ думаетъ иначе, выводы его обратно противоположны. На судъ безпристрастныхъ читателей представляемъ споръ съ нимъ,—пусть каждый изъ нихъ рѣшитъ самъ, на чьей сторонѣ тутъ правда.

Письмо въ редакцію «Петроградскихъ Вѣдомостей».

(Отвѣтъ г. М. Иванову).

Недавно въ «Новомъ Времени» были напечатаны «Варшавскія впечатлѣнія» г. М. Иванова. Восторгаясь внѣшнимъ видомъ Варшавы и отдавая должную дань вкусу мѣстныхъ архитекторовъ и инженеровъ, онъ сурово критикуетъ нашъ православный соборъ на Саксонской площади: соборъ-де совсѣмъ «не гармонируетъ» съ окружающими зданіями.

Построенный «по мысли» покойнаго генералъ-губернатора Гурко и проекту академика Л. Бенуа, этотъ соборъ «неуклюжъ и некрасивъ», «рѣжетъ глазъ во всѣхъ отношеніяхъ». Мало того, г. Ивановъ недоволенъ и мѣстомъ, выбраннымъ для собора генераломъ Гурко—и недоволенъ по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ петроградцы недовольны мечетью на Троицкой площади. Особенно тяжело смотрѣть на мечеть по выходѣ изъ воротъ Петропавловской крѣпости; такъ же тяжело видѣть и варшавянамъ православный храмъ въ центрѣ города. «Вообще, въ выборѣ мѣста для постройки разныхъ общественныхъ учрежденій и храмовъ, надобно быть осторожнымъ и внимательнымъ къ народному чувству»,—наставительно заключаетъ свои соображенія авторъ. Единственное достоинство новаго собора—его вышина, позволявшая г. Иванову оріентироваться во время его блужданій по красивымъ улицамъ города.

О вкусахъ не спорятъ. Возможно, что построенный по проекту г. Косякова кронштадтскій соборъ во многомъ превосходитъ вар-

шавскій, построенный по проекту г. Бенуа. Но сравнивать православный храмъ съ мечетью, въ данномъ случаѣ, кажется, не приходится: коренные варшавяне, въ большинствѣ, вѣдь—христіане, хотя и католики. Только незначительная горсточка польскихъ шовинистовъ признаетъ насъ, «россіянъ», туранцами и отрицаетъ славянское происхожденіе русскаго народа. Затѣмъ и фактическая сторона въ изложеніи музыкальнаго критика «Новаго Времени» его архитектурныхъ впечатлѣній въ Варшавѣ хромаетъ и нуждается въ коррективѣ. Какъ невѣрно утвержденіе его, что ворота Петропавловской крѣпости—созданіе Петра Великаго (выходя изъ воротъ, г. Ивановъ, очевидно, не обращалъ вниманія на надписи надъ воротами),—такъ неточны и указанія на то, что православный соборъ въ Варшавѣ построенъ по мысли генерала Гурко. Мысль о сооруженіи здѣсь новаго православнаго собора возникла еще при намѣстникѣ, князѣ Паскевичѣ, который и выбралъ для собора мѣсто—домъ, гдѣ помѣщалось раньше комендантское управленіе, на Краковскомъ Предмѣстьи, главной улицѣ города, со входомъ въ соборъ съ Саксонской площади. Это было въ 1852 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ построенъ уже былъ нашъ старый соборъ на Долгой улицѣ, передѣланный изъ костела піаровъ, имъ же за зданіе было уплачено около 60 тысячъ рублей, при томъ же намѣстникѣ. Со смертью князя Паскевича проектъ заглохъ.

Генералъ Гурко, принимая во вниманіе, что по этому проекту алтарь новаго собора примыкалъ бы къ улицѣ вплотную, а на другой сторонѣ этой улицы находится тутъ же костелъ визитокъ (св. Іосифа),—на площадкѣ, образуемой фасадомъ костела и служебными постройками дома гр. Потоцкаго,—отодвинулъ зданіе новаго собора на западъ, на середину Саксонской площади, саженъ на сто слишкомъ отъ костела, причемъ домъ бывшаго комендантскаго управленія и всѣ прилегающія къ нему строенія, воздвигнутыя въ послѣднее время, остались нетронутыми. Пришлось перенести на Зеленую площадь съ Саксонской только памятникъ «Полякамъ, павшимъ за вѣрность своему Государю», 17 (29) ноября 1830 года,—обелискъ, поставленный здѣсь по повелѣнію императора Николая I,—на что испрошено было Высочайшее соизволеніе. Обелискъ этотъ на Зеленой площади, совершенно

закрытый окружающимъ его скверомъ—на Саксонской площади, принадлежавшей военному вѣдомству до постройки здѣсь собора, стоялъ совершенно открытымъ со всѣхъ сторонъ.

Никакихъ другихъ общественныхъ или историческихъ зданій, окаймляющихъ Саксонскую площадь, здѣсь не было и нѣтъ. Европейская гостиница, противъ дома комендантскаго управленія и нынѣшняго офицерскаго собранія генеральнаго штаба, тридцать лѣтъ назадъ принадлежала г. Васильеву. Русскому же купцу Скворцову пришло на мысль устроить колоннаду въ зданіи, гдѣ теперь окружной штабъ на этой же площади; къ окружному штабу примыкаютъ съ сѣвера ворота Брилевскаго дворца, но дворецъ этотъ, еще во времена Рѣчи Посполитой, былъ резиденціей русскаго посольства: здѣсь была домовая православная церковь, нынѣ возобновленная и причисленная къ окружному штабу; здѣсь былъ тогда и нашъ посольскій архивъ, разграбленный въ революцію 1794 г. Разобранныя же, съ постройкой собора, зданія военной гауптвахты и охотничьяго клуба—всѣ построены были въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Какъ въ прежнія времена между варшавскими обывателями было немало недовольныхъ, когда памятникъ «вѣрнымъ полякамъ» красовался на Саксонской площади, такъ и теперь есть недовольные, когда обелискъ перенесенъ на другое мѣсто, а здѣсь воздвигнутъ православный храмъ, который «рѣжетъ» кому-то глаза, какъ жалуется г. Ивановъ. Всѣ ламентаціи его—похоже, что съ чужого голоса.

Въ Брилевскомъ дворцѣ теперь телеграфная контора, а раньше здѣсь жилъ великій князь, цесаревичъ Константинъ Павловичъ; въ шестидесятыхъ годахъ здѣсь помѣщался учредительный комитетъ съ Н. А. Милютинымъ во главѣ. Если бы теперь предоставить самому г. Иванову избрать мѣсто для православнаго собора въ Варшавѣ, то другого, болѣе подходящаго, онъ, пожалуй, нигдѣ не найдетъ.

Упоминая о православномъ соборѣ, г. Ивановъ почему-то скромно умалчиваетъ о почернѣвшихъ его куполахъ: неужели потому, что почерненіе ихъ гармонируетъ съ другими историческими зданіями въ Варшавѣ?.. Не помогла тутъ и очистка куполовъ мѣстными средствами, предпринятая нѣсколько лѣтъ тому назадъ: позолота осталась грязною даже и въ день освященія собора, два года

назадъ. Молчитъ критикъ и о томъ, что за угломъ Королевской улицы, въ 300 шагахъ отъ колокольни собора, стоитъ лютеранская кирка: она вотъ никому не мѣшаетъ, не «рѣжетъ» ничьихъ глазъ!

Рядомъ съ памятникомъ Паскевичу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на одной и той же улицѣ, воздвигнутъ памятникъ Мицкевичу. Наискосокъ отъ «самой красивой» изъ всѣхъ православныхъ церквей въ Варшавѣ, Маріинской церкви на Прагѣ, высится громадныхъ размѣровъ костелъ св. Флоріана... Между костеломъ св. Креста, съ изображеніемъ, на паперти, Спасителя подъ тяжестью креста, рѣзца Прушинскаго, и православнымъ храмомъ-памятникомъ царя Василія Шуйскаго, съ его золоченою луковкою, стоитъ памятникъ Копернику, съ циркулемъ въ рукахъ, работы Торвальдсена. Неподалеку отъ историческаго костела св. Александра—минаретъ старинной мечети, давно закрытой, и, наконецъ, на Іерусалимской аллеѣ, у воротъ не стараго еще дома, съ одной стороны—бюстъ Мицкевича, съ другой—нашего Пушкина,—немного далеко отъ центра города, но на видномъ, все-таки, мѣстѣ.

На протяженіи версты, отъ костела св. Яна до конца Краковскаго Предмѣстья,—восемь храмовъ, семь памятниковъ и католическихъ статуй—одна съ неугасимою лампадою,—три памятника окружены цвѣтниками; кромѣ того, здѣсь же четыре уличныхъ сквера и нѣсколько группъ старыхъ деревьевъ, по изогнутой обочинѣ площадокъ и улицы,—около старыхъ зданій, въ два этажа за рѣшетками, гнѣздящихся живописно въ сосѣдствѣ съ семи-этажными теперь небоскребами, иногда въ три-четыре окна по фасаду. Въ «соединеніи» стилей и эпохъ—вся красота Варшавы: ворчать и возставать противъ этого, значитъ, идти поперекъ историческаго пути. Но музыкальное ухо г. Иванова ничего о томъ не слыхало...

Пишущій эти строки, нѣсколько недѣль тому назадъ, проѣзжая по желѣзной дорогѣ изъ Варшавы на Млаву, былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ семействѣ, возвращавшемся передъ праздниками изъ Варшавы къ себѣ домой, въ деревню, оставившемъ вагонъ въ Гонсоцинѣ, младшіе члены семьи, впервые бывшіе въ Варшавѣ, обмѣниваясь между собою впечатлѣніями, объявляли, къ уди-

вленію старшихъ, что имъ больше всего понравился въ Варшавѣ «русскій костелъ» на Саксонской площади. Это были, конечно, провинціалы-поляки; попади они въ Петроградъ, здѣсь, возможно, они любовались бы панорамой Невы, но общее впечатлѣніе портили бы имъ не минареты мечети или порталъ биржи,—а высокія трубы, всюду торчащія—и за биржей, и за ректификаціонными постройками у Биржевого моста, и изъ-за монетнаго двора въ крѣпости...

Во всякомъ случаѣ, не такъ ужъ неуклюжъ и некрасивъ нашъ православный соборъ въ Варшавѣ, если имъ иногда восхищаются и коренные привислянцы, вопреки впечатлѣніямъ г. Иванова... «Чудный, дивный русскій православный соборъ, являющійся истиннымъ памятникомъ русскаго историческаго зодчества и русскаго историческаго творчества»,—такъ говоритъ о немъ проф. В. В. Есиповъ [1]), обществовѣдъ-историкъ... Проектъ г. Бенуа составленъ по образцу нашихъ кіевскихъ и владимірскихъ святынь: внутри—масса свѣта и воздуха, стѣны расписаны Васнецовымъ, Кошелевымъ, Харламовыхъ, Рябушкинымъ, Судковскимъ и другими художниками, приложившими руку и кисть на созданіе собора и его украшеніе, но о нихъ г.Ивановъ говоритъ... не желаетъ: на него зданіе собора подѣйствовало неблагопріятно—«и довольно!» Такъ онъ и пишетъ, ничто же сумняшеся.

Совсѣмъ иначе относится онъ къ новому третьему мосту черезъ Вислу въ Варшавѣ. «Это—сооруженіе инженера Маршевскаго, постаравшагося оставить достойный памятникъ себѣ и городу!»... Чего добраго, съ легкой руки г. Иванова, варшавяне присвоятъ теперь ему названіе моста Маршевскаго, какъ называютъ они, съ недавняго времени, свой Александровскій мостъ мостомъ Кербедза, послѣ того, какъ вдова строителя пожертвовала нѣсколько сотъ тысячъ рублей на «общественныя цѣли».

Офиціально новый мостъ названъ мостомъ Императора Николая II, о чемъ объявлено во всеобщее свѣдѣніе. Разсказывая исторію этого моста, г. Ивановъ не упоминаетъ ни о названіи его, ни о томъ, что, открытый болѣе полугода назадъ, онъ почти пустъ. На Александровскомъ мосту въ часъ времени проходитъ до 30.000

---

[1]) «Голосъ Руси», 1914. № 276.

человѣкъ, по указаніямъ мѣстной статистики,—здѣсь же посѣтителей и прохожихъ въ часъ приходится не болѣе тысячи, да и тѣ,—какъ острить г. Пежинскій въ своей газетѣ,—перейдя мостъ, возвращаются обратно въ городъ: они ходятъ сюда на прогулку,—«мостъ существуетъ ради моста», а не для переправы на другой берегъ [1]). Семь верстъ на Прагу по немъ мѣсятъ только ломовики, направляемые по мосту по новымъ правиламъ... «Врядъ ли пока въ Европѣ и у насъ есть другой подобный мостъ»,—пишетъ совершенно серьезно г. Ивановъ.

Къ свѣдѣнію г. Иванова можно добавить, что гербъ гор. Варшавы—сирену выдумали не русскіе, для которыхъ Варшава, якобы, издавна была притягательною силою, а сами поляки, еще въ XVI столѣтіи. По словамъ мѣстнаго историка города, г. Пшиборовскаго, сирена эта—искаженное изображеніе св. Георгія, поражающаго дракона, бывшее въ употребленіи на печатяхъ у многихъ магнатовъ древней Польши, какъ и вообще у славянъ. Упрекъ князю Паскевичу въ томъ, что онъ не заботился о русскомъ театрѣ въ Варшавѣ, котораго и сейчасъ нѣтъ,—врядъ ли справедливъ. Гдѣ ужъ тутъ было хлопотать о театрѣ, если намѣстникъ не могъ, семьдесятъ лѣтъ назадъ, построить и собора, какъ хотѣлъ! [2]).

Ф. Орловъ.

22-го апрѣля 1914 г.

Сравнивая взгляды и мнѣнія г. Устимовича и г. Иванова, наталкиваешься на довольно трогательное опять совпаденіе. Какъ это ни странно, и г. Ивановъ, и г. Устимовичъ—оба пишущіе не одного поля ягода—сходятся и расходятся въ одномъ, съ небольшими лишь отступленіями: «себѣ самому», по мнѣнію г. Устимовича, ставилъ польскій король Сигизмундъ III памятникъ—«устроилъ трофей для себя»,—погребая кости врага своего, Василія Шуйскаго;—«себѣ и городу», по при-

---

[1]) «Kurjer Warszawski», мартъ, 1914.

[2]) Письмо напечатано въ «Петрогр. Вѣд.», 1914 г., въ № 102; письмо г. М. Иванова—въ «Нов. Вр.», въ № 13687.

знанію г. Иванова, поставилъ памятникъ и инженеръ, окончившій, по заказу города и заранѣе утвержденному въ наше время проекту, постройку... моста. Г. Устимовичъ не одобряетъ короля, жившаго три вѣка назадъ, видя во всѣхъ дѣйствіяхъ его приниженіе своего отечества. Г. Ивановъ прославляетъ достоинства и таланты современнаго инженера, готовъ увѣковѣчить имя его еще при жизни, вопреки обычаямъ и закону того же отечества. Одинъ не споритъ о мѣстѣ для нашего православнаго собора, ничего не имѣетъ противъ передѣланнаго изъ костела, но возстаетъ противъ сооруженія православной часовни «въ виду» костела; другой—молчитъ и о часовнѣ, и о соборѣ, передѣланномъ изъ костела, но постройку соборнаго храма въ центрѣ города считаетъ «не у мѣста». Онъ чутокъ къ чужому мнѣнію, склоненъ къ переоцѣнкѣ собственныхъ впечатлѣній, тогда какъ его компатріотъ, опирающійся на свой собственный авторитетъ, пренебрежителенъ ко всѣмъ инакомыслящимъ—онъ въ грошъ не ставитъ ничьихъ народныхъ преданій и желаній, ничего знать не хочетъ и про эти самые гроши, хотя бы и набралось ихъ на десятки тысячъ рублей, какъ это и случилось съ тою же часовнею...

Одно сплошное недоразумѣніе, въ сущности, всѣ эти пререканія о мѣстахъ и именахъ для нашихъ церквей и часовенъ въ Варшавѣ, какъ и для другихъ историческихъ памятниковъ, всѣ колебанія съ постановкой досокъ съ надписями, сомнѣнія... отрицанія преданій... пренебреженіе фактами. Пока не придутъ тутъ всѣ къ необходимому, въ такихъ случаяхъ, единодушію,—что особенно важно на окраинахъ, гдѣ постоянно идетъ соревнованіе и борьба различныхъ національныхъ и народныхъ началъ и теченій, и чего, повидимому, не хотятъ признавать ни г. Устимовичъ, ни г. Ивановъ,—живущіе какъ бы въ футлярѣ, каждый подъ своимъ колпакомъ,—въ предразсудкахъ и понятіяхъ глубокой древности или въ порывахъ и звукахъ «музыки буду-

щаго», — пишущіе больше по транспаранту или по потпымъ линейкамъ,—по прошлогоднему росписанію или по самой модной программѣ,—читатель, даже и посторонній, можетъ, съ грустью или злорадствомъ, замѣтить только одно:

«Своя своихъ не познаша»...

Если настоящая брошюра, хоть отчасти, поспособствуетъ къ выходу изъ создавшагося положенія, послужитъ «къ познанію» того, что было и есть, облегчитъ въ будущемъ кому-либо наблюденіе по затронутымъ ею вопросамъ,—авторъ почтетъ свою задачу выполненною. Онъ глубоко вѣритъ,—что, какъ новый соборъ св. Александра Невскаго въ Варшавѣ мѣста своего не перемѣнитъ, и стоять будетъ величественно вѣка, безъ всякой помѣхи,—такъ и преданіе о пребываніи въ варшавскомъ плѣну митрополита Филарета не утратится и не выйдетъ изъ памяти народной. А памятникъ-часовня іерарху, вызванный къ жизни этимъ преданіемъ, такъ или иначе, будетъ поставленъ, проектъ осуществится,—сказаніе о немъ не обратится само въ легенду... Ибо будь это такъ, случись такое перерожденіе—это была бы не легенда, и не басня, безвредная, хотя бы кѣмъ и гонимая, и порицаемая, а вполнѣ удостовѣренная, за всѣми надлежащими подписями... совсѣмъ злая и злостная притча..

«Притча во языцѣхъ».

По ниткѣ приходится добираться до клубка,—по стрѣлкѣ, послушной тайной силѣ земли, находятъ путь—кто съ него сбился,—приходятъ къ пристани и въ туманную пору... Нужно держаться компаса постоянно, но приходится при томъ помнить, считаться... и съ поправками на отклоненіе. Это—законъ, его не же прейдеши.

Дальнѣйшіе комментаріи, полагать надо, уже не нужны.

—◦◦—

Теперь прибавить можно развѣ одно,—что ожиданія и надежды, одушевлявшія автора, когда онъ печаталъ книжку въ первомъ изданіи, уже начинаютъ сбываться и оправдываются. Полгода назадъ никто и не помышлялъ еще, что русско-польскія отношенія на Вислѣ примутъ внезапно такой благопріятный оборотъ, какой наступилъ здѣсь, едва только началась послѣдняя міровая война за обузданіе Германіи. Безконечныя пререканія въ печати и парламентахъ, длившіяся десятилѣтія, не могли привести къ тому, что произошло и происходитъ теперь подъ военною грозою.

И, благодареніе Господу, всѣ наши домашніе споры и недоразумѣнія отнынѣ будутъ разрѣшаться скорѣе, а взгляды и убѣжденія, въ родѣ тѣхъ, что высказывались такъ недавно строгими отрицателями нашихъ преданій—можно сказать это уже сейчасъ—отошли сами въ область преданій. Во второмъ изданіи, изъ полемической брошюра принимаетъ видъ исторической—она говоритъ о далекомъ или недавнемъ тяжеломъ прошломъ, когда занимается заря свѣтлаго будущаго.

Сепаратизмы всякаго рода теперь въ посрамленіи,—они уступили мѣсто единодушію и единомыслію, столь желаннымъ и всегда необходимымъ. Миролюбіе и вѣрность народныя своимъ преданіямъ и завѣтамъ побѣждаютъ всякое раздѣленіе: «за миръ и воюемъ». Мысли и пожеланія автора «Исконно-русскаго достоянія» не далеки отъ осуществленія. Провозглашено объединеніе всѣхъ «дѣльницъ» Польши подъ скипетромъ нашего Государя. Приходитъ конецъ искусственному отчужденію... Польскія дѣти, какъ отцы ихъ и матери, радуются наступающему «сліянію» съ Россіей, а не ворчатъ и злобствуютъ, какъ изображалъ это г. Устимовичъ. Они же еще хлопочутъ о томъ, какъ бы «проклятый нѣмецъ» не повредилъ какъ куполовъ нашего собора въ Варшавѣ—опасаются за цѣлость «прекраснаго памятника», вчера еще неугоднаго критику [1]). Нѣмецкія притязанія, какъ и

[1]) Замѣтка I. В. Никанорова: «Закройте купола». «Нов. Вр.», № 13844.

границы, суживаются и отодвигаются куда-то подальше вглубь,—придуманная прусскимъ генераломъ Кнезебекомъ, еще во времена Паскевича, пресловутая граница по Вислу, какъ была, такъ и остается въ вожделѣніяхъ враговъ славянства.

Непріятельскіе цеппелины не коснулись соборнаго храма въ Варшавѣ,—онъ, попрежнему, стоитъ незыблемо на своемъ мѣстѣ, зоветъ къ молитвѣ. Изъ пепла войны возникаютъ русскіе памятники во Львовѣ, воскресаютъ его вѣковыя преданія. М. М. Ивановъ, на новую тему, можетъ написать ораторію и... забыть свой грѣхъ,—что писалъ онъ, пять мѣсяцевъ назадъ, о варшавскомъ соборѣ.

Въ недалекомъ будущемъ, возможно, и замокъ на правомъ берегу р. Ногата, основанный меченосцами, гдѣ все время своего плѣна «томился въ заточеніи» митрополитъ Филаретъ, по сказанію М. П. Устимовича, отрицавшаго, къ изумленію множества православныхъ, варшавскій плѣнъ митрополита,—и этотъ замокъ войдетъ въ кругъ современныхъ событій, къ общей нашей радости. Въ Маріенбургѣ, которому дано будетъ его древнее или новое, но славянское имя, въ свою очередь, можетъ быть свободно, безъ всякихъ препятствій, достойно увѣковѣчена память о нашемъ іерархѣ, какъ и въ Варшавѣ.

Но за привислянской столицей, и въ этомъ случаѣ, останется свое преимущество,—ей принадлежитъ первое мѣсто: мрачныя воспоминанія о маріенбургскомъ плѣнѣ митрополита Филарета окружены здѣсь, живой въ народѣ, безхитростной, но свѣтлой тоже легендой..

Сроки приближаются... Qui vivra verra.

28-го сентября 1914 г.
Петроградъ.

Алфавитный указатель именъ.

Источники.—Соловьевъ, IX, X, XI, Карамзинъ, XII, Цвѣтаевъ, II, Кулаковскій («Окр. Рос.»), Даревскій, «Szkice histor.», Ишбоisær ровскій, «Z przeszłości», Гомулицкій, «Opowiadania», Сидоровъ («Истор. Вѣст.»), Акаемовъ, «Путевод.», Стефановичъ («Варш. кал.»), Устимовичъ, «Троицк. соб.», Собѣщанскій, «Опис. Варш.» (изд. Истомина), «Przewodnik» (nakład «Wędrowca»), Шуйскій, «Dzieje Polski», Оргельбрандъ, Вислицкій, «Encyklopedja», и др., указанные въ текстѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Легенда о митрополитѣ Филаретѣ въ Варшавѣ.

Наброски на поляхъ, выноски и комментаріи къ темѣ.



